

ВЕСТНИК

1(90) 2025

АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-12244 от 02.04.2002 г.
Выходит 4 раза в год

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Н.И. Турко, первый вице-президент Академии военных наук, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (главный редактор);
В.А. Балыбин, доктор технических наук, профессор, заслуженный военный специалист;
С.П. Белоконов, доктор технических наук, профессор (заместитель главного редактора);
В.М. Валеев, доктор военных наук, старший научный сотрудник;
В.М. Глуценко, доктор военных наук, доктор экономических наук, профессор;
П.А. Дульнев, доктор военных наук, профессор, почетный работник науки и высоких технологий РФ (заместитель главного редактора);
А.В. Зюзин, доктор технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
И.Н. Караваев, доктор военных наук, кандидат педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
И.Л. Кардаш, доктор военных наук, профессор;
А.Н. Карпов, доктор политических наук, профессор;
А.Е. Кондратьев, кандидат военных наук, доцент, секретарь;
В.В. Круглов, доктор военных наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
В.Ф. Лазукин, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
В.Л. Махнин, доктор военных наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
С.А. Модестов, доктор политических наук, доктор философских наук, профессор;
А.А. Павловский, доктор военных наук, профессор;
Д.Н. Филипповых, доктор исторических наук, профессор;
С.В. Чварков, доктор военных наук, профессор;
Н.Н. Швец, доктор экономических наук, профессор.

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

В.П. Баранов, доктор исторических наук, кандидат военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и Республики Татарстан (председатель);
В.Г. Анисимов, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
И.В. Бочарников, доктор политических наук;
С.Ф. Викулов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
В.А. Виноградов, доктор военных наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
А.О. Камбаров, доктор экономических наук;
В.Ю. Корчак, доктор экономических наук, профессор;
М.Ю. Куприков, доктор технических наук, профессор;
В.Ф. Лата, доктор военных наук, профессор;
Е.К. Миннибаев, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
С.Л. Печуров, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
В.В. Пименов, доктор экономических наук, профессор;
А.А. Рахманов, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
А.В. Сержантов, доктор военных наук, профессор, заслуженный военный специалист;
П.В. Суханов, доктор педагогических наук, доцент;
В.В. Сухорутченко, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
А.Я. Черныш, доктор военных наук, профессор;
Ю.Ф. Шлык, доктор военных наук, профессор, заслуженный работник высшей школы;
Б.А. Якимович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» редакция имеет право не вступать в переписку с авторами. При перепечатке материалов ссылка на «Вестник Академии военных наук» обязательна. Журнал предназначен для лиц старше 18 лет.

Подписано в печать 05.02.2025 г. Формат 60х90 1/8.
Печать офсетная. Печ. л. 23. Тираж 1000 экз. Заказ № 034/25. Цена договорная.
Адрес редакции: 119330, г. Москва, Университетский пр., д. 14,
тел. (499) 194-24-48, (499) 147-51-19, факс: (499) 143-67-38

© Вестник Академии военных наук

СОДЕРЖАНИЕ

2025 год – ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА 4

ГЕОПОЛИТИКА И ОБОРОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

И.В. БОЧАРНИКОВ. Роль США в развязывании и эскалации иракского кризиса начала XXI века ... 6

А.А. КУЛАКОВ. Информационные аспекты глобального противостояния США и Российской Федерации 15

В.Г. ВОСКРЕСЕНСКИЙ, А.Е. КОНДРАТЬЕВ, Н.В. УШАКОВА. Целевые установки военно-политического руководства США, КНР и Индии по отношению к зонам Тихого и Индийского океанов в контексте военной безопасности Российской Федерации 24

Р.С. ХЛОПОТОВ, А.В. ВДОВИН, К.К. КОСТИН. Поставки вооружений как инструмент формирования военно-политической обстановки ... 30

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

С.А. МОДЕСТОВ. Кризис военной науки и постнеклассические перспективы его преодоления 37

С.Н. ПЕТРУНЯ. Подходы к расчёту военной мощи государств и влияние его результатов на планирование применения Вооружённых Сил Российской Федерации 44

Р.В. РОДИН. Влияние опыта боевых действий на изменения в организационно-штатной структуре отдельных мотострелковых бригад в Афганистане (1979–1989) 49

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

В.Ф. ЛАЗУКИН, В.А. МАЛЫШЕВ, В.Л. ЛЕН. Роль и место оперативно-тактической авиации в военных конфликтах современности и будущего 53

И.Л. КАРДАШ. Вопросы взаимодействия в войсках национальной гвардии Российской Федерации при выполнении служебно-боевых задач 57

Уважаемые читатели!
Подписка на электронную версию журнала –
на сайте www.avnrf.ru

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. ВДОВИН, К.К. КОСТИН. Система рубежей и укрепленных районов – ретроспектива, современность и перспективы	63
---	----

УПРАВЛЕНИЕ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ И ИХ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ

В.Н. КОЗИЧЕВ, А.А. ЕРМАКОВ. Современное состояние информационного обеспечения деятельности организационно-мобилизационных органов Вооруженных Сил Российской Федерации	72
---	----

ВСЕСТОРОННЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВС РФ

А.П. КОЛЕСНИЧЕНКО, А.В. КОТОВ, Ю.Г. ШАТИЛО. Проблемы комплексной защиты и инженерного обеспечения воинских формирований, передвигающихся своим ходом, в современных условиях	78
---	----

ВООРУЖЕНИЕ, ВОЕННАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕХНИКА

П.А. ДУЛЬНЕВ, В.Г. КОВАЛЕВ. Особенности формирования научно-технического задела в интересах создания ударных наземных робототехнических комплексов для подразделений Сухопутных войск	86
В.А. СКИБА, К.В. БЫКОВ. Образ перспективного многофункционального комплекса с малым БпЛА и решаемые им задачи с учетом опыта специальной военной операции	93
В.И. ОРЛЯНСКИЙ, В.М. МОИСЕЕВ. Развитие способов выполнения задач в миротворческой операции с применением оружия нелетального действия	99

ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Р.В. МАРКИТАН, Д.И. СОКОЛОВ. Системное мышление в модернизируемой системе военного образования	107
В.П. ГЕРАСИМОВ, А.П. СТЕПАНОВ, Ю.Ф. ШЛЫК. Основные направления совершенствования образовательной деятельности в военных образовательных организациях высшего образования Министерства обороны Российской Федерации в современных условиях	117

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

С.А. ЗОЛОТОВ, А.Ю. МОШИН, В.А. ШУМАЕВ. Повышение мобильности ОВС НАТО посредством формирования военно-транспортных коридоров в Европе	124
--	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Д.Н. ФИЛИППОВЫХ. Дорога на Берлин. Участие 79-й гвардейской стрелковой дивизии в Висло-Одерской стратегической наступательной операции	131
Р.М. ЧЕРНУХА. Опыт подготовки войск и прорыва глубокоэшелонированной обороны противника в Восточно-Прусской наступательной операции на примере действий 70-й армии	140
В.В. ПАРШИН. Проблема борьбы за господство в воздухе и её решение в годы Великой Отечественной войны	146
С.В. ФЕДУЛОВ, В.Э. РУДЕНКО, В.В. СОКОЛОВ. Подводные лодки «М-77» и «М-79» на Ладожском озере (1943–1944)	156
Д.А. ДЕМЕНТЬЕВ. Психологическая война в Терской области как важная составляющая русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	161
Е.Н. ДЕНИСЕНКО. Основные характеристики геноцида в историческом аспекте	169

КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

П.А. ДУЛЬНЕВ, Д.Н. ФИЛИППОВЫХ. Календарь памятных дат	177
ПАМЯТИ ТОВАРИЩА	178

I.V. BOCHARNIKOV. The role of the united states in unleashing and escalating the iraqi crisis at the beginning of the 21st century	6
A.A. KULAKOV. Informational aspects of global confrontation between the usa and Russian Federation	15
V.G. VOSKRECEVSKIY, A.E. KONDRATIEV, N.V. USHAKOVA. Target settings military and political leadership the usa, china and india in relation to the zones of the pacific and indian oceans in the context of the military security of the Russian Federation	24
R.S. KHLOPOTOV, A.V. VDOVIN, K.K. KOSTIN. Arms supplies as a tool of formation the military-political situation	30
S.A. MODESTOV. The crisis of military science and post-non-classical perspectives to overcome it	37
S.N. PETRUNIA. Approachs tj calculating the military power of states and the impact of its results in the planning of the use of the armed forces jf the Russian	44
R.V. RODIN. The impact of combat experience on changes in the organizational structure of individual motorized rifle brigades in Afghanistan (1979–1989)	49
V.F. LAZUKIN, V.A. MALYSHEV, V.L. LEN. The role and place of tactical aviation in military conflicts of the present and the future	53
I.L. KARDASH. Issues of interaction in the military the national guard of the Russian Federation when performing service and combat missions.	57
A.V. VDOVIN, K.K. KOSTIN. The system of borders and fortified areas – a retrospective, modernity and prospects.	63
V.N. KOZICHEV, A.A. ERMAKOV. The current state of information support for the activities of the organizational and mobilization bodies of the armed forces of the russian federation	72
A.P. KOLESNICHENKO, A.V. KOTOV, YU.G. SHATILO. Problems integrated protection and engineering support for military, formations moving on their own, in modern conditions	78
P.A. DULNEV, V.G. KOVALEV. Features of building the scientific and technical reserve in the interests of creating the ground-based attack robotic complexes for army units	86
V.A. SKIBA, K.V. BYKOV. The image of a promising multifunctional complex with a small uav and the tasks it solves, takin into account the expirience of the smo	93
V.I. ORLYANSKIY, V.M. MOISEEV. Development of ways to perform task in a peacekeeping operation using non-lethal weapons	99
R.V. MARKITAN, D.I. SOKOLOV. Systems thinking in military education system	107
V.P. GERASIMOV, A.P. STEPANOV, YU.F. SHLYK. Main directions of improvement of educational activities in universities of the ministry of defense in modern conditions	117
S.A. ZOLOTOV, A.YU. MOSHIN, V.A. SHUMAEV. Increasing the mobility of nato’s joint troops by forming military transport corridors in Europe.	124
D.N. FILIPPOVYKH. The road to berlin. participation of the 79th guards rifle division in the Vistula-Oder strategic offensive operation	131
R.M. CHERNUKHA. Experience in training troops and breaking through enemy’s deep-echelon defenses in the east prussian offensive operation using the example of the actions of the 70th army	140
V.V. PARSHIN. The problem of the struggle for air supremacy and its solution during the great patriotic war	146
S.V. FEDULOV, V.E. RUDENKO, V.V. SOKOLOV. Submarines “M-77” and “M-79” on lake Ladoga (1943–1944).	156
D.A. DEMENTIEV. Psychological warfare in the tersk region as an important component of the Russian-Turkish war of 1877–1878.	161
E.N. DENISENKO. The main characteristics of the genocide in the historical aspect.	169

2025 год – ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества

В целях сохранения исторической памяти, в ознаменование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов, в благодарность ветеранам и признавая подвиг участников специальной военной операции, постановляю:

1. Провести в 2025 году в Российской Федерации Год защитника Отечества.

2. Администрации Президента Российской Федерации:

а) образовать организационный комитет по проведению в Российской Федерации Года защитника Отечества и утвердить его состав;

б) образовать дирекцию по проведению в Российской Федерации Года защитника Отечества и утвердить ее состав;

в) обеспечить разработку и утверждение плана основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года защитника Отечества, включая объемы финансового обеспечения указанных мероприятий.

3. Назначить председателем организационного комитета по проведению в Российской Федерации Года защитника Отечества Руководителя Администрации Президента Российской Федерации Вайно А.Э.

4. Рекомендовать высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации осуществлять необходимые мероприятия в рамках проводимого в Российской Федерации Года защитника Отечества.

Наступивший 2025 год объявлен в России Годом защитника Отечества. «В 2025 мы будем отмечать 80-летие Великой Победы. В связи с этим предлагаю объявить 2025 год – Годом защитника Отечества в честь наших героев и участников специальной военной операции сегодня и в память о подвигах всех наших предков, сражавшихся в разные исторические периоды за Родину во славу наших отцов, дедов, прадедов, сокрушивших нацизм», – отметил на заседании Госсовета в Кремле Президент Российской Федерации В.В. Путин.

День защитника Отечества – официальный праздник в России. Исторически сложилось, что Россия, отстаивая собственные государственные интересы, была вынуждена часто вести войны, принимать участие в разнообразных конфликтах. В России трудно найти семью, где бы ни было своих героев, проливавших кровь на полях сражений.

Военная мощь была и является неотъемлемой чертой нашего государства, а профессия воен-

ного – уважаемой и почётной. Неслучайно, ещё Александр III говорил, что у России есть только два союзника – армия и флот.

В историю нашей страны прочно вписались факты единения русской армии с народом об их совместном противостоянии натиску врага, а также об их победах. Здесь можно вспомнить Александра Невского и Дмитрия Донского, народное ополчение Минина и Пожарского, Александра Суворова и Петра Багратиона, Отечественную войну 1812 года, Великую Отечественную... Появление подобного праздника не явилось чем-то чуждым и непонятным народу.

Первым праздником, связанным с почитанием защитников Отечества на Руси, следует считать Димитриевскую субботу. Она была установлена великим князем Дмитрием Донским, который одержал победу на Куликовом поле над Мамаем 8 сентября 1380 году. По возвращению с этой битвы он посетил Троицкий монастырь, где совершили поминовение православных воинов, павших в Куликовской битве, заупо-

койным богослужением и общей трапезой. Со временем сложилась традиция совершать такое поминовение ежегодно.

С XVIII века в России чтить воинов-защитников Отечества стали с 26 ноября 1769 года — в день Георгиевских кавалеров. В этот день было принято чествовать тех, кто был награждён почётной наградой — Орденом Святого Георгия или знаком отличия этого ордена.

Нынешняя праздничная дата берет свое начало в далеком 1918 году, когда молодое Советское государство нуждалось в армии для обороны. В этом году началась массовая мобилизация революционных сил на защиту социалистического Отечества. В ознаменование патриотического подъема трудящихся, первых побед в вооруженной борьбе против внешних и внутренних угроз молодой Республики день 23 февраля вошел в историю как день рождения Красной армии. С 1919 года он стал праздничной датой. Тогда праздник называли Днем Красного подарка и приурочили к годовщине боев первых красноармейских частей с войсками кайзеровской Германии под Псковом и Нарвой. В 1922 году за праздником закрепили новое официальное название — День Красной армии и Военно-морского флота.

Повышенное внимание к дате 23 февраля отмечено в годы Великой Отечественной войны. Этот период в целом характеризуется возрождением многих традиций, существовавших ещё в дореволюционной России, в частности, возвращением погон.

В современной России в 1995 году Государственной Думой Российской Федерации был принят Федеральный закон «О днях воинской славы России», в соответствии с которым 23 февраля был объявлен как «День победы Красной

Армии над кайзеровскими войсками Германии в 1918 году — День защитников Отечества», а в 2002 году — переименован в День защитника Отечества.

Сейчас День защитника Отечества напоминает нам о множестве воинских подвигов, совершенных за всю историю нашей страны. Для граждан России День защитника Отечества — праздник доблести, преданности и отваги — стал важной и неотъемлемой частью жизни. Отмечая его, граждане нашей страны не только отдают дань уважения всем защитникам Отечества, но и передают память об историческом прошлом нашего государства своим потомкам.

Очень важно рассказывать об этом празднике подрастающему поколению, ведь чувство любви к Родине нужно закладывать в ребенка еще с малых лет. Поэтому сейчас принято поздравлять с 23 февраля не только взрослых мужчин, но и маленьких мальчиков. Это делается для того, чтобы они тоже могли осознавать себя причастными к данному торжеству и понимали важность миссии, возложенной на них в будущем. Также в этот памятный день во многих семьях со скорбью и благодарностью вспоминают всех своих родных героев, погибших в бою.

День защитника Отечества — праздник настоящих мужчин, готовых в любой момент встать на защиту Родины, а в мирное время ежедневно оберегающих от любых невзгод свой дом и семью. Лучшие традиции предыдущих поколений защитников Отечества сейчас достойно продолжают воины Вооруженных Сил Российской Федерации. Они проявляют мужество и героизм в ходе специальной военной операции, при выполнении миротворческих задач, достойно несут нелегкую службу по защите интересов своей Родины и обеспечению ее безопасности.

Уважаемые коллеги!

От всей души поздравляем Вас с праздником мужества, силы и отваги! Искренне желаем Вам всегда оставаться надежными защитниками своих близких, добиваться поставленных целей, быть сильными духом, целеустремленными и верными своим идеалам. Пусть каждый день будет успешным, каждый поступок — достойным, каждая идея — отличной, каждое слово — твёрдым, а каждое действие — уверенным.

Крепкого здоровья, мира, добра и семейного благополучия.

Президиум Академии военных наук

I.V. BOCHARNIKOV

И.В. БОЧАРНИКОВ

РОЛЬ США В РАЗВЯЗЫВАНИИ И ЭСКАЛАЦИИ ИРАКСКОГО КРИЗИСА НАЧАЛА XXI ВЕКА

THE ROLE OF THE UNITED STATES IN UNLEASHING AND ESCALATING THE IRAQI CRISIS AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

В статье анализируются события и политические процессы, связанные с провоцированием иракского кризиса со стороны США. Рассматриваются цели и задачи американской стратегии по управлению иракским кризисом, наиболее существенные характеристики самого кризиса и его влияния на развитие военно-политической обстановки в Ближневосточном регионе. Определяется значение иракского кризиса в развитии региональной и глобальной безопасности.

The article analyzes the events and political processes related to the provocation of the Iraqi crisis by the United States. The goals and objectives of the American strategy for managing the Iraqi crisis, the most significant characteristics of the crisis itself and its impact on the development of the military-political situation in the Middle East region are considered. The importance of the Iraqi crisis in the development of regional and global security is determined.

Ключевые слова: США, Ирак, иракский кризис, Стратегия национальной безопасности, агрессия против Ирака, жертвы среди гражданского населения, угрозы безопасности, мировой порядок.

Keywords: the United States, Iraq, the Iraqi crisis, National Security strategy, aggression against Iraq, civilian casualties, security threats, world order.

Иракский кризис стал одним из наиболее значимых явлений мировой политики в начале XXI столетия. Важнейшей его спецификой, определяющей чрезвычайную значимость для содержания и тенденций развития современных мировых политических процессов, стало комплексное воздействие на системы как региональной, так и глобальной безопасности. При этом очевидна взаимообусловленность глобальных и региональных проблем, сформировавшихся под непосредственным воздействием данного кризиса.

Ни одно событие, будь то регионального или субрегионального характера, происходившие в мировой политике до вторжения США и Великобритании в Ирак, не оказывали столь масштабного воздействия на глобальные политические процессы. Даже агрессия НАТО против Югославии в марте – июне 1999 года, знаменовавшая собой прецедент использования военной силы в Европе в нарушение международного права впервые после Второй мировой войны, все же не имело столь резонансного значения, как вторжение и последующая оккупация Ира-

ка. Распад Югославии, хотя и произошел под воздействием натовской агрессии, тем не менее конфликт не вышел за ее пределы, локализовавшись в конечном итоге в конфронтационных взаимоотношениях Сербии и отторгнутой от нее территории Косово.

Аналогичным образом иракским кризисом были отодвинуты на «второй план» и такие резонансные события, как теракты 11 сентября 2001 года в США, открывшие новую эру терроризма и последовавшее за этим вторжение США и их союзников по Антитеррористической коалиции в Афганистан.

Все эти акции хотя и обрели характер явлений мировой политики, тем не менее, как показало дальнейшее развитие событий, стали своего рода прелюдией к эскалации более масштабного социально-политического катаклизма, которым и стал иракский кризис.

Сопоставимыми с ним по своим масштабам и результатам воздействия на мировые политические процессы могут быть, на наш взгляд, только лишь ливийский (2010–2011 годов) и сирийский, продолжающийся в настоящее время кризисы.

Но при этом очевидно, что истоки этих кризисов были заложены событиями в Ираке в 2003 году и непосредственно связаны с вторжением в эту страну американо-британской коалиции и последующей их оккупационной политикой.

Все это определяет особую значимость иракского кризиса, ставшего именно той точкой бифуркацией, предопределившей содержание и направленность политических процессов более чем на десятилетний период, оказав существенное воздействие на характер и содержание международных отношений как на Ближнем и Среднем Востоке, так и в мире в целом.

Одним из первых данную специфику иракского кризиса определил академик Е.М. Примаков, акцентировавший внимание в своей книге «Мир после 11 сентября и вторжения в Ирак» на глобальном и долговременном характере иракского кризиса, обусловленного стремлением США к формированию однополярного мира под своей эгидой и управлением [12].

Аналогичной позиции придерживается ряд отечественных и арабских ученых, исследовавших природу, содержание и характер влияния иракского кризиса на мировые политические процессы.

По мнению, например, сирийского ученого Салума Хоссамеддина, «Развитие ситуации вокруг Ирака со всей очевидностью показало, что иракский кризис — это не ординарный региональный военный конфликт, а кризис общемирового значения. Это кризис мирового порядка, ООН и других международных институтов, международной безопасности, союзов и коалиций и, наконец, международного права» [15].

Масштабность и значимость иракского кризиса определяется рядом факторов. Прежде всего, очевидны его беспрецедентные пространственно-временные параметры. Начавшийся еще в период войны в Персидском заливе (1990 — 1991 годов) и достигнувший пика эскалации в 2003 году кризис по-прежнему не утратил своего деструктивного потенциала и оказывает влияние на политические процессы как на региональном, так и глобальном уровнях.

Под непосредственным воздействием кризиса находится развитие ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, в Персидском заливе, в странах арабского Средиземноморья, северо-восточной Африки и других регионах.

Очевидно влияние иракского кризиса и на европейскую политику, а также в целом на политику мирового сообщества в области международной безопасности. Ирак и события в нем на протяжении более четверти века являются предметом рассмотрения Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, а также ряда других международных организаций. Таким образом, налицо глобальные аспекты регионального по своей сути кризиса.

В то же время, очевидно, что при всей масштабности иракского кризиса и вовлеченности в него большого количества акторов, как глобального, так и регионального уровней, наиболее деструктивные его последствия отразились, прежде всего, на самом Ираке, ставшем одним из наиболее нестабильных государств на Ближнем и Среднем Востоке, эскалация насилия в котором проецирует нестабильность на весь регион.

Истоки этой нестабильности и насилия были заложены непосредственно вторжением американо-британской коалиции в Ирак и последующей оккупационной политикой США и их союзников.

Об этом со всей очевидностью свидетельствуют данные о жертвах в Ираке. В частности, общее число жертв непосредственно военной кампании, проводимой США и их союзниками за период с 2003 по декабрь 2011 года, по данным американо-британской неправительственной правозащитной организации «Iraq Body Count», составило 162 тыс. человек, из которых примерно 79 процентов — это гражданские лица [13]. По данным же другой организации — «Iraqi Journalists Syndicate», жертвами войны стали более 250 тыс. мирных жителей Ирака [17]. При этом только до середины 2006 года, то есть на стадии вторжения и осуществления оккупационной политики, по оценке Всемирной организации здравоохранения, жертвами насилия стали 151 тыс. иракцев [19].

Появление на территории Ирака террористической группировки ИГИЛ — «Исламское государство»¹ и захват ею значительной части территории Ирака фактически положили

¹ «Исламское государство» (другие названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама») признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории РФ решением Верховного суда России 29 декабря 2014 г.

начало политики геноцида в отношении его граждан по этноконфессиональным признакам. Так, например, согласно данным «Глобального рейтинга терроризма 2015 года», составленного Британским Институтом экономики и мира террористическая группировка «ИГ», ведущая бои за захват и удержание территории на севере Ирака и Сирии, ответственна за гибель, как минимум, 20 тыс. человек [5].

Массовый характер обрела эмиграция жителей Ирака. По данным Верховного комиссариата ООН, в результате действий американцев, а также последовавшей за этим гражданской войны — противостояния шиитской и суннитской общин, беженцами стали 3,7 млн человек (практически каждый восьмой житель страны). Более 2 млн человек выехали за пределы иракской территории, остальные стали «внутренне перемещенными лицами» [9].

Первоначально потоки беженцев, спасающихся от войны и насилия со стороны представителей радикальных экстремистских структур, были направлены в Иорданию и Сирию. С появлением же террористической группировки «Исламское государство» и распространением ее деятельности на сирийскую территорию, потоки беженцев были переориентированы на Турцию и далее в страны Европейского Союза.

Важнейшим фактором, определяющим характер и содержание политических процессов в Ираке в оккупационный период, стало также обострение межконфессиональных и межэтнических отношений.

На протяжении всего периода развития иракской государственности отношения между основными конфессиональными группами населения — суннитами и шиитами — всегда были достаточно сложными и проблематичными. Так же как и в Сирии, в Ираке сложилась ситуация, где представители конфессионального меньшинства доминировали в органах управления. Но, в отличие от Сирии, доминирующим меньшинством в Ираке являлись представители не алавитской (шиитской), а суннитской общины, составлявшие порядка 35% населения страны, в то же время подвергавшиеся различного рода ограничениям и дискриминации арабы-шииты составляли в разное время от 60 до 65% населения. Данное положение нередко приводило к про-

тестным выступлениям шиитов (в 1920, 1935, 1936 и 1937 годах).

В марте 1991 года, после поражения Ирака в «Войне в заливе», шииты, откликнувшись на призыв президента США Дж. Буша свергнуть режим президента С. Хусейна, в очередной раз подняли восстание, которое было жестко подавлено правительственными войсками. Американское руководство в данной ситуации предпочло не вмешиваться в конфликт. Примечательно, что восстание курдов, происходившее в это же время, напротив, ими было поддержано. В апреле 1991 года США ввели войска в Иракский Курдистан и создали на его территории так называемую «зону безопасности», на которую перестала распространяться юрисдикция иракского правительства. Все это формировало конфликтность во взаимоотношениях основных этноконфессиональных групп населения, эскалация которой произошла после свержения режима С. Хусейна и установления в Ираке оккупационного режима, осуществлявшегося Временной коалиционной администрацией во главе с американским дипломатом П. Бремером.

По решению администрации П. Бремера были проведены акции по «дебаасификации» страны, в соответствии с которыми были уволены служащие, учителя, университетские работники, врачи, и представители других профессий, имевшие отношение к партии «БААС». Помимо этого, приказом № 2 от 15 мая 2003 года были распущены армия, силы безопасности и правопорядка Ирака. В результате более 400 тысяч военнослужащих оказались без всяких средств к существованию, и именно они в последующем составили организационное ядро террористической группировки «Исламское государство».

Таким образом, отторжение оккупационной администрацией представителей суннитской общины от власти и попытки формирования новой системы государственного управления на основе принципа пропорционального представительства усилило роль шиитов и снизило роль суннитов в управлении страной. Начался процесс дискриминации уже суннитской общины Ирака, сопровождавшийся к тому же еще и актами насилия.

Наибольшей остроты противостояние между шиитами и суннитами достигло к февралю

2006 года. После взрыва 2 февраля 2006 года в священной для шиитов мечети Аль-Аскария в Самарре страну захлестнула волна насилия на почве межрелигиозного конфликта. Боевики противоборствующих сторон утаивали теракты и осуществляли подрывы шиитских и суннитских мечетей, похищали и убивали мирных иракцев, исповедовавших «вражеское» течение ислама. Расправы над гражданским населением Ирака стали, таким образом, обыденным явлением.

По заявлению бывшего министра финансов и обороны Ирака Али Аллави, с февраля 2006 по лето 2007 года Ирак пережил гражданскую войну, в рамках которой суннитские повстанческие формирования, в том числе входящие в структуры «Аль-Каиды», противостояли шиитским ополченцам «Армии Махди», поддерживаемым бригадами Бадра, а также правительственными войсками и силами безопасности. По утверждению А. Аллави, «это не были две организованные силы, сражающиеся общепринятым способом, как происходит в большинстве других гражданских войн. Имели место стычки на местном уровне с применением всех разновидностей тактики: произвол, убийства, теракты с использованием камикадзе, политические покушения, изгнание с насиженных мест и террор, делавший невыносимой жизнь невинных людей и их семей» [1, 167–168]. Итогом этой войны стали миллионы перемещенных лиц, этнические чистки или принудительная ссылка многих людей. Целые районы стали этнически однородными [1, 168].

В этой связи правомерна оценка данной ситуации Н. Кляйн, по мнению которой «...Сектантство и религиозный экстремизм, воцарившиеся в Ираке, невозможно отделить от вторжения и оккупации. Хотя эти тенденции присутствовали и до начала войны, они были значительно слабее, пока Ирак не превратился в американскую лабораторию шоковой терапии...» [10]. Вполне обоснованной в этом плане является и позиция Г.П. Герейханова, по мнению которого «за годы оккупации Соединенным Штатам удалось сделать невозможным диалог между суннитской и шиитской общинами Ирака» [7, 50].

Наращение межэтнических и межконфессиональных трений способствовало усилению сепаратистских тенденций в Иракском Курдистане.

Тенденция к сепаратизму, обозначившаяся сразу после войны в Заливе, в период гражданской войны в Ираке 2006 – 2007 годов, обрела долговременный характер и по-прежнему является доминирующей в политике руководства этого региона. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в июле 2014 года на территории Иракского Курдистана планировалось провести референдум с целью объявления о его независимости. И только лишь эскалация напряженности, обусловленная деятельностью террористической группировки «Исламское государство», отложила его практическую реализацию на неопределенное время.

Аналогичные процессы децентрализации идут и в других регионах страны. В частности, о стремлении к образованию независимого государства заявили уже представители «Туркменского народного фронта Ирака», поддерживаемого Турцией.

С учетом того, что значительная часть территории Ирака (более одной трети) находится под контролем террористической группировки «Исламское государство», юрисдикция центрального правительства распространяется, таким образом, только лишь на столичный регион и южные провинции с преобладанием шиитского населения, хотя и здесь также имели место проявления центробежных тенденций.

Все это дает основание полагать, что к настоящему времени в территориальном отношении Ирак фактически уже перестал существовать как суверенное государство и это, безусловно, является следствием вторжения и осуществления оккупационной политики в этой стране, попытки утверждения здесь удобной для США формы государственного устройства.

Важнейшим фактором, определяющим кризисное развитие ситуации в Ираке, является также и то, что его территория, по сути, превратилась в эпицентр террористической угрозы глобального уровня.

Эта тенденция была отмечена еще в июне 2004 года в рамках ситуационного анализа, проведенного в МГИМО под руководством академика Е.М. Примакова. Согласно выводам его участников, «после свержения С. Хусейна Ирак превратился в своего рода «магнит» для международных террористов, которые проникают в страну и создают здесь новый плацдарм» [8].

И этот плацдарм был действительно создан уже в 2006 году, когда в оккупированном Ираке объединились 11 радикальных суннитских формирований во главе с местным подразделением «Аль-Каиды» («Каида аль-джихад в Ираке»).

До 2013 года группировка называлась «Исламское государство Ирак» (ИГИ). Ее целью был захват суннитской части Ирака и превращение ее в военизированное исламское суннитское государство, после того как из Ирака уйдут силы международной коалиции во главе с США [6].

В значительной мере эта цель идеологами «Исламского государства» была реализована. Как только войска стали выводиться, перманентная террористическая угроза, существовавшая в Ираке в течение всего периода его оккупации, трансформировалась в одну из наиболее значимых глобальных угроз современности.

Хотя причиной эскалации кризиса стал не вывод американских войск и их вооруженных формирований их сателлитов, а напротив, вторжение США в Ирак в 2003 году. Именно это стало ключевым фактором, определяющим развитие ситуации, как в Ираке, так и в других странах региона, пораженных метастазами «ИГ». О причастности США к его образованию вынужден был признать и американский президент Б. Обама, по словам которого, «ИГ является ответвлением «Аль-Каиды» в Ираке, которое разрослось в результате нашего вторжения» [2].

В этом плане очевидна рассогласованность данного заявления с позицией руководства США периода, предшествовавшего вторжению в Ирак, воспринимавшееся как важный этап войны с международным терроризмом. Убежденность в этом нашла отражение и в американских доктринальных документах, в частности, в Стратегии национальной безопасности 2002 года [16].

Тем не менее реальность оказалась совсем иной, чем та, которая прогнозировалась американским военно-политическим руководством. Ирак стал не плацдармом борьбы с терроризмом, а превратился в своеобразный центр международного терроризма и экстремизма.

Все это закономерно привело к ослаблению региональных позиций Ирака. По мнению А. Аллави, «Иракскому государству угрожают не только приверженцы прежнего режима и

радикальные джихадисты, объявившие войну Америке, но и соседние страны. Все они, за исключением Кувейта, ощущают прямую угрозу из-за беспрецедентных перемен, происходящих в Ираке, притом каждая — по собственным соображениям» [1]. Ирак, таким образом, превратился из одного из ведущих акторов региональных отношений в объект региональной политики соседних государств.

Очевидным трендом развития ситуация является дефрагментация арабского политического пространства. По всей видимости, это и было предопределено логикой утверждения американского доминирования в регионе.

Наметившаяся в 70-х годах прошлого столетия консолидация арабских стран на фоне палестино-израильского противостояния, следствием которого стало эмбарго на продажу нефти странам, поддержавшим Израиль в ходе арабо-израильской войны 1973 года, явилась мощным фактором мировой политики и продемонстрировала уязвимость США от позиции основных экспортеров нефти.

Поэтому дефрагментация арабского пространства явилась одним из наиболее значимых направлений американской внешней политики. Реализация этой стратегии была начата еще в начале 80-х годов прошлого столетия, в период администрации Р. Рейгана. Используя опасения ближневосточных монархов возможностью государственных переворотов на фоне популярности в регионе панарабской идеологии, США удалось вовлечь их в свою внешнеполитическую орбиту и использовать в противостоянии со странами просоветской ориентации [18]. Именно через Саудовскую Аравию, а также Египет и Иорданию в основном шло финансирование и вооружение афганских моджахедов. Здесь же набирались и волонтеры для борьбы с советскими войсками в Афганистане, составившими в последующем основу организационного ядра «Аль-Кайды», в том числе ее руководящих органов. Так, в частности, ее лидер У. бен-Ладен, объявленный в США после терактов 11 сентября «угрозой № 1», свою деятельность по сколачиванию террористических группировок начинал в Пакистане в 1980 году, где им были созданы организации, занимавшиеся поиском средств для вооруженной борьбы против советских войск в Афганистане [3].

В 90-х годах XX столетия уже Ирак своим вторжением в Кувейт во многом способствовал дальнейшему вовлечению арабских монархий в орбиту влияния США. Именно на территории Саудовской Аравии была сформирована 500-тысячная группировка американских войск для войны с Ираком.

Все это привело к крупномасштабной милитаризации региона и, прежде всего, стратегически важного Персидского залива — основного транспортного узла экспорта углеводородов. Для обеспечения же их бесперебойных поставок США ввели в Заливе свой порядок управления, не распространяющийся только на территориальные воды Ирана.

США, таким образом, значительно расширили возможности влияния на нефтедобывающие страны этого региона, включая своего основного поставщика — Саудовскую Аравию, и, в целом, на ценовую и квотную политику в нефтяной сфере. Более того, они фактически обрели возможность контролировать весь нефтеносный район: от Персидского залива до Каспийского моря, а также важнейший геополитический плацдарм для утверждения своего доминирования во всем регионе Ближнего и Среднего Востока.

В конечном итоге США добились реализации целей, которые не декларировались, по крайней мере, в открытых источниках, — разделения арабских стран по принципу «свой — чужой» или по их терминологии — прогрессивный (демократический), реакционный (антидемократический). Парадоксом в данном случае является то, что к категории прогрессивных ближайших союзников США были отнесены арабские монархии: королевство Саудовская Аравия, эмират Катар, Объединенные Арабские Эмираты и королевство Бахрейн. Ирак же, Ливия и Сирия, согласно Стратегии национальной безопасности США 2002 года, были отнесены к категории «государств — париев», формирующих «ось зла» [18].

По сути дела, в отношении арабского мира была реализована политика искусственного противопоставления одних стран другим. Обратной же стороной реализации данной политики стало усиление антиамериканских и антизападных настроений, причем не только в «государствах — париях» (по американской терминологии), но и в дружественных США арабских монархиях.

Прежде всего, это характерно для Саудовской Аравии, которую в арабском мире называют основным поставщиком джихадистов.

Антиамериканские и антизападные настроения, в целом, проявляются и в Египте, Иордании, Ливии, а также в других государствах Ближнего и Среднего Востока. По мнению Салума Хоссамеддина, «вторжение войск англо-американской коалиции в Афганистан и Ирак, а также последовавшая за этим оккупация, лишь увеличили социальную и культурную неприязнь к Западу в рассматриваемом регионе» [15].

При этом антиамериканские и антизападные настроения проявляются не только в виде манифестаций и демонстраций, как это принято в англо-саксонской и континентально-европейской традиции, но и в более радикальной форме, в том числе посредством диверсионно-террористических акций.

Одной из первых таких акций стал теракт в Мадриде 11 марта 2004 года. В результате 10 взрывов на железнодорожной станции «Аточа» погибли 192 человека, более полутора тысяч получили ранения. Теракт стал самым крупным за всю историю Европы. Ответственность за него взяла на себя организация «Бригады Абу Хафс аль-Масри», являющаяся частью «Аль-Каиды», объявившая, что теракт является мостью за участие Испании в оккупационной политике в Ираке. В последующем теракты с аналогичным обоснованием цели произошли в лондонском метро в июле 2005 года [4].

Общим же трендом в развитии ситуации в странах Европы стал рост исламского экстремизма и осложнение на этой почве внутриполитической обстановки в целом ряде стран: Великобритании, Германии, Дании, Франции, Швеции и др.

Своего же апогея антиамериканские и в целом антизападные настроения достигли в деятельности террористической группировки «Исламское государство», объявившей в качестве одной из своих целей борьбу с «крестоносцами» — оккупантами, под которыми понимались американские и другие оккупационные войска.

Таким образом, этноконфессиональная конфронтация вышла на более высокий, межцивилизационный уровень, как это и прогнозировалось американскими аналитиками в 90-е годы XX столетия в виде «исламского излома».

При этом очевидно, что причиной данного «излома» явились не приписываемые исламскому миру агрессивность и радикализм, а попытки переформатирования США политического пространства Ближнего и Среднего Востока под свои собственные национальные интересы в рамках реализации американской внешнеполитической доктрины «Большой Ближний Восток». Разработанная в период избирательной кампании Дж. Буша-старшего и принятая к исполнению администрацией Дж. Буша-младшего, данная стратегия стала обоснованием попытки утверждение новой геополитической конструкции — однополярного мира под эгидой США.

Вторжение в Ирак и последующая оккупационная политика в нем являли собой одно и звенов реализации данной попытки, спровоцировавшие эскалацию полномасштабного кризиса глобального масштаба. Данную взаимосвязь отметил еще в 2003 году Е.М. Примаков в своей книге «Мир после 11 сентября и вторжения в Ирак» [12].

Управляемый хаос, насаждаемый в Ираке, вышел за рамки Ближнего и Среднего Востока, оказал значимое влияние на развитие политических процессов в странах, находящихся за пределами данного региона, в том числе в благополучной Европе, переживавшей процесс становления Европейского Союза в качестве одного из центров мировой политики. Дальнейшее развитие событий продемонстрировало несостоятельность этих планов. Европе и ее ведущим странам не позволено было развиваться самостоятельно и независимо от позиции США. Решающую роль в этом сыграл также иракский кризис, а точнее осознание американской администрацией необходимости установления полного контроля над властными политическими элитами Европейского Союза и, в первую очередь, его ведущих европейских стран — Франции и Германии. В основе этого решения лежала оценка позиции политического руководства Франции и Германии, выступивших совместно с Россией против американо-британского вторжения в Ирак. Реакция на эту консолидированную позицию нашла отражение в известной формуле К. Райс — «наказать Францию, игнорировать Германию, простить Россию» [11].

Следствием этого стало непосредственное участие США в формировании политической элиты ведущих европейских стран и в целом Европейского Союза с тем, чтобы в последующем исключить появление в этих странах лидеров, ставящих национальные интересы выше интересов Соединенных Штатов. И эта цель, судя по развитию ситуации в странах Европейского Союза и консолидированной проамериканской позиции его лидеров, в полной мере была достигнута. Таким образом, именно в Европе в наибольшей мере была реализована концепция гегемонии США, что проявляется в управляемости ими высшим политическим руководством европейских стран и в целом Евросоюза.

Волна терактов 2015 — 2016 годов в Париже, Брюсселе и других городах Европы, миграционный кризис лишь усилили данную зависимость от Соединенных Штатов.

В то же время на фоне демонстративной проамериканской позиции европейских политических элит отмечается и усиление позиций национально-ориентированных организаций и движений в целом ряде стран. Наиболее очевидны они в Греции, Испании, Франции, Германии и других странах Европы. Что еще больше ослабляет Европейский Союз и делает его придаточным звеном в реализации американской геополитической концепции.

Важнейшей спецификой иракского кризиса является то, что он с учетом охвата большого числа стран и регионов не мог не выйти на более высокий, глобальный уровень, затронув интересы и безопасность всего мирового сообщества.

Анализ хода развития иракского кризиса и его результатов позволяет сделать вывод, что руководством США в процессе вторжения в Ирак и последующей оккупационной политики в нем преследовались следующие цели:

- продемонстрировать решимость руководства США любой ценой добиться урегулирования иракской проблемы на своих условиях;
- способствовать установлению в Ираке проамериканского марионеточного режима;
- вывести из-под юрисдикции международных институтов процессы урегулирования кризисов и конфликтов, что должно являться, по мнению американского руководства, прерогативой только лишь США;

— установить контроль над таким стратегически важным районом, как Ближний и Средний Восток.

В силу этого очевидно, что вторжение США в Ирак, равно как и последовавшая его оккупация, — продуманная и принятая к исполнению стратегия. Для руководства США в этом плане был принципиально важен был сам факт демонстрации военной мощи и готовности применить ее на практике в дальнейшем.

Мировое сообщество, таким образом, спустя чуть более десятилетия после окончания «холодной войны», вступило в новую фазу передела мира, главной доминантой которого является стремление к мировому господству и проявление рецидива «политики силы», подрывающего сложившуюся в послевоенный период систему международного права.

В первую очередь, это касается пересмотра положений международно-правового устройства системы глобальной безопасности, которой была противопоставлена основанная на праве силы, модель мира.

Речь, таким образом, идет о предельно остро проявившихся амбициях США, стремящихся перехватить полномочия ООН, и стать своего рода стержнем «глобальной ответственности» во всем мире.

И в этой связи нельзя не отметить еще одно следствие иракского кризиса, выразившееся в преднамеренном ослаблении легитимных институтов международной безопасности, прежде всего ООН. США, присвоив себе право единолично принимать решение на проведение военной акции против суверенного государства, фактически взяло на себя функции Совета Безопасности, игнорируя тем самым роль и место ООН в системе международных отношений.

Постоянно убеждая мировое сообщество в необходимости соблюдения международных договоренностей, прав человека, руководство США, тем не менее, сочло возможным пойти на нарушение практически всех международно-правовых актов, в том числе и Устава ООН, регламентирующих порядок межгосударственных отношений.

Непосредственно в сфере обеспечения национальной, региональной и международной безопасности это стало свидетельством того, что безопасность ни одного государства в мире сегодня не может быть гарантирована международно-правовыми актами. Это значит, что все договоры и другие акты международного права должны быть обязательно подкреплены соответствующими аргументами, в первую очередь, военно-оборонительным потенциалом государства. Речь, таким образом, идет о новом витке милитаризации, спровоцированном вторжением США и Великобритании в Ирак.

По мнению экспертов, наиболее опасным для международной безопасности в этом плане являются возможные масштабные нарушения в ближайшей перспективе режима нераспространения оружия массового поражения со стороны «пограничных государств». Так, В.И. Сажин полагает, что «война, начатая без санкции ООН США и Великобританией — двумя ядерными державами, преподала урок странам, по прежней терминологии, «третьего мира» [14]. Руководство этих стран, по мнению цитируемого автора, убедилось в том, что международные организации не в состоянии сдерживать устремления некоторых воинственных великих держав. И так называемые «пороговые страны», то есть те, которые находятся на пути к созданию атомной бомбы, все чаще приходят к выводу, что им поможет только доктрина ядерного сдерживания» [14].

Таковы основные политические итоги иракского кризиса, спровоцированного вторжением США и Великобритании в Ирак в марте 2003 года, а также последовавшей за этим их оккупационной политикой.

В целом же развитие политических процессов в Ираке и ситуации вокруг него стало одним из центральных системообразующих факторов развития обстановки в сфере военно-политической безопасности как на региональном, так и на глобальном уровнях. Будучи локальным по своей сути, иракский кризис, тем не менее, оказал и продолжает оказывать значимое влияние на развитие политических процессов не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и за их пределами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Али Аллави. Кризис в Ираке и грядущий порядок на Ближнем Востоке // Россия в глобальной политике. – № 3. – Том 12. – 2014. С. 167–168.
2. Барак Обама назвал появление ИГ результатом действий США на Ближнем Востоке <http://webnovosti.info/>.
3. Биографии политиков и лидеров Ближнего Востока <http://www.middleeast.org/persons/Laden.htm>.
4. Британские исламисты предупреждали о терактах в Лондоне более чем за год <https://lenta.ru/news/2005/07/09/warn/>.
5. Бочарников И.В. Современные тенденции развития международного терроризма // Конфликтология / nota bene. – 2016. – № 1. – С. 6–16.
6. Бочарников И.В. Террористическая группировка «Исламское государство» как закономерное следствие ближневосточной стратегии США // Тренды и управление. – 2015. – № 4. – С. 395–402.
7. Герейханов Г.П. Группировка «Исламское государство» как фактор эскалации глобальной террористической угрозы. В кн. Терроризм в современном мире / под ред. А.П. Кошкина. – Вып. 5. – М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2015. С. 50.
8. Иракский кризис и перспективы урегулирования // Россия в глобальной политике. 2004. № 3.
9. Кирсанов Е.Е. Иракские беженцы: мина замедленного действия <http://www.iimes.ru/?p=10361>.
10. Кляйн Н. Доктрина шока становление капитализма катастроф. Пер. с англ. – М.: Изд-во «Добрая книга», 2009. – 656 с.
11. Кондолиза Райс: Наказать Францию! Игнорировать Германию! Простить Россию! <http://inosmi.ru/world/20030520/181434.html>.
12. Примаков Е.М. Мир после 11 сентября и вторжения в Ирак. Екатеринбург: Пирогов, 2003. 200 с.
13. Подсчитано число гражданских жертв войны в Ираке <https://lenta.ru/news/2012/01/02/iraq/>.
14. Сажин В.И. Война против Ирака и проблема нераспространения ядерного оружия. <http://www.iimes.ru/>.
15. Салум Хоссамеддин. Иракский кризис: особенности и характер его влияния на современные международные отношения. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: РУДН, 2010.
16. Стратегия национальной безопасности США в первом десятилетии XXI века: к вопросу «самодостаточной» безопасности <http://articlekz.com/article/7878>.
17. Человеческие жертвы войны в Ираке <http://ria.ru/infografika/20130320.html>.
18. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации. США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. – Минск, 1995.
19. Marilyn Marchione. 151,000 Iraqis died in 3 years after US invaded, study by Iraq and UN health agency finds.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ США И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

INFORMATIONAL ASPECTS OF GLOBAL CONFRONTATION BETWEEN THE USA AND RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматривается антагонистический характер современного противоборства США и Российской Федерации в информационной сфере гибридной войны, раскрывается сущность и содержание информационной войны США, роль и значение информационно-психологических операций США в странах дальнего и ближнего зарубежья. На этой основе автором выделяются внешние и внутренние угрозы в информационной сфере национальной безопасности нашей страны и обосновываются общие подходы по противодействию угрозам в информационной сфере национальной безопасности Российской Федерации.

The article deals with modern antagonistic confrontation between the USA and Russian Federation in informational sphere of hybrid warfare. The author focuses on the essence and the content of the USA informational warfare. He also analyses the role and importance of the USA informational psychological operations in foreign countries. External and internal threats to Russian Federation informational sphere of national security are distinguished.

The author justifies general approach to counter threats in informational sphere of national security of Russian Federation.

Ключевые слова: гибридная война, информационная война США, ментальная война, поведенческая война, кибер-война, информационная сфера национальной безопасности, информационно-психологическое воздействие США, информационно-техническое воздействие США, внешняя угроза в информационной сфере, внутренняя угроза в информационной сфере.

Keywords: hybrid warfare, the USA informational warfare, mental warfare, behavioral warfare, cyber warfare, informational sphere of national security, the USA informational technical impact, external threat in informational sphere, internal threat in informational sphere.

В условиях гибридной войны, развязанной США против Российской Федерации, особую роль для враждебных действий в «гибридном» вооруженном конфликте на неонацистской Украине приобретают информационно-психологические операции США. На фоне экономических санкций против нашей страны Вашингтон предпринимает попытки целенаправленного разрушения с помощью информационно-психологических операций американских спецслужб традиционных социально-культурных ценностей российской цивилизации, демонизации с помощью фейков населения России, насаждения в странах ближнего и дальнего зарубежья идей русофобии, радикального национализма, героизации неонацизма, пересмотра взглядов на роль и место России и ее армии в истории. В странах Европы сегодня запрещается деятельность российских СМИ, вводятся санкции в отношении российских политиков, представителей бизнеса и спортсменов. Российские граждане и соотечественники, проживающие за рубежом, подвергаются «культуре отмены»

(дискриминации и преследованию по расовому (славянскому) признаку со стороны официальных властей).

Целью настоящей статьи является рассмотрение характера противоборства США и Российской Федерации в информационной сфере гибридной войны, изучение роли и значения информационно-психологических операций США в странах дальнего и ближнего зарубежья. А также общие подходы по противодействию России угрозам в информационной сфере национальной безопасности Российской Федерации.

Агрессивная внешняя политика США с использованием управляемых политических трансформаций (вмешательства во внутренние политические процессы стран-конкурентов), поддержанные в СМИ американскими спецслужбами с помощью информационно-психологических операций США нередко называется «информационной войной» [21, с. 28]. Однако, по мнению ряда специалистов, термин «информационная война» следует понимать в более

узком смысле — только как «информационное противоборство в ходе ведения обычной конвенциональной войны» [8, с. 132–133; 11, с. 92; 15, с. 8].

В целом эта практика в течение ряда десятилетий на рубеже XX–XXI вв. имела под собой некоторые основания. Впервые термин «информационная война» появился после проведения военной операции «Буря в пустыне» в 1991 г. и был официально закреплен в директиве министерства обороны США от 21 декабря 1992 г. и в директиве Комитета начальников штабов вооруженных сил США Т9 3600.1. Впоследствии Меморандум № 30 (1993 г.) заместителей министра обороны и председателя Комитета начальников штабов вооруженных сил США определил информационную войну США как «действия, предпринимаемые для достижения информационного превосходства в поддержке национальной военной стратегии посредством воздействия на информацию и информационные системы противника при одновременном обеспечении безопасности объектов, защиты собственной информации и информационных систем» [22, с. 61–62].

Ослабление глобальных экономических и военно-политических позиций США обусловили переход Вашингтона сначала (в 2014 г.) к мирной стадии гибридной войны с использованием неонацистской Украины против России, а в 2022 г. — непосредственно к военной стадии гибридной войны против нашей страны с использованием Украины. Нарастание Вашингтоном враждебных действий (гибридных угроз) США резко изменило военно-политическую ситуацию.

В «гибридном» конфликте на Украине в целом и в террористической вылазке неонацистской Украины в Курскую область (в ночь с 5 на 6 августа 2024 г.) в частности ряд российских политологов [3, 13] и военных экспертов [1, 6] заметили «комплексное информационное воздействие США на население России». Источником путаницы, по мнению автора, являются комментарии о происходящих событиях военного эксперта А.Ф. Клинецвича. В ряде публичных выступлений в августовских и сентябрьских выпусках ток-шоу «Время покажет» на центральном телевидении России он утверждал, что в ходе вылазки украинских неонацистов в Кур-

ской области «США оказывали в российских социальных медиа (в СМИ и социальных сетях) одновременно враждебное *ментальное воздействие* (дискредитировали российскую власть) на население и проводили *дезинформационные вбросы* (для нагнетания паники)» [6]. После этого следовали экспертные рекомендации по необходимым мерам парирования военных и информационных угроз США.

Для понимания характера процессов в информационной сфере гибридной войны изучим подходы ряда ведущих российских экспертов в области информационного противоборства. В работах доктора политических наук А.В. Манойло [9–10], кандидатов политических наук И.А. Медяника [12], К.С. Стригунова [10], А.Э. Попадюка [11], В.И. Теличко [11] и российских политологов А.А. Бартоша [2, с. 64–68], А.В. Костиной [7, с. 163–167], И.Н. Панариной [17, с. 59–67], Г.Г. Почепцова [19, с. 57–58], С.П. Расторгуева [18, с. 56–61], Л.В. Савина [22, с. 128–134] и др. всесторонне рассмотрены сущность и содержание видов информационной войны США, ведущейся против стран-конкурентов для сохранения однополярного миропорядка.

По мнению российских ученых, информационная война США как форма антагонистического противоборства ведущих держав в информационной сфере (включая киберпространство) проводится в целях:

1) разрушения традиционных социально-культурных ценностей населения и моделей поведения; дискредитации деятельности Президента РФ и Правительства РФ, переписывания истории Второй мировой войны;

2) нанесения ущерба информационным ресурсам основных сфер жизнедеятельности российского государства через изменение традиционных ценностей российского населения; кибератаки на системные информационные серверы, базы данных, информационные процессы в структурах государственного и военного управления, информационные ресурсы критически важных объектов противника через внедрение компьютерных вирусов и программ-шпионов;

3) массовой психологической обработки политически активных социальных групп населения для внушения паники, дестабилизации

социально-политической обстановки и внушения неверия руководству страны;

4) насаждения русофобии и радикального национализма в странах Европы и постсоветских странах;

5) пропаганды технологической и военной мощи США, которая защитит Запад от России; устрашения населения стран-союзников (с помощью дезинформации) «военной угрозой» со стороны России; насаждения русофобии.

Суть информационно-психологического воздействия США, по мнению российских ученых, состоит в манипулировании подготовленной информацией¹ в социальных медиа (проводится не менее 3–5 последовательных вбросов для пропагандистского воздействия и всего 1 вброс для дезинформационного воздействия) для изменения общественного мнения, кумулятивных изменений традиционных социально-культурных ценностей и моделей поведения населения. Информационно-психологические воздействия предназначены для нанесения косвенного и прямого ущерба институтам государства и общества страны-жертвы [9, с. 141–144].

Что касается сути информационно-технического воздействия США (кибератаки), то оно состоит в дезорганизации работы критической инфраструктуры противника, разрушении информационной инфраструктуры (серверов, баз данных, и т.п.) объектов институтов государства и общества в интересах дестабилизации социально-политической обстановки в стране-жертве. Кибератаки предназначены для нанесения ущерба информационным ресурсам управляющих, силовых и обеспечивающих компонентов его военной организации государства [22, с. 113–118].

Для достижения целей информационной войны против России сегодня США используют два стратегически важных направления.

Первое — переформатирование общественного сознания населения России, что сравнимо

с установлением власти над индивидуальным и общественным сознанием населения.

Второе — подрыв (разрушение) информационных ресурсов военных и государственных объектов Российской Федерации, а также критически важных объектов крупных городов.

По характеру решаемых задач информационно-психологические операции США делятся российскими учеными на: наступательные и оборонительные. В мирное время информационно-психологические операции США проводятся на стратегическом (государственном) уровне, в период военно-политического кризиса или в ходе «гибридного» вооруженного конфликта — на оперативном и тактическом уровне.

Опираясь на исследования доктора политических наук А.В. Манойло, можно утверждать, что информационная война США против Российской Федерации носит антагонистический характер, так как Вашингтон стремится разрушить культурную матрицу российской цивилизации и защитить свое идейно-мировоззренческое ядро, и реализуется в виде наступательных и оборонительных информационно-психологических операций противника.

Наступательная информационно-психологическая операция США представляет собой «комплекс пропагандистских и дезинформационных мероприятий, проводимых в интересах манипулирования общественным сознанием населения противника, снижения морально-психологической готовности личного состава вооруженных сил противника, а также мероприятий по оперативной маскировке, радиоэлектронной борьбе» [9, с. 193].

Оборонительная информационно-психологическая операция США представляет собой «комплекс мероприятий по защите информационной среды, включая население страны, вскрытию признаков нападения противника, восстановлению боеспособности и организации ответных информационных воздействий (включая контрпропаганду) на агрессию (нападение) противника» [9, с. 194].

Что касается защиты собственного информационного ресурса США в информационной войне, то она, по мнению российских ученых, осуществляется путем:

1. Использования дезинформации в социальных медиа на основе создания ЦРУ частных

¹ В военной политологии под **информацией** понимаются осознанные сведения о предметах, фактах, идеях, которые после их преобразования в данные (некоторую форму представления) могут использоваться субъектами (личность, общество, государство) для резервного хранения и обмена в процессах коммуникации (в качестве объектов хранения, преобразования, передачи и безопасного использования) и управления сфер общественной жизнедеятельности.

каналов распространения информации в фокусных странах, подготовки сценариев информационных вбросов (на планируемых год) аналитическими отделами спецслужб США при участии профессиональных журналистов государственных телеканалов стран Запада.

2. Срыва решения задачи распознавания излучаемой информации противоборствующей стороны либо увеличение времени на ее решение (зашумление сигналов излучения).

3. Скрытия носителей информации (маскировка информативных объектов) на военных и государственных объектах.

4. Проведение комплекса организационно-технических мероприятий по затруднению (исключению) доступа противоборствующей стороны к источникам конфиденциальной информации.

5. Организация жесткой контрпропаганды, патриотического воспитания молодежи, формирования нравственных и духовных ценностей у населения.

С точки зрения содержательной направленности и практического смысла информационно-психологический и информационно-технических операций российские ученые выделяют следующие виды информационной войны США: 1) ментальная война; 2) поведенческая война; 3) кибервойна.

Кратко рассмотрим их содержание.

Ментальная война

Ментальная (или культурно-мировоззренческая) война ведется на стратегическом (государственном уровне). Она рассчитана на постепенное переформатирование психики молодежи противника (стран-конкурентов), поэтому она имеет «поколенческий масштаб», ее результаты сказываются не сразу, а через поколение (15–20 лет). В этом ее главная угроза для будущего развития страны-жертвы. Главное направление в ментальной войне — непрерывные информационно-психологические воздействия в СМИ для изменения системы ценностей и моделей поведения школьников, политизации молодежи, внушение ей мифов и «важных» идей.

Ментальная (поколенческая) война США направлена на эволюционное идейное (идеологическое) переформатирование населения стран-конкурентов с использованием социальных

медиа и специально подготовленной информации. Из молодого поколения американские спецслужбы «постепенно воспитывают крайних националистов, неорабов общества свободного потребления, зомбированных манкуртов, которые забывают свою реальную историю и ради комфортной жизни по американскому стандарту готовы бездумно преклоняться перед мировым гегемоном (страной-агрессором)» [11, с. 81].

Этапы ментальной войны США.

На *первом этапе* в ходе информационно-идеологических воздействий у населения искажаются и разрушаются базовые религиозные мифы, социально-культурные ценностей и модели поведения, принятые в обществе.

На *втором этапе* разрушаются национальные идентичности. Молодежи внедряются (внушаются) через социальные медиа «нужные» идеи, предвзятые оценки прошлого и настоящего, мнения «ведущих» западных авторитетов.

На *третьем этапе* ментальной войны США запускается процесс формирования новой трансгендерной идентичности молодежи, проводят ее политизацию и подготовку радикальных социальных выступлений в стране-жертве.

Ментальная (поколенческая) война США против России сегодня «усиливается, ее фокус смещается в социальные сети, а информационные вбросы и инфоповоды непосредственно связаны с искажением хода Специальной военной операции и политизацией российской молодежи» [5, с. 45–47].

Поведенческая война

Поведенческая война является важным видом несилового воздействия на население противника. На основе сбора персональных сведений (выявления предпочтений и выявления стереотипных установок и моделей поведения) участников социальных сетей в ГИКС Интернет, обработанных программой искусственного интеллекта, осуществляется клиширование (многократное внушение) или целенаправленное навязывание информации.

Сегодня американские спецслужбы собирают сведения о политически активных социальных группах населения России и постсоветских стран. В Агентство национальной безопасности стекаются огромные массивы сведений о населении России и постсоветских стран.

Кибервойна

Противоборство и противостояние США в кибернетическом пространстве реализуется посредством комплекса информационно-технических воздействий (кибератак), цель которых заключается в уничтожении, искажение, модифицировании, отъеме информации или разрушении информационных ресурсов (серверов баз данных, коммуникационных систем, процессоров и контроллеров автоматизированных систем управления) управляющих, силовых и обеспечивающих компонентов военной организации стран-конкурентов.

Основным средством проведения кибератак США является кибероружие, спектр которого чрезвычайно широк. С его помощью американские спецслужбы способны: разрушить информационные ресурсы критически важной инфраструктуры крупных городов; произвести хищение баз данных национальных банков страны-жертвы; дезорганизовать системы ее военного и государственного управления; осуществить вывод из строя национальных телекоммуникационных сетей и компьютерных систем противника; организовать масштабные техногенные катастрофы на территории страны-жертвы, включая атомные объекты [22, с. 86–87].

Таким образом, проанализировав современные российские подходы к информационному противоборству ведущих держав мира, можно утверждать, что в оценке текущей ситуации «гибридного» конфликта на Украине, вызванной террористической вылазкой украинских неонацистов в Курской области, военный эксперт А.Ф. Клинецвич заблуждается [6], так как в течение нескольких дней, недель никакой субъект международных отношений не сможет по темпоральным (временным) соображениям осуществить ментальное воздействие на ценности населения нашей страны. Вместе с тем и здесь озабоченность военного эксперта А.Ф. Клинецвича понятна, информационная (идеологическая) проблема культурно-мировоззренческой (ментальной) безопасности для сохранения ценностей российской цивилизации сегодня существует.

В современных исследованиях, посвященных информационному противоборству России и США, российскими политологами А.В. Ко-

стиной [7, с. 164–168], Е.Г. Костриковой [8, с. 41–47], И.А. Медяником [12, с. 90–93], А.В. Федякиным [24, с. 219–228] обоснованно выделяется, что в условиях обостряющегося военно-силового противоборства Запада и России, достигшего наивысшего пика со времен окончания холодной войны, крайне важно обратить внимание на информационную сферу национальной безопасности Российской Федерации. Сегодня, по мнению ученых, государственная информационная политика России нуждается в реформировании, а информационное противоборство должно быть дополнено контринформационными операциями спецслужб России в странах ближнего и дальнего зарубежья для нанесения ущерба самим США и привлечения политической элиты и представителей национального бизнеса на сторону России.

В условиях развернувшейся против России гибридной войны, коварный замысел которой состоит не только в том, чтобы сдержать Западом нашу страну технологически и поглотить российскую территорию с ее ресурсным потенциалом, США исходят из политической установки: «нанесения России стратегического поражения в том числе за счет разрушения традиционных социально-культурных ценностей (сильное государство, семья, традиционные религии народов нашей страны) России и насаждения американизированных ценностей либерально-рыночного капитализма (гедонизм, жажда наживы любой ценой), трансгендерной повестки (однополые браки, легализация наркотиков и проституции) для молодежи, насаждения русофобии населению стран ближнего и дальнего зарубежья» [20, с. 338].

Итак, информационная война США сегодня является мощным манипулятивным инструментом гибридной (опосредованной) войны стран Запада против Российской Федерации. Вспомним историю Советского Союза. Для разрушения СССР был применен «механизм психологической войны, когда через разного рода «голоса», с использованием литературы самиздата, пропагандой запрещенных фильмов, «разоблачение» в среде молодежи и интеллигенции различных образовательных и имущественных преимуществ партноменклатуры, неспособности государства производить свои автомобили, джинсы и микроэлектронику предлагалось

заменить коммунистические идеалы на «общедемократические ценности» общества потребления» [8, с. 92]. Не будем обманываться – тот мировоззренческий выбор, несмотря на внешнее воздействие стран Запада и предательство партийно-хозяйственной номенклатуры, политически активные социальные группы советского общества сделали осознанно, только потом, через несколько десятилетий, стало понятно, что это трагическая ошибка. В 1990-х Россия «была разрушена Западом идеологически и через прозападную политическую элиту наша страна попала под внешнее управление США. Началась технологическая стагнация...» [23, с. 157].

В чем опасность так называемой ментальной войны США и угроз, создаваемых американскими спецслужбами в информационной сфере национальной безопасности России?

Опасность в том, что угрозы в информационной сфере носят латентный (скрытый) характер для институтов государства и общества, обычных пользователей социальными медиа. Деструктивное воздействие накапливается в сознании человека постепенно, через направленные эмоциональные видеоряды ярких сюжетов, примитивной музыки, эротических и брутальных фильмов, компьютерных игр в стиле «экшен» «с опорой на полностью или частично ложную информацию, противостоять которым для неопытной молодежи сложно» [10, с. 81–82]. Поэтому информационные войны США рассматриваются противником как необходимый компонент сковывания воли политической элиты и насаждения паники среди населения страны-жертвы.

Анализ работ по теме исследования показал, что российские политологи и военные эксперты с начала Специальной военной операции на Украине (СВО) выделяют два аспекта в глобальной и региональной военно-политической обстановке, которые задают тенденции для всех сфер межгосударственного противоборства в гибридной войне России против США.

Во-первых, аналитики выделяют политический аспект, который характеризуется попытками американских спецслужб с опорой на прозападную часть российской политической элиты сместить враждебный политический режим Президента РФ В.В. Путина, демонизировать Россию в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Во-вторых, российские ученые выделяют военно-пространственный аспект значительно-го размаха военно-силового противостояния Запада и России на евразийском континенте, протекающего в форме прокси-войны со странами Европы. А также планы американских спецслужб развязать серию «гибридных» вооруженных конфликтов в странах постсоветского пространства и втянуть в них нашу страну или «большую» войну НАТО против России.

Названные выше тенденции находят отражение в характере современных дезинформационных информационно-психологических операций США в государствах-членах НАТО, в странах ближнего и дальнего зарубежья:

1) политической элитой государств-членов НАТО пропагандируется могущество США и внушается, что «отстающую» Россию необходимо добить и можно победить в гибридной или обычной войны;

2) политически активным социальным группам населения государств-членов НАТО внушается «военная угроза России»;

3) политической элите стран ближнего и дальнего зарубежья внушается, что они – часть Запада и что США за них встанет горой в случае войны;

4) политически активным социальным группам населения стран ближнего и дальнего зарубежья внушаются идеи русофобии и национальной исключительности, политического сепаратизма.

В частности, с помощью информационно-психологических операций американские спецслужбы стремятся поддерживать радикальные реваншистские настроения в Восточной Европе (Республика Польша, Украина), США их будут продолжать вооружать и «через 10–15 лет повторно используют против России» [1].

Таким образом, благодаря многолетним направленным информационно-психологическим операциям США политическая элита стран Европы сегодня «готова к эскалации гибридной войны США до уровня «большой» региональной войны с НАТО» [2, с. 51].

В этих условиях информационно-психологические операции США против России направлены исключительно на дискредитацию Президента РФ, Правительства РФ, Вооруженных Сил РФ, постепенное разрушение традицион-

ных социально-культурных ценностей российской цивилизации.

Анализ ряда работ ведущих российских политологов и военных экспертов в области информационного противоборства России и США А.Г. Артамонова [1], А.А. Бартоша [2], А.Ф. Клинецевича [6], А.В. Манойло [9–11], И.А. Медяника [12], А.А. Мухина [14], И.Н. Панарина [17], Г.Г. Почепцова [19], В.В. Серебряникова [23], Д.Н. Щербины [25] позволил автору выделить основные внешние и внутренние угрозы информационной (по сути своей в культурно-мировоззренческой) сфере национальной безопасности Российской Федерации.

Итак, внешними угрозами в информационной сфере национальной безопасности Российской Федерации являются:

- Россию не допускают к глобальным электронным платежным системам, а ее населению (индивидуальным пользователям) США ограничивают допуск (программными методами замедляют трафик) к сервисам глобальной информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Для подготовки дезинформационных вбросов в социальные медиа России с территории постсоветских стран ЦРУ привлекает сотни лучших журналистов стран Запада;

- необоснованное и циничное обвинение высшего политического руководства Российской Федерации и Российского государства в нарушении норм международного права и взятых на себя международных обязательств;

- формирование в мировых СМИ негативного имиджа России, а в российских социальных сетях атмосферы недоверия к Президенту РФ и Правительству РФ, которые являются «прозападными марионетками», неспособными проявить волю и выиграть США в «гибридном» вооруженном конфликте на Украине;

- внушение (замещение) традиционных социо-культурных ценностей российской цивилизации ложными «демократическими смыслами», способствующими уничтожению славянского населения руками славян, разложению (наркотики, проституция, трансгендерная повестка) и политизации российской молодежи;

- проведение дезинформационных информационных вбросов в социальных медиа стран ближнего и дальнего зарубежья, разрушающих

память о роли Советского Союза во Второй мировой войне, насаждение русофобии;

- пропаганда и поощрение в национальных СМИ стран дальнего и ближнего зарубежья культа насилия по отношению к русским, экономической преступности, безнравственности и националистического реваншизма.

Из числа внутренних угроз информационной сферы национальной безопасности России, прежде всего, следует выделить:

- колоссальное социальное неравенство олигархического клана, взаимодействующего в властной элите, и остальных социальных групп российского общества;

- наличие в российской политической элите значительного количества прозападных «активистов», которые надеются «замириться» с Западом, саботируя мероприятия реформирования российской промышленности, науки, образования;

- снижение доверия к основным российским СМИ, отражающих только позитивные стороны СВО (в сравнении с военными корреспондентами на линии боевого соприкосновения, транслирующие наличие проблем со связью, беспилотниками, а в первый год СВО — с боеприпасами). Как результат, стремление российских граждан к получению информации из альтернативных источников о ходе СВО, которые в информационном пространстве России находятся под контролем американских спецслужб;

- тотальная зависимость российских граждан от информационно-телекоммуникационных технологий, в которых (в микроэлектронике и программном обеспечении) Россия отстает от США и Китая;

- отсутствие моральной цензуры в российских СМИ, литературы и искусстве, которые продолжают поклоняться массовой культуре Запада;

- подрывная деятельность финансируемых американскими спецслужбами международных и американских неправительственных организаций в России и странах постсоветского пространства, которые под прикрытием журналистской деятельности формируют оппозиционные силы и готовят радикальные социальные выступления.

Наличие перечисленных угроз в информационной сфере национальной безопасности Российской Федерации требует комплексной и системной работы российских спецслужб и всех

федеральных органов исполнительной власти. Анализ работ по теме исследования позволяет выделить ряд ключевых направлений по нейтрализации угроз в информационной сфере.

Во-первых, гибридная война является много-сферным и многоуровневым междоцивилизационным конфликтом. Отсюда враждебные действия в информационной сфере гибридной войны США направлены на подрыв государственного суверенитета и традиционных социально-культурных ценностей российской цивилизации несиловыми методами. Ее результаты сказываются не сразу, а через поколение (20–25 лет) и в этой ее долгосрочной направленности и заключается скрытая угроза. Наиболее эффективным инструментом контр-противодействия США в информационной сфере являются информационно-психологические операции российских спецслужб в национальных СМИ стран ближнего и дальнего зарубежья по разрушению американских пропаганды и ценностей, разрушению идей национализма и русофобии. А также целенаправленно для формирования и продвижения позитивного имиджа Российской Федерации [9, с. 365–367].

Во-вторых, информационная сфера национальной безопасности России опосредует деятельность политической, экономической, социальной, военной сферы жизнедеятельности российского государства. В условиях глобализации, бурного развития информационно-телекоммуникационных технологий, нарастания военно-силового противоборства стран Запада и России именно защита информационной сферы, информационных ресурсов российского государства и общества выходят на первый план с точки зрения устойчивости всех компонентов системы национальной безопасности России.

В-третьих, информационная (культурно-мировоззренческая) безопасность России сегодня зависит от формирования и развития Государственной информационной политики Российской Федерации, принимаемых мер (культурные и образовательные программы) и мероприятий по защите институтов российского государства и общества. Это невозможно без выработки и принятия общенациональной государственной идеологии консервативного типа [20, с. 255–257] долгосрочного развития России, смены прозападной политической элиты на национально ориентированную элиту, ускоренной промыш-

ленной модернизации российской экономической сферы, повышения качества жизни российского населения.

При этом руководителям государственных органов власти во всех субъектах Российской Федерации следует иметь в виду, что низкий уровень доходов и качества жизни российского населения, продолжение внедрения прозападной частью российской политической элиты западных культурных стандартов и ценностей либерально-рыночного капитализма будет порождать в обществе конфликт и стремление устранить социально-политические диспропорции насильственным путем, что отслеживается и подогревается американскими спецслужбами [7, с. 34–38].

В-четвертых, в условиях разрыва Западом отношений с Россией обеспечение информационной (культурно-мировоззренческой) безопасности требует усиления роли социально-гуманитарных наук, обновления системы высшего образования России, внедрения в нашей стране программ государственно-патриотического воспитания, базирующихся на тысячелетней истории и культуре России — страны-миротворца и защитника всех незападных народов от неокOLONIALИЗМА мирового гегемона. Только высокоинтеллектуальный, нравственно здоровые и государственно-ориентированные российские специалисты (менеджеры), составляющие политически активные социальные группы российского общества смогут противостоять враждебным действиям США в информационной сфере, а значит качественно обеспечивать национальную безопасность России в условиях гибридной войны против США и их союзников.

В-пятых, в условиях «включения Западом против России культуры отмены нашей страны из глобального информационного пространства» Российской Федерации, совместно с другими странами-участниками БРИКС и ШОС, необходимо формировать альтернативные западным глобальные цифровые платформы в сети Интернет. Допуск к названным незападным цифровым ресурсам стран глобального Юга и Востока станет достойным ответом США в информационной сфере гибридной войны.

Таким образом, информационную войну США против России отличает от других его несиловых (подрывных) методов тот факт, что она ведется сегодня для обеспечения военно-

политических целей США в прокси-войне на Украине. В странах ближнего и дальнего зарубежья фокус информационно-психологических операций США во многом переместился в социальные сети, где американские спецслужбы пропагандируют «демократические» ценности, внушают населению идеи русофобии, национализма и неофашизма.

Для противодействия американским информационно-психологическим операциям России необходима государственная информационная политика, основанная на общенациональной государственной идеологии, а также политиче-

ская и экономическая модернизация институтов государства и общества. Российские спецслужбы в условиях гибридной войны против США целесообразно использовать в странах ближнего и дальнего зарубежья для активных контр-информационных операций в национальных СМИ по разрушению американской пропаганды и ценностей, для разрушения идей национализма, русофобии и неофашизма. А также для формирования и продвижения в СМИ позитивного имиджа Российской Федерации в целях привлечения политической элиты и национального бизнеса на сторону России.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Артамонов А.Г. Материалы выступления по вопросу «О ходе специальной военной операции на Украине» в общественно-политическом ток-шоу «Время покажет». Часть 1. Выпуск от 06.09.2024 г. // URL: (дата обращения: 10.12.2024).
2. Бартош А.А. Мировая гибридная война: монография. М.: Горячая линия – Телеком, 2021. 544 с.
3. Белоус А.И. Технологии, методы и инструменты войн XXI века: монография. М.: Техносфера, 2024. 455 с.
4. Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций: монография М.: ИНФРА-М, 2023. 126 с.
5. Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартисвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства: монография. М.: Издательство «Московский центр непрерывного математического образования – МЦНМО», 2023. 224 с.
6. Клинецвич А.Ф. Материалы выступления по вопросу «О ходе специальной военной операции на Украине» в общественно-политическом ток-шоу «Время покажет» Часть 2. Выпуск от 15.08.2024 г. // URL: (дата обращения: 17.08.2024).
7. Костина А.В. и др. Культура как фактор национальной безопасности современной России. Значение и ролевая модель: монография. М.: ЛЕНАНД, 2021. 328 с.
8. Кострикова Е.Г. Россия на пороге информационных войн. Политика российского правительства в сфере СМИ в начале XX века: монография. СПб.: Петроглиф, 2020. 352 с.
9. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия – Телеком, 2021. 542 с.
10. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика: монография. М.: Горячая Линия – Телеком, 2020. 378 с.
11. Манойло А.В., Теличко В.И., Попадюк А.Э. Особенности организации противодействия фейковым новостям // Журнал «Вопросы политологии». 2021. № 5. с. 72-91.
12. Медяник И.А. Военная безопасность современной России в условиях новой информационной реальности: дисс. ... канд. филос. наук. Новочеркасск: Южно-Юр. гос. политехн. ун-т (НПИ) имени М.И. Платова, 2020. 156 с.
13. Михеев С.А. Материалы выступления по вопросу «О ходе специальной военной операции на Украине» в общественно-политическом ток-шоу «Время покажет» Часть 2. Выпуск от 19.08.2024 г. // URL: (дата обращения: 10.12.2024).
14. Мухин А.А. Информационная война в России: монография. М.: Центр Политической Информации, ГНОМ и Д, 2020. 560 с.
15. Новиков В.К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн: монография. М.: Горячая линия – Телеком, 2020. 288 с.
16. Овчинский В.С. Виртуальный щит и меч. США, Великобритания, Китай в цифровых войнах будущего: монография. М.: Книжный мир, 2018. 320 с.
17. Панарин И.Н. Информационная война и коммуникации: монография. М.: Горячая линия – Телеком, 2023. 236 с.
18. Расторгуев С.П. Информационная эволюция и война: монография. М.: Белые альвы, 2023. 366 с.
19. Почепцов Г.Г. Войны новых технологий: монография. М.: Издательство «ОМКО», 2020. 308 с.
20. Путин В.В. Президент России о самом разном: сб. выступлений по актуальным вопросам внешней, внутренней и военной политики России. М.: Центрполиграф, 2024. 483 с.
21. Рогозин Д.О. Война в терминах и определениях: военный словарь. М.: АСТ, 2023. 304 с.
22. Савин Л.В. Стрелы кентавра. Кибервойна по-американски: монография. М.: Издательский дом «Кислород», 2020. 496 с.
23. Серебрянников В.В. Войны России: социально-политический анализ: монография. М.: Научный мир, 1998.
24. Федякин А.В. Информационная политика государства в эпоху медиапротивостояния: глобальные вызовы и российские перспективы: учебное пособие. М.: Проспект, 2021. 336 с.
25. Щербина Д.Н. Военные информационно-коммуникативные операции как явление современного общества: автореф. дис. ...канд. филос. наук. М.: ВУ МО РФ, 2016. 26 с.

V.G. VOSKRECENSKIY,
A.E. KONDRATIEV,
N.V. USHAKOVA

В.Г. ВОСКРЕСЕНСКИЙ,
А.Е. КОНДРАТЬЕВ,
Н.В. УШАКОВА

**ЦЕЛЕВЫЕ УСТАНОВКИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
РУКОВОДСТВА США, КНР И ИНДИИ ПО ОТНОШЕНИЮ
К ЗОНАМ ТИХОГО И ИНДИЙСКОГО ОКЕАНОВ В КОНТЕКСТЕ
ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**TARGET SETTINGS MILITARY AND POLITICAL LEADERSHIP THE USA,
CHINA AND INDIA IN RELATION TO THE ZONES OF THE PACIFIC
AND INDIAN OCEANS IN THE CONTEXT OF THE MILITARY SECURITY
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье проведено исследование взглядов руководства США, КНР и Республики Индия на развитие военно-политической обстановки в зонах Тихого и Индийского океанов. Рассмотрены основные мероприятия по реализации военно-политического курса этих государств в контексте обеспечения военной безопасности Российской Федерации.

The article examines the views of the leadership of the United States, China and the Republic of India for the development of the military-political situation in the Pacific and Indian Oceans. The main measures for the implementation of the military-political course of these states in the context of ensuring the military security of the Russian Federation are considered.

Ключевые слова: целевые установки, военно-политическое руководство, США, Индия, КНР, Россия, сравнительный анализ, военная безопасность.

Keywords: goal guidelines, military and political leadership, USA, India, People's Republic of China, Russia, comparative analysis, military security.

В современной военной науке методология сравнительного анализа зарубежных стран занимает особое место, что во многом связано с ее возможностями получать новые знания о военно-политических процессах. В данной статье сравнительный анализ мировых центров силы проводится на примере установок руководства США, КНР и Индии по отношению к зонам Тихого и Индийского океанов в основных сферах общественной жизни — политической, экономической и военной.

В самом общем виде установки представляют собой относительно устойчивое субъективное отношение руководства страны к различным политическим явлениям, событиям, процессам, напрямую затрагивающим национальные интересы государства [1]. При этом под целевыми установками в контексте исследования военно-политической обстановки (ВПО) понимаются установки, формируемые под воздействием взглядов субъектов ВПО и являющиеся определяющими как при разработке доктринальных документов государства, так и при их реализации (реализации военно-политического курса).

В условиях современной глобальной военно-политической обстановки актуальным является значительное внимание США, КНР и Индии к зонам Тихого и Индийского океанов. Это обусловлено рядом факторов, к числу которых относятся:

- стремительное расширение политического влияния, экономический подъем и стратегическая активность КНР и Индии;

- относительно недавнее в историческом масштабе приобретение независимости большинством стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) и их объективная политическая, экономическая, историческая зависимость от «бывших колонизаторов» самостоятельно продвигать национальные интересы в рамках внешней политики;

- агрессивная деятельность США, Японии, Республики Корея по сохранению военно-политических и экономических позиций в регионе.

Перечисленные выше факторы оказывают преимущественно дестабилизирующее влияние на сложившиеся политические, экономические отношения и безопасность в странах и зонах Тихого и Индийского океанов, вынуждая основные центры силы — США, КНР и Индию — осущест-

Таблица 1

Сравнительный анализ установок руководства США, КНР и Индии к районам Тихого и Индийского океанов

Мировые центры силы	Установки руководства государств в различных сферах		
	Политическая сфера	Экономическая сфера	Военная сфера
США	Продвижение национальных интересов через традиционных союзников в регионе	Установление правил регулирования экономических процессов, основанных на развитии частного сектора и ограничении государственного вмешательства в него	Построение «сетевой структуры безопасности», в которой США – координаторы применения военной силы для «достижения мира», а союзники – непосредственные исполнители
КНР	Укрепление позиций в качестве «неотъемлемой и системообразующей страны», углубление сотрудничества со странами, расположенными в зонах Тихого Индийского океанов	Создание всеобъемлющей экономической архитектуры и через нее влияние на экономику стран региона	Оказание гуманитарной помощи странам, расположенным в зонах Тихого и Индийского океанов, в интересах обеспечения безопасности торговых путей
Индия	Позиционирование страны как самостоятельного, надежного партнера, выстраивающего взаимовыгодные отношения в интересах всех стран региона	Продвижение идеи развития международной торговли, наращивание объемов инвестиций малые страны региона и производства в соответствии с принципом «рост для всех»	Расширение сотрудничества со странами Тихого и Индийского океанов в интересах региональной безопасности

влять поиск путей их урегулирования в целях продвижения своих интересов (таблица 1), что непосредственным образом влияет и на обеспечение военной безопасности Российской Федерации.

Сравнительный анализ целевых установок мировых центров силы показал, что США участвуют в военно-политических и экономических процессах в регионе через традиционных союзников – Японию, Республику Корея, Австралию, Тайвань, Сингапур, Филиппины, Индонезию. Вашингтон, стремясь к продвижению исключительно собственных национальных интересов и декларируя нацеленность на повышение военно-политической мощи союзников, на самом деле укрепляет «порядок по-американски» в регионе и обеспечивает собственную безопасность, маскируя свои действия под защиту от «общих» для партнеров угроз.

Основы американских целевых установок закреплены в «Индо-Тихоокеанской стратегии США». Индо-Тихоокеанский регион¹ рассматривается как «свободный и открытый», а цель США

¹ В доктринальных документах Российской Федерации термин Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) не закреплён. ИТР впервые введен в американские документы в 2022 году с целью формального закрепления Республики Индия в качестве полноправного участника и союзника США в зоне Тихого океана и постепенного снижения влияния КНР и России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

как глобальной державы, с одной стороны, состоит в контроле над ключевыми странами региона, с другой, в условиях формирования многополярного мира, – в стремлении сохранить свое стратегическое превосходство в качестве «тихоокеанской нации», имеющей (по их мнению) необходимые для этого исторические, политические, культурные и экономические связи [2].

При этом Вашингтон рассматривает многополярный мир как источник угроз международной безопасности XXI века, а его центры – как стратегических конкурентов (противников), вследствие чего выстраивает систему ее обеспечения исключительно в интересах США и их союзников.

Главным стратегическим конкурентом США в зонах Тихого и Индийского океанов выступает КНР, проводящая, по мнению американского руководства, политику глобальной державы, укрепляющей политические, экономические позиции в мире, а также наращивающей свой военный потенциал в акваториях двух океанов.

В целях формирования регионального порядка, якобы основанного на принципах «свободного и открытого» Индо-Тихоокеанского региона, который, в первую очередь, способствует безопасности и процветанию США и их союзников, Вашингтон применяет следующие подходы в политической, экономической и военной сферах.

В политической сфере американское руко-

водство маскирует свои действия под защиту принципов «демократии» и «либеральных» ценностей, финансовой прозрачности (для США) всех сделок и свободного доступа ко всем прибрежным территориям (в том числе в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях), что позволит, по его мнению, обеспечить стабильность и безопасность в странах, расположенных у берегов Тихого и Индийского океанов. Для этих целей Вашингтон предлагает инвестировать в строительство «демократических» институтов² в ряде стран региона (Камбоджа, Мьянма, Малайзия, Индонезия), развитие «свободы» выражения мнений и «правильное» восприятие гражданами этих стран подаваемой информации. Это, в свою очередь, считают в Вашингтоне, создаст условия для предотвращения распространения коммунизма и «диктаторского режима китайской коммунистической партии», обеспечив незыблемость своего военно-политического курса [3].

Основными инструментами распространения порядка и права по-американски (особенно в морском пространстве) являются альянсы (США — Япония, США — Республика Корея), коалиции (США и Индия, США и АСЕАН³) и многосторонние соглашения (АУКУС⁴, КУАД⁵), создающие видимость углубления интеграции, выработки единых подходов к разрешению глобальных проблем современности, выстраивания отношений с другими регионами, на самом деле — это действия руководства США, ограничивающие влияние Китая и России на страны региона.

В экономической сфере США декларируют «процветание и экономический рост» стран — союзников Тихого и Индийского бассейнов под своим руководством и на основе «либеральных» ценностей, развитие экономик дан-

ных государств на основе частного сектора и ограничение государственного вмешательства, открытость глобальному рынку, на самом деле преследуя исключительно одну цель — обеспечение беспрепятственного доступа американских компаний к ресурсам региона.

Одним из основных инструментов продвижения экономических интересов США в противовес растущему экономическому влиянию КНР и России в зонах Тихого и Индийского океанов является «Рамочное экономическое взаимодействие в ИТР — ИТЭС»⁶, цель которого состоит в продвижении идей якобы глобального экономического роста на основе «либеральных» ценностей в противовес китайской государство-центрической (нелиберальной) модели экономики.

Помимо этого, Вашингтон предлагает альтернативу китайской политике в области создания «высококачественных» («в отличие от КНР») проектов инфраструктурного развития, позволяющую странам бассейнов Тихого и Индийского океанов «приобщиться» к правилам и нормам, действующим в американской «либеральной» системе торговли.

В военной сфере США стремятся к формированию «сетевой структуры безопасности», в которой Вашингтон является координатором соблюдения «порядка по-американски» и применения военной силы, а союзники и партнеры должны быть непосредственными исполнителями, обеспечивающими защиту, в первую очередь, американских и затем своих национальных интересов от «общих» угроз. Приоритетными задачами такой системы безопасности, по мнению Вашингтона, должны стать:

1. Недопущение доминирования Народно-освободительной армии Китая (НОАК)⁷ в Индийском и Тихом океанах в целом и Южно-Китайском море (ЮКМ), в частности.

2. Укрепление региональной сети союзников

² Институтов, являющихся по своей сути иностранными агентами, финансируемыми правительством США и осуществляющими деятельность по продвижению исключительно американских национальных интересов.

³ АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии.

⁴ АУКУС — AUKUS (Australia, United Kingdom, United States) — трехстороннее соглашение между Австралией, Великобританией и США по вопросам защиты и отстаивания общих интересов в Индо-Тихоокеанском регионе и объединение усилий в сфере развития оборонного сектора.

⁵ КУАД — QUAD — четырехсторонний диалог по вопросам безопасности между США, Японией, Австралией и Индией.

⁶ ИТЭС (Индо-Тихоокеанская экономическая структура) — торгово-экономическая группа, начавшая работу 23 мая 2022 года в Японии, включает в себя 13 стран: США, Австралия, Бруней, Индия, Индонезия, Япония, Республика Корея, Малайзия, Новая Зеландия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам. Фиджи и Китай сотрудничают с ИТЭС. Возможно в ближайшее время включение в ИТЭС Канады.

⁷ Текущая деятельность КНР в ЮКМ рассматривается Вашингтоном как «нарушающая права человека» и «международное право», а также «препятствующая становлению ИТР в качестве стабильного и процветающего региона».

и партнеров посредством реализации военно-политических (демонстрация «приверженности к созданным альянсам и партнерствам», расширение и углубление отношений с новыми партнерами), военных и военно-технических (проведение совместных учений, размещение воинских частей, соединений и их материально-техническое обеспечение) мер в интересах интеграции возможностей вооруженных сил государств региона и повышения их боевого потенциала (прежде всего, ВМС) [4].

Целевые установки руководства КНР обусловлены необходимостью создания благоприятных военно-политических условий для развития торговли, обеспечения военной, энергетической и продовольственной безопасности страны. Данные установки находят отражение в следующих китайских геополитических проектах:

«Сообщество единой судьбы человечества», в котором декларируются вопросы мирного развития государств, открытости и взаимной выгоды, всеобщей, комплексной и устойчивой безопасности во всех регионах мира [5];

«Морской шелковый путь» как составная часть «Одного пояса, одного пути» продвигает идеи о содействии развитию международной морской торговли в регионе и мире [6];

«Нить жемчуга» — проект, определяющий приоритеты сотрудничества со странами региона в интересах укрепления ресурсной безопасности Китая, включающий комплекс мероприятий от строительства портовых сооружений до создания центров контроля обстановки [7].

В связи с этим руководство КНР намерено продолжить укрепление своих позиций в районе традиционного доминирования Индии в политической, экономической и военной сферах.

В политической сфере установки руководства страны характеризуются направленностью на укрепление позиций в качестве «неотъемлемой и системообразующей страны» в зонах Тихого и Индийского океанов и подтверждение статуса великой морской державы, имеющей выход на просторы Мирового океана. Инструментом реализации данных устремлений становится форум «Китай — регион Индийского океана»⁸, в ходе

которого решаются задачи координации политики, углубления сотрудничества КНР с островными странами Индийского океана, повышения устойчивости к социально-экономическим, политическим потрясениям и катастрофам, предотвращения бедствий на море и смягчения их последствий, получения экономических выгод за счет использования морских ресурсов и возобновляемых источников энергии, туризма, судоходства, а также укрепления потенциала стран бассейнов Тихого и Индийского океанов [8].

В экономической сфере Китай стремится к созданию всеобъемлющей экономической архитектуры, основанной на его интересах, и активно использует различные инструменты влияния на страны региона: предоставление кредитов на льготных условиях, поставка вооружения и военной техники, предоставление квалифицированных рабочих и инженерных кадров, строительство глубоководных портов, ремонтных доков, военно-морских объектов с возможностью их использования в том числе и в интересах ВМС НОАК [9].

В частности, Индийский океан и прилегающие к нему проливные зоны являются основным маршрутом для китайских торговых судов, от которого зависит снабжение страны ресурсами. В связи с этим стратегическое значение для экономики Китая приобретает магистраль «Юг—Юг» (маршрут судоходства от Африки до континентальной части КНР), которую руководство страны намерено контролировать.

В военной сфере Пекин стремится повысить боевую мощь, в первую очередь, ВВС и ВМС в целях борьбы с морским пиратством (террористами), оказания военной и военно-технической помощи дружественным странам в зонах Тихого и Индийского океанов.

Целевые установки военно-политического руководства Индии связаны с рассмотрением Индийского океана в качестве, с одной стороны, зоны жизненно важных интересов, с другой — открытого моря, которое должно быть доступно всем странам региона. Поэтому военно-политическое руководство позиционирует страну как самостоятельного, надежного военно-политического и экономического партнера. В качестве основных принципов регионального сотрудничества декларируются многовекторность и инклюзивность, взаимовыгодные отношения

⁸ Форум «Китай—регион Индийского океана» (CIDCA) впервые прошел 26 ноября 2022 года в г. Куньмин на юго-западе КНР, организован Китайским агентством международного сотрудничества.

в интересах всех государств региона и ненаправленность «против какой-либо иной страны».

В политической сфере Дели стремится к тому, чтобы его воспринимали как активного игрока, способного уравновесить китайское влияние в Индийском океане. Достижение данной цели осуществляется посредством решения следующих задач:

- расширение влияния на страны Индийского океана за счет активного развития внешнеэкономических связей, инвестиций, дипломатии и формирования отношений стратегического партнерства с ключевыми государствами на основе ценностей свободы, открытости и верховенства закона во взаимодействии с соседями;
- позиционирование себя в качестве «неоспоримого лидера», гаранта безопасности и экономического развития государств региона в соответствии с принципом «безопасность и рост для всех» в обмен на минерально-сырьевые и энергетические ресурсы, необходимые для собственного экономического роста и развития;
- следование курсу «стратегической автономии» во внешней политике, максимальной свободы маневра и гибкости в международных делах, неприемлемости однополярного мирового порядка, союзов, ограничивающих свободу действий стран региона [10].

В экономической сфере основное внимание индийского руководства сосредоточено на укреплении и углублении отношений с прибрежными государствами Индийского океана и части Тихого океана, что вызвано необходимостью развивать собственную экономику и сохранять сотрудничество с партнерами по линии «Юг–Юг» (магистраль Африка – Индостан), в том числе в формате трехстороннего диалогового форума Индии, Бразилии, ЮАР (ИБСА)⁹.

Индия последовательно продвигает идею о необходимости реформирования региональных экономических отношений в интересах всех стран бассейна, в первую очередь, Индийского океана, что, в частности, включает развитие международной торговли, наращивание объемов инвестиций и производства в соответствии с принципом «рост для всех».

⁹ ИБСА – трехсторонний диалоговый форум «Индия–Бразилия–Южно-Африканская Республика», создан в 2003 году в целях развития международного сотрудничества (первый форум состоялся в 2011 году).

В военной сфере Дели руководствуется концептуальными документами «Обеспечение безопасности в морской сфере: стратегия морской безопасности Индии» (2015 г.) и «Доктрина ВМС Индии» (2017 г.), в которых рассмотрены вопросы проведения политики традиционного (неядерного) и минимального ядерного сдерживания в Индийском и западной части Тихого океанов исключительно против государств, обладающих ядерным оружием [11].

Помимо этого, Индия стремится развивать военное сотрудничество с государствами – членами АСЕАН (патрулирование, проведение двусторонних учений, оказание гуманитарной помощи в случае стихийных бедствий), со странами Восточной Азии и отдельно – с Австралией.

На фоне представленных установок Российская Федерация проявляет заинтересованность в формировании единого пространства мира, стабильности, развития и процветания в регионе и продвигает идею формирования общеконтинентального интеграционного контура – Большого Евразийского партнерства (БЕП)¹⁰. Для реализации данной идеи российское военнополитическое руководство активно развивает связи с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) (Китаем, Индией), укрепляет взаимодействие между ключевыми региональными объединениями – ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, последовательно осуществляет внешнеполитическую координацию и сотрудничество в различных сферах в формате Россия-Индия-Китай.

Министерство обороны Российской Федерации осуществляет с оборонными ведомствами ведущих государств региона всестороннее военное и военно-техническое сотрудничество.

В 2021 г. одобрена заявка России на присоединение к Ассоциации регионального сотрудничества прибрежных государств Индийского океана (АРСИО) в качестве партнера по диалогу.

Вместе с тем анализ целевых установок руководства США, КНР и Индии свидетельствует, в первую очередь, о следующей ориентации их политики:

США – продвижение исключительно своих национальных интересов под лозунгом создания

¹⁰ Обзор МИД России: внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2021 году. – [Электронный ресурс]. URL: www.mid.ru (дата обращения: 10.06.2024)

ценностей «свободного и открытого» Индийского и Тихого океанов;

КНР — укрепление статуса «неотъемлемой и системообразующей страны» бассейнов двух океанов;

Индия — сохранение Индийского океана в сфере своего влияния и недопущение доминирования в нем внерегиональных игроков.

Подобные установки оказывают деструктивное воздействие на процесс реализации национальных интересов Российской Федерации в регионе и выступают источником угроз ее военной безопасности.

Таким образом, сравнительный анализ целевых установок руководства США, Китая и Индии по отношению к зонам Тихого и Индийского океанов показал, что, несмотря на обоюдную заинтересованность Китая и Индии в укреплении своих позиций в регионе, вероятность возникновения военного конфликта между ними (при условии отсутствия со стороны США провокационных действий по преднамеренному столкновению Пекина и Дели) в будущем относительно низкая. Это связано с тем, что политические установки руководства двух стран характеризуются в большей степени

ориентацией на стабилизацию ВПО в зонах Тихого и Индийского океанов из-за их стремления к обеспечению экономического роста и поддержанию условно нейтральных двусторонних отношений в регионе, а также потребности в безопасной транспортировке ресурсов.

Наиболее опасными и деструктивными являются целевые установки Вашингтона, которые в среднесрочной перспективе могут способствовать появлению новых угроз военной безопасности Российской Федерации:

— реализация, в первую очередь, США политики исключения России из зон Тихого и Индийского океанов и противодействия реализации ее национальных интересов в данном регионе;

— дестабилизация обстановки в государствах — союзниках России и вмешательство в их внутренние дела, в том числе установление режимов, угрожающих интересам Российской Федерации;

— развертывание (наращивание) новых воинских контингентов, в первую очередь, США в акваториях Тихого и Индийского океанов для политического и военного давления на Российскую Федерацию и ее союзников.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ожиганов Э.Н. Стратегический анализ политики. — М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2006. — С. 51. — 272 с.
2. Indo-Pacific Strategy of the United States (February 2022). [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content> (дата обращения: 10.06.2023).
3. Торопчин Г. Бурные волны Тихого океана: вызовы азиатско-тихоокеанской безопасности / Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments> (дата обращения: 10.06.2023).
4. Стрельцов Д. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений. [Электронный ресурс]. — URL: <http://sg-sofia.com.ua/indo-tihokeanskij-region-kak-novaya-realnost> (дата обращения: 10.06.2023).
5. Выступление Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК (04.11.2017). Сайт министерства иностранных дел КНР. [Электронный ресурс]. — URL: <http://fmprc.gov.cn> (дата обращения: 25.05.2023).
6. Комиссина И.Н. Морской Шелковый путь XXI в. — глобальный геополитический проект Китая // Проблемы национальной стратегии, 2017. — № 1. — С. 60–81.
7. Лебедева Н.Б. Большой Индийский океан и китайская стратегия «Нить жемчуга». [Электронный ресурс]. — URL: https://www.perspektivy.info/book/bolshoj_indijskij_ocean_strategija_nit_zhemchuga (дата обращения: 25.05.2023).
8. Объяснены действия Китая в Индийском океане // Центр стратегических оценок и прогнозов. [Электронный ресурс]. — URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/477/voenno-morskaya-ekspansiya-kitaya-v-indijskom-okeane-i-indijsko-kitajskoe-sopernichestvo> (дата обращения: 03.06.2023).
9. В Азии создали крупнейшую в мире зону свободной торговли // РБК. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/11/2020/5fb0bdb69a7947d5289e28e9> (дата обращения: 10.04.2021).
10. Геополитические устремления Дели в АТР и Индийском океане // Международный правовой курьер. [Электронный ресурс]. — URL: <http://inter-legal.ru/geopoliticheskie-ustremleniya-nyu-deli-v-atr-i-indijskom-okeane?ysclid=lgp0pr6zan594346850> (дата обращения: 01.06.2023).
11. Indian Maritime Security Strategy, Indian Navy (12 October 2015). Ministry of External Affairs, Government of India. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mea.gov.in> (дата обращения: 01.06.2023).

R.S. KHLOPOTOV,
A.V. VDOVIN,
K.K. KOSTIN

Р.С. ХЛОПОТОВ,
А.В. ВДОВИН,
К.К. КОСТИН

ПОСТАВКИ ВООРУЖЕНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

ARMS SUPPLIES AS A TOOL OF FORMATION THE MILITARY-POLITICAL SITUATION

В статье на примере военно-технического сотрудничества Республики Корея с Украиной (прогнозируемых поставок вооружений) показано его влияние на формирование военно-политической обстановки и динамику вооруженного противоборства.

Using the example of military-technical cooperation between the Republic of Korea and Ukraine (projected arms supplies), the article shows its influence on the formation of the military-political situation and the dynamics of armed confrontation.

Ключевые слова: Республика Корея, Корейская Народно-Демократическая Республика, Социалистическая Республика Вьетнам, вооруженные силы Украины, украинский конфликт, военно-техническое сотрудничество.

Keywords: The Republic of Korea, the Democratic People's Republic of Korea, the Socialist Republic of Vietnam, the armed forces of Ukraine, the Ukrainian conflict, military-technical cooperation.

Изменяющиеся условия становления нового мирового порядка дают основание утверждать, что национальная безопасность любой отдельно взятой страны уже не может быть достигнута только за счет ее собственных ресурсов и требует поиска возможных союзников исходя из общности геополитических и экономических интересов. Именно поэтому вступление Президента Российской Федерации В.В. Путина в новый президентский срок сопровождалось его официальными визитами в Китай, Северную Корею, Вьетнам и другие дружественные страны.

Так, по итогам двухдневного визита в Китай (16–17 мая 2024 г.) были сделаны совместные заявления КНР и Российской Федерации об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, отмечено 75-летие установления дипломатических отношений между странами.

В ходе официального визита в КНДР (18–19 июня 2024 г.) был подписан Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. Это событие вызвало большую обеспокоенность на Западе. Это скорее сигнал не Западу, а Китаю, опасавшемуся западных санкций в вопросах оказания помощи России. В условиях ограниченных возможностей отечественного ОПК по выполнению «плана по валу» заключенное соглашение с КНДР, обладающей значительным

количеством производственных мощностей, стало особенно важным. В то же время для КНР Северная Корея также имеет очень важное значение в противодействии стратегии построения «американской дуги от Японии до Филиппин», основной целью которой является изоляция Китая от Тихого океана. В этом случае для Пекина выход в Мировой океан возможен либо через северокорейские порты, либо через Охотское море. Разыгранная комбинация в силу расширения числа возможных договоренностей позволяет Российской Федерации вывести КНДР из-под одностороннего влияния Китая. При этом с отсутствием резкой реакции со стороны Пекина на визит В.В. Путина в Пхеньян, не исключается факт существования определенного соглашения между Россией и Китаем на самом высоком уровне.

Результаты визита Президента Российской Федерации в Социалистическую Республику Вьетнам (СРВ) 19–20 июня 2024 года для недрожественных государств оказались также неожиданными. В совместном заявлении глав государств был отмечен курс на дальнейшее углубление всеобъемлющего стратегического партнерства России и Вьетнама. При этом Москва неслучайно выбрала СРВ для углубления и расширения отношений, поскольку именно Вьетнам может стать для России «точкой» входа

на мировые финансовые рынки в обход позиции США выделением банковских секторов, работающих как в рублевом, так и долларовом эквивалентах и сотрудничающих с другими странами, в т.ч. США. Понимая это, Белый дом мгновенно выступил с заявлением о том, что у США никогда не было с Вьетнамом столь хороших отношений, как в настоящее время. В то же время в аналогичной ситуации с китайскими банками Правительство США высказывало и продолжает высказывать определенные претензии. Это означает, что Китаю запрещено то, что разрешили Вьетнаму. Проводимая политика нацелена на принуждение Китая к соблюдению ранее достигнутых неправомерных договоренностей.

Хотя этот сигнал был подан Китаю, а не Западу, успешное стечение обстоятельств повлияло на всех участников международного сотрудничества. Особенно остро на него отреагировали власти Южной Кореи. Так, после подписания 19 июня 2024 года Договора между Россией и Северной Кореей о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, 20 июня 2024 года агентство Енхап со ссылкой на советника президента по национальной безопасности Чан Хо Джина сообщило о том, что правительство Южной Кореи рассматривает возможность начала поставки оружия вооруженным силам Украины (далее — ВСУ) в качестве ответа на сближение России с КНДР. В офисе южнокорейского лидера было также заявлено, что в ответ на заключение договора с КНДР Сеул планирует расширить экспортные ограничения в отношении Москвы [1]. В связи с этим актуальным становится рассмотрение на указанном примере степени влияния международного военно-технического сотрудничества государств на формирование военно-политической обстановки и динамику вооруженного противоборства.

Триггером развития прогнозируемых событий в российско-южнокорейских отношениях стал 2022 год, положивший начало проведению Россией специальной военной операции на Украине, а именно:

— Южная Корея по просьбе Вашингтона присоединилась к санкциям против Российской Федерации, что послужило свертыванию перспектив политического диалога и экономического взаимодействия двух стран в международных делах;

— с победой консерваторов на президентских выборах в Республике Корея оценки межкорейских отношений и внешнеполитические ориентиры у Москвы и Сеула на их урегулирование окончательно разошлись.

Указанные обстоятельства фактически парализовали экономическое и политическое взаимодействие между странами [2]. Несмотря на это, для стабилизации ситуации на Корейском полуострове и решения северокорейской ядерной проблемы Южная Корея всегда придерживалась определенного нейтралитета по вопросам специальной военной операции (далее — СВО) на Украине. РК всегда понимала, что именно Россия является важным партнером в развитии Дальнего Востока и имеет огромный потенциал для экономического сотрудничества. Однако Сеул оказался не готов отказаться от своего стратегического альянса с США, в связи с чем Южная Корея начала многовекторную политику балансирования собственных интересов во избежание конфликтов с обеими сторонами [3].

С начала СВО Сеул неоднократно оказывал Киеву гуманитарную и финансовую помощь, однако не поставлял Украине боеприпасы, руководствуясь запретом на это законодательства страны. Так, 7 декабря 2022 года посольство Украины в РК сообщило об отправке в Киев в «гуманитарных» целях партии из 100 пикапов марки «SsangYong Musso». В то же время «гуманитарный» аспект этой поставки оказался весьма сомнителен ввиду наличия фактов, свидетельствующих о применении ВСУ указанных автомобилей с установкой на них направляющих для запуска ракет из реактивных систем залпового огня. Тем не менее в апреле 2023 года президент РК Юн Сок Ель заявил, что Сеул может пересмотреть свою позицию в случае серьезной угрозы для мирного населения. В ответ на это российский МИД заявил, что любые поставки вооружений из РК будут рассматриваться как «открыто враждебные по отношению к России действия» и учитываться в подходе к разрешению ситуации на Корейском полуострове [4].

Однако уже в декабре 2023 года издание Washington Post опубликовало статью, в которой утверждалось, что Сеул активно оказывает Киеву военную помощь через третьи страны,

прежде всего Польшу и США, и она быстро «всплывает» на Украине. Так, например, в рамках экспортной военной сделки Южная Корея согласилась продать Польше около 1 000 танков «К2», первую партию которых Варшава получила в декабре 2023 года. При этом никаких гарантий, что эта военная техника не будет передана Украине или не войдет на ее территорию вместе с поляками, разумеется, нет. Уже в марте 2023 года Сеул одобрил экспорт на Украину польских гаубиц «Krab» с южнокорейскими шасси и запчастями, а в мае Польша передала Украине 18 самоходных гаубиц калибра 155 мм. Ко всему этому Wall Street Journal опубликовал статью, согласно которой между Вашингтоном и Сеулом существует непубличная договоренность о поставках десятков самоходно-артиллерийских установок (далее — САУ) «K9» и 100 тысяч артиллерийских снарядов для дальнейшей переправки на Украину. При этом РК не просто продает Варшаве современную наступательную военную технику, но и предоставляет право поступать с ней в дальнейшем по своему усмотрению [5].

В конце 2023 года представитель США при НАТО Джулиан Смит указала на тот факт, что экспорт оружия из Южной Кореи заполняет пробелы в коллективной безопасности Североатлантического альянса, спровоцированного поддержкой Украины. Расширяется как география поставок вооружения и военной техники из РК, так и номенклатура экспорта.

Несмотря на эти факты, в январе 2024 года представитель южнокорейского МИД заявил агентству Yonhap, что правительство страны по-прежнему придерживается своей позиции не поставлять Киеву вооружение, однако внимательно следит за военным сотрудничеством между Российской Федерацией и Северной Кореей, а также потенциальными угрозами для безопасности Южной Кореи [6].

После визита В.В. Путина в КНДР 18–19 июня 2024 года указанные расхождения между Москвой и Сеулом только углубились с учетом нарастающей дистанции в подходах к вопросам обеспечения международной безопасности между Россией и Западом. После подписания соглашения о военном сотрудничестве между Россией и КНДР, администрация президента Южной Кореи объявила, что не будет соблю-

дать ограничения на поставки оружия ВСУ, если Россия передаст КНДР современные военные технологии. В результате был поддержан курс на обусловленность объема военной помощи Сеула Украине развитием отношений между Россией и КНДР [7].

Было заявлено о намерении расширения Сеулом практики спонсирования Украины оружием, в т.ч. через третьи страны. Так, например, уже 11 июля 2023 года на саммите Североатлантического альянса Южная Корея и НАТО объявили о согласовании новой трехлетней индивидуально адаптированной программы партнерства, включающей 11 сфер сотрудничества.

Неделей позже (17–21 июня 2024 года) в Париже проходила выставка оборонных и оружейных технологий, по окончании которой представителями корпорации Hanwha было заявлено о возможности заключения контрактов с Норвегией и Швецией на поставку реактивных систем залпового огня (РСЗО) «Chunmoo K239». Прогнозируется, что к 2030 году в каждую из этих стран будет поставлено от 16 до 18 пусковых установок. При этом в Норвегии ожидают, что решение о покупке южнокорейских РСЗО будет принято до конца 2024 года, в то время как сроки для Швеции пока не определены.

Рассматривая возможности реактивной системой залпового огня «Chunmoo K239», необходимо отметить, что они отчасти схожи с «HIMARS», однако обладают рядом важных тактических преимуществ, в частности, возможностью пуска ракет и снарядов калибров 239 и 280 мм на дальность от 80 до 160 км соответственно, баллистических ракет калибра 290 мм на 290 км, шести 239-мм ракет за 30 секунд и 12 ракет за минуту при оперативности перезарядки всего за семь минут [1].

Следует также отметить, что Сеул планирует расширение сотрудничества в области военной безопасности с НАТО, включая заключение новых контрактов на поставки вооружений странам-участницам. Также Южная Корея активно участвует в схемах обмена оружием, помогая странам Запада, ранее состоявшим в Организации Варшавского договора, в замещении советских вооружений. Так, например, Польша отправляет Украине советские танки

Т-72, а взамен закупает южнокорейские танки «K2 Black Panther» и самоходные гаубицы «K9 Thunder» [8].

Как уже упоминалось ранее, военно-техническое сотрудничество РК с Польшей (далее – РП) активизировалось в 2022 году с началом проведения Россией специальной военной операции на Украине. Министерство обороны РП и агентство программ военных закупок РК подписали контракт на поставку 180 танков и заключили рамочное соглашение о совместном производстве еще 800 танков «K2PL», адаптированных для польских сухопутных войск. Согласно условиям договора, в 2022–2023 годах РК поставила Варшаве указанные танки «K2 Black Panther». При этом «K2» является одним из наиболее совершенных танков, сочетая в себе мобильность, огневую мощь и защиту последнего поколения. Он оснащен 120-мм гладкоствольной пушкой, способной стрелять стандартными боеприпасами НАТО и противотанковыми управляемыми ракетами, а также обладает усовершенствованной системой управления огнем, позволяющей эффективно поражать цели в движении и условиях ограниченной видимости [8]. Модифицированные варианты «K2PL» начали поступать в Польшу с 2024 года. До 2026 года включительно производство техники будет размещаться в РК, а в последующем – в РП с рядом доработок (усиленное бронирование, возможность использования высокоточных боеприпасов производства США и комплекса активной защиты с адаптированной системой связи)

В июле 2022 года Сеул и Варшава подписали контракт на поставку 48 САУ «K9 Thunder» и рамочное соглашение о совместном производстве в РК и РП 600 единиц изделий, специально адаптированных для «K9PL». «K9 Thunder» представляет собой 155-мм САУ, способную вести скорострельную стрельбу, производя три выстрела за 15 секунд в режиме серийной стрельбы, до 6–8 выстрелов в минуту в непрерывном режиме с максимальной дальностью стрельбы до 40 километров при использовании стандартных снарядов и до 60 километров при использовании реактивных снарядов. САУ также оснащена передовыми системами навигации и целеуказания и в настоящее время используется армиями Турции, Индии, Норвегии и Финляндии [8].

Кроме того, в июле 2022 года министерство обороны РП подписало контракт с южнокорейской компанией «Korea Aerospace Industries», предусматривающий поставку Сеулом 48 тактических истребителей «FA-50PL», оснащенных бортовой РЛС с активной фазированной антенной решеткой. Первые 12 единиц авиационной техники были поставлены в 2023 году, а оставшиеся 36 машин намечено передать в 2025–2028 годах. «FA-50» представляет собой легкий однодвигательный многоцелевой сверхзвуковой истребитель с двухместной кабиной. Различные модификации «FA-50» отличаются составом бортового радиоэлектронного оборудования летательных аппаратов. Так, например, модификация «Block 10 / FA-50GF» использует бортовую РЛС «Elta EL/M-2032». Более совершенный вариант «Block 20 / FA-50PL» получает станцию Raytheon Phantom Strike. При этом в левом наплыве крыла устанавливается встроенная 20-мм автоматическая пушка «M61» с боекомплектом в 205 выстрелов, для борьбы с воздушными целями используются ракеты «AIM-9» и «AIM-120» американской разработки, а по наземным объектам или кораблям применяются неуправляемые ракеты «Hydra 70» и управляемые ракеты «AGM-65», «KEPD-350» и т.д. [5].

В то же время в октябре 2022 года РК и РП заключили рамочное соглашение на передачу Польше 288 РСЗО «K239 Chunmoo». При этом первые партии ВВТ РК начала поставлять уже в 2023 году, а в 2026 году в Польше предполагается развертывание лицензионного производства РСЗО (г. Сталева-Воля) и реактивных снарядов (предприятие «Меско», г. Скаржиско-Каменна) [5].

Еще одним потенциальным объектом опосредованных поставок вооружений на Украину является самоходный зенитный ракетно-пушечный комплекс малой дальности «K30 Biho», применяемый для обеспечения безопасности воздушного пространства в современной южнокорейской армии. K30 в базовой комплектации оснащена двумя 30-мм пушками со скорострельностью 600 выстрелов в минуту и эффективной дальностью стрельбы порядка 3 км на высотах от 20 м до 6 км [5].

Южная Корея владеет также несколькими десятками танков «Т-80У», переданными ей СССР

в качестве выплаты за долги. Кроме того, у нее имеется несколько танков «Т-90УК», а также десятки российских БМП-3. Большинство из них находятся в резерве и потенциально готовы к возможной передаче [5].

Несомненно, РК — страна с развивающимся экспортом вооружений и сильной армией — предоставляет помощь Украине. Однако Сеул из-за своей политики невмешательства в конфликты делает это не напрямую, а через третьи страны. Объемы закупаемой Польшей и другими «недружественными» странами южнокорейской военной продукции дают основания полагать, что определенная ее часть может быть направлена на Украину, в т.ч. по мере истощения у ВСУ военной техники советского и российского производства, передаваемой Киеву сторонниками затягивания военных действий. При этом правительство Южной Кореи намерено расширять практику «косвенного» спонсирования Украины оружием, гибридный характер поставок которых нацелен на превентивное выявление уязвимых мест противоборствующей стороны, завоевание временных преимуществ, развитие и закрепление успеха в них за счет скоординированных действий в различных комбинациях. Их реализация способна оказать негативное влияние на формирование военно-политической обстановки и динамику вооруженного противоборства [9].

В то же время Москва готова дать жесткий ответ в случае, если Сеул решится на поставки оружия Киеву. Им может стать более активный и демонстративно открытый уровень военно-технического сотрудничества с дружественными государствами, направлениями реализации которого в условиях беспрецедентного санкционного давления предлагается рассматривать следующие:

- передача продукции военного назначения взамен пользования различными военными объектами для размещения на них военных баз, пунктов обеспечения, в первую очередь предупреждения, снабжения, обслуживания и ремонта объектов (систем) военной организации государства;
- совместные исследования и разработка продукции военного назначения, способствующей ведению безуликовых и безкомпроматных действий, в первую очередь постановки помех,

на прогнозируемых маршрутах перегруппировок и логистических поставок потенциального противника;

- интеграция систем вооружений и управления для достижения способности проведения эффективных совместных военных кампаний, в первую очередь, в рамках формирования систем как региональной, так и глобальной безопасности (углубление оперативной совместности сил союзников и партнеров);

- расширение региональных консультационных механизмов и совместного планирования;

- оказание содействия в формировании и развитии научно-технической и производственной базы оборонно-промышленного комплекса;

- подписание контрактов по закупке вооружения и военной техники при наличии офсетных соглашений в рамках взаимного обмена технологиями и техническими знаниями;

- заключение комплексных контрактов, включающих ремонт, сервисное и материально-техническое обслуживание, а также поставку запчастей;

- вовлечение стран с низкими государственными бюджетами в закупку, лизинг и аренду бывшей в эксплуатации продукции военного назначения;

- повышение качества послепродажного обслуживания поставляемой российской продукции военного назначения, частичная передача технологий ее производства;

- увеличение инвестиций в региональные средства обслуживания, модернизации и капитального ремонта;

- усиление кооперационных связей предприятий оборонно-промышленного комплекса с предприятиями стран ОДКБ, выстраивание межгосударственных цепочек производства готовых изделий на взаимовыгодных условиях;

- создание условий к обеспечению интегрированной логистической поддержки на всех этапах жизненного цикла продукции военного назначения, льготного кредитования импортеров, продажи лицензий на ее производство;

- реализация мероприятий по налаживанию совместных производств по созданию продукции военного и двойного назначения, развитию услуг аренды и лизинга, расширению круга программ обучения зарубежных военных специалистов;

— осуществление военно-экономической помощи развивающимся странам, предоставлением им на безвозмездной или льготной основе военной продукции, финансовых средств и лицензий на производство вооружения и военной техники, выполнением работ и оказанием услуг военного характера, подготовкой кадров для национальной военной промышленности, строительством военных заводов, передачей технологий военного производства;

— эквивалентный сбалансированный обмен продукции военного назначения на товары военного, двойного и гражданского назначения, в т.ч. комплектующие (радиоэлектроника и др.), средства производства вооружений (станки, конвейеры) и предметы потребления (обмундирование, экипировка, продукты питания, медицинские препараты) для военнослужащих и работников оборонно-промышленного комплекса в рамках параллельного импорта и услуги, в частности, технического обслуживания и ремонта;

— упрощение процедур оформления разрешений на выполнение сервисных поставок и услуг, отказ от принципа «одного окна» в части постпродажного и эксплуатационного обслуживания вооружений, военной и специальной техники, допуска в систему прямых продаж продукции военного назначения ее производителей и снижения уровня контроля со стороны органов государственного регулирования при оказании ими подобных услуг;

— продолжение курса на привлечение новых и сохранение старых заказчиков за счет использования гибкой системы расчетов за поставля-

емую продукцию военного назначения в обход санкций в банковской сфере (предоставление кредитов на покупку отечественных вооружений в национальной валюте, списание задолженности инозаказчикам, использование бартера и др.);

— заключение контрактов полного жизненного цикла и включающих обучение персонала, льготные цены на последующие поставки вооружений, помощь специалистов на местах при развертывании систем, заключение контрактов в национальных валютах, частичная передача технологий и локализация производств, организация сборки в странах-покупателях мелких или крупноузловых комплектующих, создание в них центров по обслуживанию и сервису, частичная передача документации после поставки установочной партии, выделение технических специалистов для постоянного нахождения при поставленных вооружениях и др. [10–12].

Таким образом, необходимо отметить, что прогнозируемые поставки Республикой Корея вооружений Украине оказывают непосредственное негативное влияние на формирование военно-политической обстановки и динамику вооруженного противоборства. Это обуславливает возможность формирования в ближайшей и среднесрочной перспективах новых направлений международного сотрудничества и партнерства, а также региональных центров силы, подтверждающих объективную тенденцию к разрушению однополярного мира и переходу на новые форматы межгосударственного взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Все очень серьезно: каким оружием Южная Корея может помочь Украине // Новостной портал Московский Комсомолец. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/06/26/vse-ochen-serezno-kakim-oruzhiem-uzhnaya-koreya-mozhet-pomoch-ukraine.html>. (дата обращения: 30.06.2024).
2. Булычев, Г. Россия и Южная Корея: отношения на паузе / Г. Булычев // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-yuzhnaya-koreya-otnosheniya-na-pauze/>. (дата обращения: 1.07.24).
3. МО Южной Кореи: Сеул будет углублять всестороннее сотрудничество с НАТО // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20231213/sotrudnichestvo-1915540920.html>. (дата обращения: 30.06.2024).
4. Вишневская, Е. Южная Корея пересмотрит возможность передачи оружия Киеву. Как на это ответил Путин? / Е. Вишневская // Газета.RU. – URL: <https://www.gazeta.ru/army/2024/06/20/19286821.shtml?updated>. (дата обращения: 01.07.2024).
5. Никитин, И. Военно-техническое сотрудничество Республики Корея и Республики Польша (2023) / И. Никитин // Fact Military. – URL: https://factmil.com/publ/strana/respublika_koreja/voenno_tekhnicheskoe_sotrudnichestvo_respubliki_koreja_i_respubliki_polshi_2023/89-1-0-2120. (дата обращения: 01.07.2024).

6. Сеул расширяет свое сотрудничество с НАТО на фоне украинского конфликта // Репортер. – URL: <https://topcor.ru/48858-seul-rasshirjaet-svoe-sotrudnichestvo-s-nato-na-fone-ukrainskogo-konflikta.html>. (дата обращения: 30.06.2024).
7. Сеул: объемы помощи Украине зависят от развития отношений между Россией и КНДР. – URL: <https://smotrim.ru/article/4009901>. (дата обращения: 28.06.2024).
8. Совин, В. Южнокорейские вооружения для Канады и Польши: резервный арсенал НАТО для Украины? / В. Совин // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yuzhnokoreyskie-vooruzheniya-dlya-kanady-i-polshi-rezervnyy-arsenal-nato-dlya-ukrainy/?sphrase_id=102913400. (дата обращения: 30.06.2024).
9. Южная Корея разработала новую формулу отношений с Россией. Почему визит президента РК в Киев не влияет на контакты с РФ? // Последние новости России и мира. – URL: <https://www.gosrf.ru/yuzhnaya-koreya-razrabotala-novuyu-formulu-otnoshenij-s-rossiej-pochemu-vizit-prezidenta-rk-v-kiev-ne-vliyaet-na-kontakty-s-rf/>. (дата обращения: 01.07.2024).
10. Швырков А.В. О возможных прогнозах развития военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами на долгосрочную перспективу // Военная безопасность России: взгляд в будущее. – 2022. – Том № 1. – С. 538–548.
11. Хромов А.О. Реализация военно-технической политики Российской Федерации в международных военно-экономических отношениях // Военная безопасность России: взгляд в будущее. – 2021. – том № 2. – С. 187–196.
12. Орлов А. Эволюция военно-технического сотрудничества России со странами Ближнего Востока и Северной Африки // Обозрение армии и флота. – 2023. – № 5. – с. 86–91.

S.A. MODESTOV

С.А. МОДЕСТОВ

КРИЗИС ВОЕННОЙ НАУКИ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

THE CRISIS OF MILITARY SCIENCE AND POST-NON-CLASSICAL PERSPECTIVES TO OVERCOME IT

Рассматривается изменение содержания военной науки по ключевому вопросу о характере современной войны и связанному с ним вопросу о соотношении объекта и предмета военно-научного познания в ситуации, когда собственно война, вооруженная борьба все более активно дополняются в межгосударственном противоборстве иными формами и способами насилия. Кризис, обусловленный переходом от классической к неклассической научной рациональности, может быть преодолен в постнеклассической системной междисциплинарной организации военной науки, в центре внимания которой по-прежнему будет война и вооруженная борьба, наряду с другими формами противоборства, а подчиненная пока приоритету целесообразности познавательная и предметно-преобразующая деятельность будет все более служить интересам человека, а не чуждой нам интеллектуальной машины, черты которой все более проглядываются в решениях, приписываемых людям.

The article considers the change in the content of military science on the key issue of the nature of modern war and the related issue of the object of the military study and its specification in a situation when war itself and armed struggle are increasingly complemented in interstate confrontation by other forms and methods of violence. The crisis caused by the transition from classical to non-classical scientific rationality can be overcome in the post-non-classical systemic interdisciplinary organization of military science, which will continue to focus on war and armed struggle, along with other forms of confrontation, and cognitive and transformative activities subordinated to the priority of expediency will serve, first of all, the interests of man, and not an intellectual machine alien to us, the features of which are increasingly visible in the decisions attributed to people.

Ключевые слова: межгосударственное противоборство, характер войны, гибридная война, военная наука, типы и виды научной рациональности, постнеклассический тип научной рациональности, междисциплинарность.

Keywords: interstate confrontation, the nature of war, hybrid warfare, military science, types and varieties of scientific rationality, post-non-classical type of scientific rationality, interdisciplinarity.

Четверть века назад на страницах «Военной мысли» развернулась оживленная дискуссия о содержании и направлениях развития военной науки, ее объекте и предмете, под которым И.С. Даниленко понимал не только саму войну, но и иные формы борьбы, а также деятельность по ее предотвращению [1]. Возражая против этого, С.А. Тюшкевич и В.В. Круглов считали, что предметом фундаментальной части военной науки может быть собственно война, а предметом прикладной части — вооруженная борьба [2].

События минувших десятилетий привели к выводу о том, что наступил тот исторический период, когда классическая война дошла до своего предела и поставила вопрос о новых формах и способах ее ведения в условиях растущей вза-

имозависимости, повсеместной цифровизации и бурного развития социальных технологий на основе социально-гуманитарных знаний. Эти обстоятельства способствовали формированию образа неклассической войны.

Под неклассической войной понимались военные (и более широко — межгосударственные) конфликты, в которых объектом поражения служит сознание индивида и общества во всех своих формах и структурах, с использованием нефизического насилия и соответствующих средств воздействия, ведущиеся иррегулярным непрямым способом во всех сферах жизнедеятельности общества. Таким образом, неклассическая война отличается от классической следующими признаками: объектом поражения (сознание, а

не тело); использованием нефизического насилия; иррегулярным, непрямым характером [3].

В современной истории не однажды уже происходили довольно радикальные трансформации политического, экономического, технологического характера, которые всякий раз ставили перед человечеством одни и те же вопросы: как изменится вечное противостояние народов, государств под влиянием этих перемен? Останется ли место для собственно военного противоборства? Какими средствами оно будет осуществляться, какими способами, в каких формах? Развернувшаяся по этим вопросам дискуссия привела к фактическому кризису в военной науке, к спорам о ее объекте и предмете [4].

В свое время с появлением ракетных вооружений встал вопрос о будущем авиации, ствольной артиллерии. Появилось ядерное оружие — и возник соблазн вообще усомниться в возможности ведения обычных войн с применением традиционного оружия.

В общественном сознании укреплялись сомнения в необходимости иметь традиционную армию и ресурсы для мобилизационного развертывания. Этому способствовали и прекраснотушние настроения, порожденные новым политическим мышлением, разрядкой, «перезагрузкой» и тому подобными иллюзиями. В военном строительстве это выразилось в сокращении расходов, демобилизации оборонного сознания, поисках нового, более скромного облика вооруженных сил.

Все это в военной науке укладывается в рамки всеобъемлющего вопроса о характере будущей войны. По мнению большинства ученых, в ней со всей очевидностью будут сочетаться все формы, способы и технологии ее ведения, которые появились в процессе эволюции насилия. Поэтому и родилось понятие «нетрадиционной», «диффузной» или «гибридной» войны [5–7], то есть такой формы насилия, в которой соединяются самые разные субъекты насилия, видоизменяются способы его осуществления и природа объектов, на которые оно направлено, размываются привычные международно-правовые рамки происходящего — всего того, что трудно идентифицировать как войну, военное положение, военное время. Однако и миром все происходящее в этой «серой зоне» никак не назовешь.

Появились не менее экзотические понятия — «ментальная война», «когнитивная война», «консциентальная война» [8–11], которые лишь умножали сущности без очевидной необходимости.

Классическая военная наука отступала перед аргументами науки неклассической, пытавшейся системно соединить различные виды научной рациональности: логико-математический, социально-гуманитарный, инженерно-технический, естественно-научный и, разумеется, философско-научный. Результатом не вполне проясненного соотношения войны и иных форм противоборства в военно-научном познании стали затянувшиеся кризисные явления в развитии отечественной военной науки, которая не могла преодолеть противоречия с реальной практикой межгосударственного противоборства в условиях растущей неопределенности.

Достаточно подробно характерные черты и особенности современных военных конфликтов в парадигме неклассической рациональности были изложены в докладе начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковника В.В. Герасимова на Общем собрании Академии военных наук 26 января 2013 г. (рис. 1) [12].

Рис. 1. Выступление начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковника В.В. Герасимова на Общем собрании Академии военных наук 26 января 2013 г. (фото автора)

Критически оценивал появление новых «видов войн» президент АВН генерал армии М.А. Гареев (рис. 2). В своем докладе 16 апреля 2013 года на заседании Ученого совета Академии с повесткой дня «Сущность современной войны и системы знаний о войне и военной

организации государства на современном этапе» он отметил, что «в последние годы в связи с возрастанием в международном противоборстве удельного веса политико-дипломатических, экономических, информационных, кибернетических, психологических средств и способов осуществления политических целей ставится вопрос о кардинальном изменении понятия самой войны и всей системы знаний, связанных с ее познанием» [13, с. 7].

М.А. Гареев настаивал на необходимости синтеза наук: «Процессы дифференциации и интеграции наук делают необходимым системное рассмотрение различных проблем, связанных с использованием видов Вооруженных Сил. Их сложная практическая деятельность осуществляется как в мирное, так и в военное время. Это объективная действительность и она должна находить отражение в военной науке, которая в современных условиях рассматривается как сложная, но единая система взаимосвязанных и непрерывно развивающихся отраслей знаний» [13, с. 10].

Высказались и ученые Военной академии Генерального штаба: «Не может быть в принципе войн традиционных и нетрадиционных. В рамках войны могут применяться традиционные (классические) и нетрадиционные способы ее ведения — асимметричные, не прямые действия. Однако они лишь расширяют, в дополнение к сфере вооруженной борьбы, перечень возможных сфер противоборства.

Необходимость и обязательность применения в войне вооруженных сил является тем главным критерием, отличающим войну как особый период межгосударственного противоборства от других периодов существования государств, подтверждая тем самым неизменность подхода к сущности войны» [14].

Все это нашло затем свое отражение в Военной доктрине Российской Федерации [15], разработчики которой стремились охватить весь перечень угроз военной безопасности.

В ней, в частности, подчеркивается присущее современному военному противостоянию

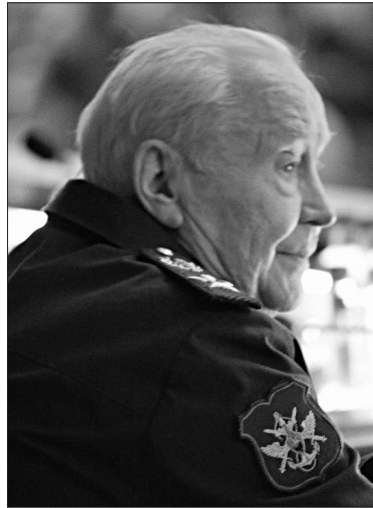

Рис. 2. Первый президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев
(фото автора)

комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций.

В части военно-технической Доктрина отмечает массированное применение систем вооружения и военной техники, высокоточного, гиперзвукового оружия, средств радиоэлектронной борьбы, оружия на новых физических принципах, сопоставимого по эффективности с ядерным оружием, использо-

вание информационно-управляющих систем, а также робототехнических комплексов военного назначения (беспилотных летательных аппаратов, безэкипажных катеров, автономных подводных платформ и иных роботизированных образцов вооружения и военной техники).

Расширяется театр войны, в пределах которого поражающее воздействие будет оказываться на противника на всю глубину его территории в воздушно-космическом пространстве, на суше, на море и одновременно в глобальном информационном пространстве, включая все охватываемые им виртуальные области, от бытующей в общественном сознании картины прошлого, исторической памяти до мыслимого образа будущего. Именно поэтому введение в научный оборот понятия «мировая гибридная война», предложенное недавно авторитетным экспертом в области «гибридной» войны, членом-корреспондентом нашей Академии А.А. Бартошем [16], вряд ли может быть поддержано, поскольку гибридное противоборство по самой сути своей имеет глобальный характер и не нуждается в такой классификации.

В динамике противостояния характерными чертами называются избирательность и высокая степень поражения объектов, быстрота маневра войсками (силами) и огнем, применение различных мобильных группировок войск (сил). К сожалению, здесь разработчики нашей Доктрины допускают типичную для российского общественного сознания идеализацию войны,

недопустимое уравнивание морально-этических установок противоборствующих сторон, заведомо ставящих нас в ущербное положение.

О какой избирательности может идти речь, если нормой ведения военных действий в зоне СВО стало размещение украинской стороной своих боевых порядков непосредственно в жилой застройке? Надо быть готовым к тому, что в ходе войны будет применяться оружие массового поражения, а некоторые виды химического и биологического

оружия уже использовалось вооруженными силами Украины в зоне СВО. Как известно, признаками такого оружия являются неизбирательность поражения и чрезмерность наносимого ущерба. Имели место обстрелы ядерно-опасных объектов (Запорожской АЭС), применялись запрещенные средства ведения войны в виде кассетных боеприпасов, пехотных мин и мин-ловушек.

Особой чертой в характере современной войны в нашей военной науке считается сокращение временных параметров подготовки к ведению военных действий. Усомнимся в подобной точке зрения, которая соответствует неклассической концепции, господствующей в современной военной науке. Развернувшиеся на этот счет дискуссии отдаленно напоминают предвоенные теоретические споры наших военных теоретиков и практических военачальников о содержании начального периода войны и периода непосредственной подготовки к ее развязыванию.

Считалось, что основным содержанием начального периода будущей войны продолжительностью в 15–20 дней станут боевые действия на земле и в воздухе заранее отобомбированных и развернутых в приграничных районах армий вторжения и прикрытия, значительно более мощных, чем предполагалось по прежним взглядам. Одновременно с этим в глубине территорий противоборствующих сторон будет завершаться мобилизация и стратегическое развертывание главных сил. При этом возможность заблаговременного отобомбирования, скрытного сосредото-

чения и развертывания ударных группировок, включающих в себя главные силы вероятного противника, не учитывалась.

В то же время комдив Г.С. Иссерсон, исследуя опыт боевых действий в Испании и германопольской войне 1939 г., сделал ряд интересных и поучительных выводов о способах развязывания современных войн и формах ведения начальных операций (рис. 3) [17].

К сожалению, 23–31 декабря 1940 г. на совещании высшего командного и политического

состава Красной армии начальник штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенант П.С. Кленов его не понял и посчитал выводы Г.С. Иссерсона поспешными. Хотя Георгий Самойлович отнюдь не отрицал существование начального периода войны, но иначе трактовал его содержание и относил мероприятия стратегического развертывания к предшествующему периоду непосредственной подготовки.

Сегодня в американской военной мысли точно так же засомневались в необходимости периода непосредственной подготовки, полагая, что в условиях гибридного противоборства многие политические цели могут быть достигнуты без прямого использования вооруженных сил – в формах, способами и средствами информационного, экономического, политического и психологического воздействия.

30-суточный срок развертывания 300-тысячной группировки повышенной боевой готовности согласно, решению вильнюсского саммита НАТО 11–12 июля 2023 г., – не более чем декларация, реальными возможностями не обеспеченная и сама по себе реальной готовности к ведению крупной войны не означающая. В серии учений «Дефендер Юроп–2023», наиболее масштабной по численности и замыслу, к мероприятиям оперативной и боевой подготовки, в которых отрабатывались коалиционные межвидовые операции высокой интенсивности против Российской Федерации, привлекалось около 130 тыс. военнослужащих из 35 стран.

В Европе размещен 100-тысячный американский контингент, а в 1945 г. их было 3 миллио-

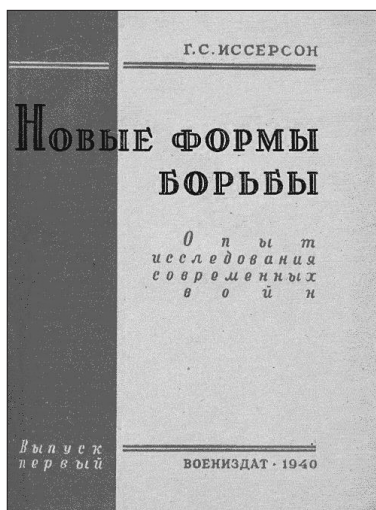

Рис. 3. Труд Г.С. Иссерсона

на! К заблаговременному полномасштабному стратегическому и мобилизационному развертыванию США и НАТО всерьез не готовятся, понимая, что они вряд ли станут жертвами агрессии, а действия третьих стран *per grorgia* (*по доверенности*) обеспечат при необходимости такую возможность при неблагоприятно сложившемся для Запада начальном периоде войны, когда ресурсы марионеточного режима будут исчерпаны.

Требуем уточнения и тезис Военной доктрины об «усилении централизации и автоматизации управления войсками и оружием в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием». Сетевая организация управления войсками означает, скорее, его децентрализацию. Ведь при этом за рубежом не строят вертикально интегрированные структуры!

Иные перечисленные в Военной доктрине характерные черты войны (создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий; участие в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний; применение не прямых и асимметричных способов действий; использование финансируемых и управляемых извне политических сил, общественных движений) в полной мере проявились уже сейчас, в период кризисного развития военно-политической обстановки на Западном и Юго-Западном стратегических направлениях, где мы пока еще проводим специальную военную операцию, но все ближе подходим к порогу, собственно, войны.

Отведенная ядерному оружию в Доктрине роль «важного фактора предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны)» постепенно снижается. Руководство стран, провоцирующих на его применение, утрачивает чувство реальности и страх перед «ядерным порогом», что очень опасно.

Концентрированно изложенный в Военной доктрине синтез форм и способов насилия нашел свое выражение также в трудах военных ученых, в развитии теоретических основ неклассической военной науки, которая становилась

все более междисциплинарной из-за невозможности объяснения всех проявлений силового противоборства в категориях одной науки и необходимости обращения к смежным отраслям науки.

Опыт последних лет вносит существенные коррективы и в такую неклассическую военную-научную рациональность, переориентируя познавательную и предметно-преобразующую деятельность военной теории и практики на иные мировоззренческие основы, цели и ценности. Постнеклассическое (или неоклассическое) понимание военной науки в решении ее центрального вопроса о характере войны означает, с одной стороны, существенное расширение дисциплинарной предметности, обусловленное диверсификацией форм и способов насилия, что вынуждает обращаться к другим отраслям социально-гуманитарного познания. Однако, как широк ни был бы перечень смежных дисциплин, центральное место вновь возвращается военной науке и ее категоричной практике, подвещающей все своей «грызущей критике».

Существенно расширяется методологическая база военно-научных исследований, которая расширяется за счет категориально-понятийного аппарата и познавательного инструментария смежных наук.

Кроме того, постнеклассическая военная-научная рациональность возвращает нам утраченную «человекомерность», заставляет нас увязывать фундаментальные внутринаучные ценности (поиск истины, приращение знаний, их праксиологическое обоснование) с вненаучными ценностями общесоциального характера.

В.С. Степин дает достаточно полную характеристику основных типов научной рациональности и критерии их выделения [18]. Предложенный им подход проецируется и на военно-научное познание, а отмечаемые в нем кризисные явления могут быть преодолены на постнеклассическом этапе развития военной науки.

Среди ее отличительных черт сегодня можно назвать все более сложную системную организацию познаваемых и преобразуемых в военном насилии элементов, сторон, частей целого. Их приумножение и саморазвитие лишь подчеркивают в итоге центральное, системообразующее и определяющее место главного элемента — субъекта собственно военного насилия

Рис. 4. Структура военной науки

(военной организации, вооруженных сил и, в конечном итоге, человека).

Непременной чертой познавательной и предметно-преобразующей деятельности в современном военно-научном познании становится междисциплинарность.

Формируются новые идеалы и нормы научности, новые ценностно-целевые основания военной науки и практики, в которых все более заметное место занимают гуманистические императивы.

И все же самый изощренный набор средств и способов воздействия никак не отменяет классического военного насилия, а лишь усложняет его и делает тем более неизбежным, чем более эффективными окажутся все альтернативы ему. И хотя в его содержании и формах проявления обнаруживается много нового, оно по-прежнему имеет наиболее полным и завершенным своим выражением войну, военный конфликт как социально-политический феномен, необходимым и достаточным свойством которого является сочетание двух признаков — вооруженного насилия и перехода государства и общества в особое состояние. Причем такой переход может оказаться не преднамеренным и предшествующим дню «Д», а вынужденным, последующим, фиксирующим итоги осуществленного тотального насилия.

Таким образом, нет особого смысла выделять «информационные», «сетевые» и любые иные экзотические войны, рассчитывая на их самодостаточность. Все это лишь частные формы насилия, которые рано или поздно будут дополнены привлечением вооруженных сил (или более широко — военной организации государства) для прямого использования в обычной вооруженной борьбе или в стратегических действиях особых видов (в стратегическом сдерживании, изоляции (блокаде), в демонстрации силы и угрозы ее применения с целью принуждения, в силовом контроле пространства, в том числе в период постконфликтного урегулирования).

Такое многоаспектное меж- или внутригосударственное противоборство, доводимое до крайних форм противостояния, в которых пределы и способы насилия не регулируются, размыты и гибко меняют друг друга, и есть война в ее новом (а фактически — все в том же, старом, но более безжалостном, категорическом) постнеклассическом смысле. В ней практика силового преобразования окружающего мира и отражающая ее теория военной науки из аналитических стали синтетическими, сочетающими все формы, способы и средства комплексного воздействия на противника ради достижения поставленной цели. А объект военной науки

синтетически соединил в себе войну и как общественное явление, и как искусство ее ведения и предотвращения [4].

На рис. 4 представлено соотношение более общей теории военной безопасности, собственно военной науки, а также частных военных и примыкающих к ней дисциплин. В такой структуре предмет вышестоящей по уровню обобщения дисциплины оказывается объектом нижестоящей. Особым случаем можно считать теорию военного искусства и составляющие ее стратегию, оперативное искусство и тактику, общим объектом для которых будет вооруженная борьба в целом, а предмет будет конкретизирован на каждом уровне в виде стратегических действий, операций или боевых действий.

Включенные в общий механизм насилия иные, невоенные формы противоборства изучаются в теориях иных форм противобор-

ства (например, в теории информационного противоборства, которая, в свою очередь, распадается на теории информационно-психологического и информационно-технического противоборства).

Здесь, в смежных областях теории управления войсками, разведывательного и контрразведывательного обеспечения, информационного противоборства и информатики мы будем искать ответ на главную загадку – выяснение подлинного источника целеполагания, его антропогенной или все более техногенной природы, о чем можно только догадываться. Уже сейчас люди все больше делегируют свои когнитивные полномочия искусственному интеллекту, принимающему за нас все более ответственные решения, используя при этом датасеты с растущей долей синтетических данных. Можно ли верить такой машине свою судьбу?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Даниленко И.С. От прикладной военной науки – к системной науке о войне // Военная мысль, 2008. № 10, № 11.
2. Тюшкевич С.А., Круглов В.В. Военная наука: размышления о ее содержании и развитии // Военная мысль, 2010, № 10. С. 63–68.
3. Проблемы безопасности. Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука-XXI». 2008. № 3. Неклассические войны современности.
4. Васильев Н.М. О кризисе военной науки и путях выхода из него // Военная мысль, 2013, № 3. С. 39–46.
5. Владимиров А.И. Гибридные войны в Общей теории войны // Материалы конференции «Гибридные войны XXI века» (Военный университет МО РФ 28 января 2015 г., г. Москва). Режим доступа: <http://www.oboznik.ru/?p=39603> (дата обращения 24.10.2024).
6. Кузина С. И., Хагуш С.Л. Новые виды войн в процессах глобальной конкуренции государств // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 160–164.
7. Го Фэнли. Гибридная война в исследованиях ученых Китайской Народной Республики // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1 (23). С. 140–151.
8. Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль, 2021, № 8. С. 19–33.
9. Караваев И.Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии // Военная мысль, 2022, № 3. С. 35–42.
10. Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования // Вопросы теоретической экономики, 2023, № 2 (часть 1), С. 85–98; № 3 (часть 2), С. 92–107.
11. Комлева Н.А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противоборства // Пространство и Время. 2015, № 3(21). С. 15–23.
12. Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013, 27 февраля (т. 476, № 8). С. 2–3.
13. Гареев М.А. Система знаний о войне и обороне страны на современном этапе // Вестник Академии военных наук. 2013, № 2 (43).
14. Сержантов А.В. Современное понимание сущности и содержания войны // Вестник Академии военных наук. 2013, № 2 (43). С. 21.
15. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. N Пр-2976).
16. Бартош А.А. Мировая гибридная война. – М.: Горячая линия – Телеком, 2023. 544 с.
17. Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. Опыт исследования современных войн. – М.: Воениз, 1940. – 76 с.
18. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295.

ПОДХОДЫ К РАСЧЕТУ ВОЕННОЙ МОЩИ ГОСУДАРСТВ И ВЛИЯНИЕ ЕГО РЕЗУЛЬТАТОВ НА ПЛАНИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

APPROACHES TO CALCULATING THE MILITARY POWER OF STATES AND THE IMPACT OF ITS RESULTS IN THE PLANNING OF THE USE OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN

Раскрыты подходы к сущности и расчету военной мощи государства при оценке стратегической обстановки в интересах планирования применения Вооруженных Сил Российской Федерации.

The approaches to the essence and calculating the military power of states in assessing the strategic situation are revealed.

Ключевые слова: планирование применения Вооруженных Сил Российской Федерации, военная мощь государства, оценка стратегической обстановки.

Keywords: planning of the use of the Armed Forces, military power of state, assessment of the strategic situation.

Извлекая уроки из отечественной и зарубежной истории войн и вооруженных конфликтов XX столетия, следует констатировать, что многие просчеты и неудачи в военных кампаниях, так или иначе, были связаны с неточной оценкой характера и масштабов возможных военных угроз, условий (времени, места) и форм их реализации, а также своих возможностей по отражению этих угроз. Примеров этому немало: Русско-японская война (1904–1905 гг.), война СССР с Финляндией (1939–1940 гг.), начальный период Великой Отечественной войны (1941 г.), применение ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1978–1989 гг.), контртеррористическая операция в Чечне (1994–1996 гг.). Несмотря на различные прогнозы, одинаковых войн за всю историю человечества в принципе не было. Как отмечал наш соотечественник, известный военный ученый Александр Андреевич Свечин: «Каждая война — частный случай, требующий установления особой логики, особой линии стратегического мышления». И сегодня в условиях проведения специальной военной операции можно утверждать, что успех будет иметь та сторона конфликта, которая вовремя сможет выявить требования, выдвигаемые войной, связанные с развитием технологического прогресса, и, как следствие, стремительным развитием вооружения и военной техники, перестройкой своей экономики, сознания общества и своих вооруженных сил.

Угрозы безопасности государству не возникают внезапно. Их формирование происходит, как правило, постепенно. Причины этому кроются в различных сферах и создаются под воздействием многих условий и разноплановых факторов. Поэтому прогнозирование военных угроз и оценка уровня военной безопасности Российской Федерации является сложной, но чрезвычайно актуальной задачей военной теории и практики. Без ее решения не представляется возможным определить масштабы будущих конфликтов, разработать на длительную перспективу военную доктрину и уточнять ее положения в связи с требованиями времени, привести структуру и боевой состав Вооруженных Сил, формы и способы их применения в соответствии с объемом и характером задач по защите жизненно важных интересов государства [1].

Одной из важнейших сфер, требующих постоянного отслеживания (мониторинга), является военная сфера. Соответствующие структуры, органы должны дать ответ, прежде всего, о возможных сроках и масштабе агрессивных действий с применением вооруженных сил со стороны соседних или иных государств (коалиций государств), о возможностях сторон по ведению военных действий, а также условиях, в которых эти действия будут проводиться. Именно эти элементы и составляют основу оценки и прогноза стратегической обстановки в интересах обеспечения военной безопасности любого

государства и планирования применения его вооруженных сил [2].

Ответ на этот вопрос должен быть исключительно достоверным и обоснованным. Вместе с тем такого рода ответ, как показывает опыт, не только важен, необходим, но и чрезвычайно трудноосуществим. Это задача зачастую с непостоянными условиями и многими неизвестными, и она может быть решена только при скрупулезном изучении и оценке многочисленных факторов в ходе осуществляемой органами военно-политического руководства оценки стратегической обстановки в интересах обеспечения военной безопасности государства.

Решение этих задач является практически каждодневной, сложной и трудоемкой задачей не только военно-политического руководства, но и многих социально-политических и военно-стратегических институтов государства, и, естественно, что объективное их решение немыслимо без наличия определенного научно-методического аппарата их решения.

В настоящее время все более актуальной становится проблема объективного сопоставления государств по уровню их возможностей реагировать на возникающие военные угрозы, обеспечения стратегического сдерживания от развязывания против них военной агрессии, а также возможности влиять на происходящие в мире политические и социально-экономические процессы. И эти возможности, как показывает история развития человечества, зависят от мощи государства, и в первую очередь военной мощи, как совокупности многих факторов политического, экономического, демографического, военного и физико-географического характера. Чем большей мощностью обладает государство, тем выше его возможности по обеспечению своей безопасности во всех областях жизнедеятельности, тем выше его авторитет и возможности по поддержанию стабильности в мире, с одной стороны, а с другой — негативной стороны, такие государства, могут стать диктаторами своей воли в обеспечении своих национальных интересов в ущерб другим государствам, а имея противоречия с ними и явиться носителями военных угроз. Здесь появляется вопрос: как измерить военную мощь государства, каковы ее компоненты?

Исходя из определений военной мощи, данных в энциклопедических словарях, следует,

что военная мощь государства обусловлена геополитическим положением страны, размерами ее территории и численностью населения, наличием природными, материальными и людскими ресурсами, уровнем политического, социально-экономического, научно-технического, духовного и другого развития общества, а также характером и содержанием политики по мобилизации этих возможностей на военные нужды [3].

Источниками военной мощи страны является система взаимосвязанных потенциалов политического, экономического, социального, духовного, научного и, собственно, военного потенциала. В военной теории и практике потенциал определяется как совокупность материальных и духовных возможностей государства, общества, вооруженных сил, которые могут быть мобилизованы и использованы для эффективного выполнения задач строительства, содержания военной организации и ведения войны.

Любой из потенциалов государства в данный момент времени характеризуется уровнем его реализации, то есть степенью превращения в действующий фактор. Поэтому реализованную часть любого из потенциалов вполне правомерно определять категорией «мощь»: «экономическая мощь», «военно-экономическая мощь», «военная мощь» и т.д. Потенциал и мощь соотносятся как философские категории «возможность» и «действительность» [4].

Каждый из слагаемых военной мощи обладает количественной и качественной определенностью, но как их вычислить? Для достижения этой цели необходимо определить наиболее концептуально значимые показатели, влияющие на военную мощь государства или коалиции государств, подобрать адекватную математическую формулу для вычисления соответствующего показателя.

Наиболее значимыми показателями, влияющими на военную мощь государства, являются военный потенциал вооруженных сил, военно-экономический, научно-технический и мобилизационный потенциалы государства.

Все эти показатели имеют числовые выражения и конкретные уравнения для их вычисления, но у них различные размерность и масштаб чисел. Вследствие чего простое суммирование или перемножение этих показателей некорректно.

Поэтому предлагается использовать значения этих показателей, нормированные по отношению к аналогичным показателям одной из ведущих зарубежных стран, в нашем случае — США, и масштабированные с учетом важности выбранных показателей в формировании военной мощи государства.

Для определения военной мощи государства предлагается использовать следующую формулу:

$$BM_i = K_i^{BP} * \frac{BP_i}{BP_{CША}} + K_i^{BЭП} * \frac{BЭП_i}{BЭП_{CША}} + K_i^{ВНП} * \frac{НТП_i}{НТП_{CША}} + K_i^{МП} * \frac{МП_i}{МП_{CША}},$$

где BM_i — приведенная военная мощь i -го государства;

BP_i — военный потенциал вооруженных сил i -го государства;

$BЭП_i$ — военно-экономический потенциал i -го государства;

$НТП_i$ — научно-технический потенциал i -го государства;

$МП_i$ — мобилизационный потенциал i -го государства;

K_{ij} — коэффициенты важности элементов военной мощи государства.

Вычисленные по данной формуле значения военной мощи государства являются относительными величинами по отношению к США (приведенными к аналогичным параметрам аргументов военной мощи США). То есть результатом вычислений становятся доли «силы» сопоставляемых государств по отношению к военной мощи США. Очевидно, числовое значение военной мощи США будет равняться единице, а других государств, менее слабых — меньше единицы, более сильных — больше единицы.

В представленной формуле научно-технический и мобилизационный потенциалы являются статистическими характеристиками, поэтому расчету подлежат военный потенциал вооруженных сил и военно-экономический потенциал государства.

Исходные данные для оценки военного потенциала вооруженных сил подготавливаются в ходе анализа состояния вооруженных сил государства по функциональным компонентам: стратегическим силам сдерживания и силам

общего назначения. Решение этой задачи представляет собой задачу синтеза боевых потенциалов соединений и воинских частей, входящих в состав вооруженных сил государства.

Анализ полученных данных по военным потенциалам сил общего назначения ведущих государств мира позволяет в первом приближении сделать вывод об их возможностях по составу и развертыванию группировок войск (сил) для ведения военных действий.

В предлагаемом подходе к оценке военной мощи государства присутствует несколько взаимозависимых и взаимосвязанных показателей экономического характера. В интересах определения военной мощи государства достаточно использовать показатели, которые с большой достоверностью смогут охарактеризовать уровень военно-экономического потенциала государства.

Таковыми могут быть показатели, характеризующие величину суммарных военных расходов (военных бюджетов) в долларовом исчислении и обобщенные мобилизационные мощности военной промышленности в натуральном исчислении. Поскольку мобилизационные мощности военной промышленности стран представлены большим количеством номенклатуры ВВСТ, вычисление обобщенного показателя этих мощностей может быть получено применением методов нормирования частных показателей и сверстки этих показателей с учетом тактической их значимости или коэффициента качественной соизмеримости (боевого потенциала) образца ВВСТ. Числовые значения предложенных показателей военно-экономического потенциала государств ежегодно публикуются в различных открытых и закрытых источниках информации, которые позволяют без особых усилий вычислять военно-экономический потенциал противоборствующих государств.

В то же время в формуле отсутствует такой аргумент, как духовный фактор, который оказывает существенное влияние на реализацию военной мощи государства. Оценка этого влияния является предметной областью отдельного исследования философского и социально-политического характера. Однако, отчасти, морально-психологическое состояние личного состава вооруженных сил учитывается в оценке боеспособности соединений и воинских частей при расчете военного потенциала.

Одним из важнейших факторов, существенно влияющим на экономику, военно-технический, военный потенциалы и на военную мощь государства в целом, является научно-технический потенциал.

В структуре военной мощи всех стран в современный период значительно усилилась роль науки и техники. Решающим фактором обеспечения безопасности государства стал научно-технический прогресс, который влияет на военное дело двояко. Во-первых, с ним напрямую связано ускорение процесса создания новых, более совершенных и эффективных средств вооруженной борьбы. Во-вторых, стимулируется инновационное развитие экономики, рост производительности труда, а, следовательно, увеличение экономического и военно-экономического потенциалов.

На данный момент научно-технический потенциал стал одним из ключевых факторов, определяющих военную мощь, главной предпосылкой в деле обеспечения устойчивого развития и упрочения национальной безопасности любой страны, повышения ее конкурентоспособности в мире. Вооруженные силы являются «постоянным потребителем» передовых научных, технических и технологических достижений, позволяющих создавать такие системы, комплексы и образцы вооружения и военной техники, которые дают возможность выполнять боевые задачи с высокой эффективностью в реальном масштабе времени и в любых усло-

виях боевой обстановки. Вооруженные силы и оборонно-промышленный комплекс являются не столько пассивным потребителем научно-технического потенциала и ресурсов государства, сколько одним из мощных и «постоянно действующих» катализаторов развития фундаментальной и прикладной науки и экономики в целом. В самых общих чертах научно-технический потенциал можно определить такими критериями, как возможности страны по созданию самых совершенных ВВСТ с использованием новейших научных достижений и передовых технологий. Важнейшими количественными показателями оценки научно-технического потенциала служат расходы на НИОКР и их доля в ВВП, численность научных и инженерно-технических кадров, материально-техническая база научных исследований [2].

Важнейшим элементов при расчете военной мощи государства является мобилизационный потенциал, который отражает возможности государства по удовлетворению потребностей вооруженных сил в людях (количественные и качественные) в мирное и военное время. Мобилизационные потребности могут оказывать существенное влияние на систему комплектования войск (сил) личным составом, систему накопления мобилизационных резервов и поддержания высокой боевой и мобилизационной готовности Вооруженных сил, а также систему боевой подготовки личного состава по овладению и эксплуатации высокотехнологичных

Таблица 1

Частные приведенные показатели и обобщенные показатели военной мощи ведущих зарубежных государств

№ п/п	Страна	Военный потенциал	Военно-экономический потенциал	Численность населения	Валовый внутренний продукт	Расходы на НИОКР	Обобщенный показатель военной мощи ед.
1	Великобритания	0,019	0,049	0,018	0,035	0,010	0,13
2	Германия	0,012	0,036	0,025	0,050	0,023	0,15
3	Италия	0,012	0,023	0,017	0,026	0,008	0,09
4	Китай	0,150	0,161	0,397	0,169	0,067	0,94
5	Польша	0,009	0,008	0,011	0,007	0,001	0,04
6	Россия	0,288	0,145	0,041	0,121	0,075	0,97
7	США	0,303	0,212	0,091	0,242	0,152	1,00
8	Франция	0,019	0,039	0,019	0,035	0,018	0,13
9	Япония	0,019	0,022	0,035	0,062	0,032	0,17

ВВСТ. Мобилизационные людские ресурсы разделяют на мобилизационный и военно-обученный контингенты [2].

Совокупность военного и военно-экономического потенциалов и других статистических данных по показателям аргументов, входящих в расчетную формулу военной мощи государства, позволяет осуществить числовые значения обобщенных показателей военной мощи государств мира (табл. 1).

Представленные результаты получены по данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), занимающегося изучением проблем мира и конфликтов, и позволяют осуществить ранжирование государств мира по показателю военной мощи и оценить их возможности по масштабу и продолжительности ведения военных действий [5].

Так, можно предположить, что страны, имеющие значения обобщенного показателя от 0,75 до 1,0 и более способны самостоятельно вести военные действия стратегического масштаба; с показателем от 0,25 до 0,75 – военные действия оперативно-стратегического масштаба (военная угроза регионального масштаба); с показателем от 0,10 до 0,25 – военные действия оперативного масштаба (военная угроза локального масштаба); с показателем менее 0,1 – военные действия оперативно-тактического масштаба (вооруженный конфликт).

Предлагаемый методический подход к расчету военной мощи государств является упрощенным, но его значимость заключается в наличии общих количественных и качественных

показателях, которые достоверны и доступны, периодически обновляются и находятся в открытом доступе.

Расчет и ранжирование стран по показателям военной мощи позволяет определить из их состава наиболее мощные в военной отношении государства, а оперативное воздействие на их уязвимости в различных сферах функционирования будет способствовать обоснованности принимаемых управленческих решений военно-политическим руководством Российской Федерации для нейтрализации возможностей применения военной силы противником, что в итоге приведет к сокращению военных угроз и соответственно к сокращению количества возможных военных конфликтов с участием Российской Федерации и ее союзников и будет способствовать достоверным и обоснованным подходам к планированию применения Вооруженных сил.

Таким образом, применение предложенных научно-методических подходов позволит при оценке стратегической обстановки численно оценивать соотношения частных показателей и военной мощи государств в целом, формулировать выводы о готовности противостоящего противника к ведению войны определенного масштаба и продолжительности, способности его в развертывании группировок войск (сил) на угрожаемых направлениях, определять его политические и стратегические цели и задачи, сильные и слабые его стороны, в целом прогнозировать военно-политический и стратегический характер военного конфликта, в который может быть втянута Российская Федерация.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Указ Президента Российской Федерации от 25.12.2014 г. № Пр-2976 «Военная доктрина Российской Федерации». Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 19.11.2024). – Текст: электронный.
2. Байгузин Р.Н., Подберезкин А.И. Политика и стратегия. Оценка и прогноз развития стратегической обстановки в военной политике России. – М.: ЮСТИЦИНФОРМ: 2021. – 765 с.
3. Военный энциклопедический словарь. – М.: военное издательство: 2007. – 832 с.
4. Уваров А.А. Военная экономика: Учебник. – М.: ВАГШ ВС РФ: 2023. – 483 с.
5. Ежегодник СИПРИ. Вооружения, разоружение и международная безопасность (перевод с английского). – М.: ИМЭМО РАН: 2021. – 884 с.

ВЛИЯНИЕ ОПЫТА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ИЗМЕНЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИОННО-ШТАТНОЙ СТРУКТУРЕ ОТДЕЛЬНЫХ МОТОСТРЕЛКОВЫХ БРИГАД В АФГАНИСТАНЕ (1979–1989)

THE IMPACT OF COMBAT EXPERIENCE ON CHANGES IN THE ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF INDIVIDUAL MOTORIZED RIFLE BRIGADES IN AFGHANISTAN (1979–1989)

В научной статье исследуются причины и основные направления изменений в организационно-штатной структуре отдельных мотострелковых бригад в ходе ведения боевых действий в Афганистане (1979–1989). Установлены причинно-следственные связи изменений, направленных на увеличение их огневой мощи и маневренности, возрастание количества сил и средств, привлекаемых для обеспечения действий боевых частей и подразделений, повышение их тактической самостоятельности.

The scientific article examines the causes and main directions of changes in the organizational and staff structure of individual motorized rifle brigades during military operations in Afghanistan (1979–1989). Cause-and-effect relationships of changes aimed at increasing their firepower and maneuverability, increasing the number of forces and means involved in supporting the actions of combat units and subdivisions, and increasing their tactical independence are established.

Ключевые слова: Афганистан, 66-я отдельная мотострелковая бригада, 70-я гвардейская отдельная мотострелковая бригада, десантно-штурмовой батальон, организационно-штатная структура.

Keywords: Afghanistan, 66th separate motorized rifle brigade, 70th guards separate motorized rifle brigade, airborne assault battalion, organizational and staff structure.

В настоящее время, в связи с продолжающимся ведением боевых действий в ходе специальной военной операции на Украине, особое внимание необходимо уделять изучению боевого опыта локальных войн и вооруженных конфликтов и его влиянию на изменения в организационно-штатной структуре, составе вооружения и военной техники отдельных мотострелковых бригад (далее – омсбр). Более успешному решению данной проблемы может способствовать знание основных путей развития организационно-штатных структур омсбр в годы войны в Афганистане и важнейших причинно-следственных связей, обусловивших этот процесс.

В послевоенные годы в состав Вооруженных Сил СССР входило всего четыре отдельных мотострелковых бригады, при этом их организационно-штатная структура значительно отличалась друг от друга. Так, например, 7-я отдельная мотострелковая бригада дислоцировалась на территории Республики Кубы, а 6-я гвардейская мотострелковая Берлинская ордена Богдана Хмельницкого бригада в берлинском районе Карлсхорст. Их состав в значительной степени зависел от места дислокации, предполагаемого

противника и выполняемых служебно-боевых задач.

Кроме того, в 1980-х годах в состав Ограниченного контингента советских войск (далее – ОКСВ) в Республике Афганистан входили 66-я отдельная мотострелковая бригада (сформирована на базе 186-го мотострелкового полка и 48-го отдельного десантно-штурмового батальона) и 70-я гвардейская отдельная мотострелковая бригада (сформирована на базе 373-го гвардейского мотострелкового полка и 2-го десантно-штурмового батальона) 40-й армии [1, 2].

70-я гвардейская и 66-я омсбр являлись единственными мотострелковыми бригадами в ВС СССР, имевшими в своем штате десантно-штурмовые батальоны, из-за этого эти бригады нередко называли «общевойсковыми». В разные годы в их состав по штату входило до 4000 человек и до 550 единиц бронетехники. В начале 1980-х годов организационно-штатная структура 70-й гвардейской и 66-й омсбр была практически идентичной, отличие заключалось только в наличии противотанковых взводов в штате мотострелковых батальонов 70-й гвардейской омсбр (рис. 1).

С началом боевых действий в горно-пустынной местности были выявлены основные недостатки в их организационно-штатной структуре, к которым, по мнению командования, относились:

- различные по маркам, видам и году выпуска боевые машины десанта, находящиеся в десантно-штурмовых батальонах (далее — дшб);
- наличие на вооружении 82-мм минометов, применение которых при действиях в горах было малоэффективным;
- несоответствие возможностей ремонтных подразделений изменяющемуся в сторону увеличения штату бронетанковой и автомобильной техники;
- невозможность своевременного и качественного проведения полной подготовки прибывающего пополнения специалистов, что отрицательно влияло на боеготовность бригад.

Пути решения данных проблем виделись в проведении следующих мероприятий:

- перевооружение частей и подразделений бригады на 40–60-мм минометы;
- сокращение разнообразия бронетанковой и автомобильной техники до 10–15 наименований;
- увеличение количества инженерной, эвакуационной и другой техники (тягачи БТС-4, трейлеров, санитарных вертолетов) в штате бригады [3].

Дальнейшее участие бригад в боевых действиях выявило и другие недостатки в штатной структуре как самого соединения, так частей и подразделений, входивших в его состав. Например, проведенное исследование показало, что организационно-штатная структура 70-й гвардейской и 66-й омсбр в 1980-е годы изменялась с учетом применения новых способов действий частями и подразделениями советских войск, а также принятием на вооружение новых образцов вооружения и военной техники. Кроме того, на изменения, происходившие в омсбр, огромное влияние оказывала и тактика противостоящего противника. Так, для борьбы с иррегулярными вооруженными формированиями (далее — ИВФ) приходилось создавать сводные отряды с облегченной боевой техникой, основу которых составлял мотострелковый (десантно-штурмовой) батальон, усиленный артиллерией, танками, саперами и поддерживаемый авиацией.

Выявлено, что для успешного решения задач всестороннего обеспечения всех частей и подразделений пришлось увеличивать и реорганизовывать полковые комплекты подразделений в бригадные, что указывает на возрастание их значимости в условиях ведения боевых действий против ИВФ. При этом изменения происходили как в составе боевых частей, так и в частях (подразделениях) тылового, технического и медицинского обеспечения.

Наибольшее количество проведенных организационно-штатных изменений произошло на втором и третьем этапах пребывания советских войск на территории ДРА, а именно в период с марта 1980 по декабрь 1986 года.

Это было обусловлено тем, что именно в этот период части и подразделения ОКСВ приобрели наиболее значимый опыт борьбы с ИВФ.

С учетом реалий боевых действий в Афганистане десантно-штурмовые батальоны имели увеличенный штат. Каждая из трех десантно-штурмовых рот состояла не из трех взводов, а из пяти, что было связано с необходимостью увеличения огневой мощи подразделений при автономных действиях в горах. В составе каждой десантно-штурмовой роты было 3 десантно-штурмовых взвода и по одному минометному и пулеметному взводу. Десантно-штурмовые роты были усилены минометными расчетами, несмотря на наличие минометной батареи (на 120-мм минометах 2Б11, а после апреля 1984 года на 2С9 «Нона») в штате десантно-штурмовых батальонов.

В целом можно сделать вывод, что основными преобразованиями, оказывавшими существенное влияние на повышение боевой мощи и тактической самостоятельности омсбр, являлись следующие:

1. От 34-го смешанного авиационного корпуса в подчинение командиров 70-й гвардейской и 66-й омсбр 11 апреля 1980 года были выделены 292-й Краснознаменный отдельный вертолетный полк и 280-й отдельный вертолетный полк соответственно [1, 2];
2. В 1984 году в штаты омсбр были введены взводы разминирования [4];
3. В октябре 1984 года в штат мотострелковых (десантно-штурмовых) батальонов был введен разведывательный взвод, что повысило их самостоятельность при ведении боевых действий в отрыве от основных сил [5];

4. В 1984 году в управление омсбр включили отряды агитации и пропаганды [6];

5. В десантно-штурмовых батальонах минометная батарея была заменена на самоходно-артиллерийскую батарею [6];

6. В 70-й гвардейской омсбр в 1985 году был введен четвертый мотострелковый батальон. Он получил название «пустынный» (в отличие от третьего – «горного» батальона) за рассредоточение по сторожевым заставам и выносным постам в пустынной местности вдоль дороги от н.п. Кишкин-ахунд до г. Кандагара [6];

7. В 1985 году в штаты бригад, кроме взводов химической защиты, были включены огнеметные взводы [7]. Это было обусловлено тем, что огнеметные подразделения достаточно эффективно выполняли поставленные боевые задачи в условиях горной местности. При этом наибольшую эффективность давало децентрализованное их применение;

8. В инженерно-саперных ротах один из инженерно-саперных взводов был заменен на взвод специального минирования [6], что указывает на возрастающую роль минирования для успешного выполнения поставленных боевых задач;

9. Опыт боевых действий в Афганистане указал на необходимость усиления огневой мощи частей и подразделений, а также замены некоторых видов оружия на более современные образцы. Так, в 1985 году вместо одного автоматического гранатомета АГС-17 в гранатометно-пулеметные взводы мотострелковых рот были поставлены 12,7-мм пулеметы «Утес». В этом же

году во все минометные батареи мотострелковых батальонов было включено по второму минометному взводу 82-мм минометов «Василек» [7];

10. Артиллерийские дивизионы омсбр имели увеличенный штат, в них были включены четвертые батареи 122-мм гаубиц (по 8 орудий) и реактивная артиллерийская батарея РСЗО на БМ-21 (с 1985 года – 9П140 «Ураган») [8];

11. В 1986 году в штат управления омсбр были введены три должности оперативного дежурного [9], что должно было повысить оперативность управления при возникновении внештатных ситуаций без отрыва должностных лиц управления от повседневной (боевой) деятельности.

Таким образом, анализ архивных данных, источников и литературы позволяет сделать вывод о том, что данные преобразования были вызваны несоответствием качественного состава частей и подразделений характеру решаемых задач и способам применения сил и средств в ходе ведения боевых действий. Вместе с тем на втором и третьем этапах ведения боевых действий изменения в организационно-штатной структуре частей и подразделений проводились в интересах повышения тактической самостоятельности частей и подразделений. Это выражалось в возрастании количества сил и средств, привлекаемых для обеспечения действий боевых частей и подразделений, повышении их огневой мощи и маневренности. Данные преобразования свидетельствуют о расширении спектра решаемых задач в условиях вооруженного конфликта, а также увеличении количества способов ведения боевых действий.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. https://ru.wikipedia.org/wiki/66-я_отдельная_мотострелковая_бригада
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/70-я_отдельная_гвардейская_мотострелковая_бригада
3. ЦА МО РФ, ф. 2020, оп. 998380, д. 2, л. 52.
4. ЦА МО РФ, ф. 2020, оп. 998382, д. 1, л. 9.
5. ЦА МО РФ, ф. 2371, оп. 1, д. 38, л. 21.
6. ЦА МО РФ, ф. 2371, оп. 998556, д. 1, л. 1.
7. Никитенко Е.Г. Опыт организации и ведения боевых действий Ограниченным контингентом советских войск в Афганистане (1979–1989 гг.). Оперативно-тактические уроки и выводы. Дисс. на соиск. уч. ст. к. ист. н. – М.: ИВИ, 1997. – Приложение 22.
8. Киселев Н.В. Охрана и оборона пунктов постоянной дислокации, аэродромов, транспорта советскими войсками в Афганистане (1980–1989 гг.). Дисс. на соиск. уч. ст. к. ист. н. – М.: ИВИ, 1995. – С. 140.

V.F. LAZUKIN,
V.A. MALYSHEV,
V.L. LEN

В.Ф. ЛАЗУКИН,
В.А. МАЛЫШЕВ,
В.Л. ЛЕН

РОЛЬ И МЕСТО ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКОЙ АВИАЦИИ В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ СОВРЕМЕННОСТИ И БУДУЩЕГО

THE ROLE AND PLACE OF TACTICAL AVIATION IN MILITARY CONFLICTS OF THE PRESENT AND THE FUTURE

В статье представлена характеристика особенностей применения оперативно-тактической авиации в современных военных конфликтах. Раскрыты причины снижения роли авиации в них, приведены пути ее повышения. Проведено обоснование необходимости дальнейшего совершенствования самолетов до шестого поколения, определены их преимущества, позволяющие выполнять весь спектр боевых задач. Основным преимуществом, влекущим за собой качественное изменение применения авиации в современной войне, авторами определено как опциональное управление самолетом в совокупности с его оборудованием с сетевыми возможностями и высокоточными дальнобойными авиационными средствами поражения.

In the article presents a description of the use features of operational and tactical aviation in modern military conflicts. The reasons for the decline in the role of aviation in them are revealed, and ways to increase it are given. The substantiation of the need for further improvement of aircraft up to the sixth generation has been carried out, their advantages have been identified, allowing them to perform the full range of combat missions. The main advantage entailing a qualitative change in the use of aviation in modern warfare is defined by the authors as the optional control of the aircraft in combination with its equipment with network-centric capabilities and high-precision long-range aviation weapons.

Ключевые слова: оперативно-тактическая авиация, самолеты шестого поколения, беспилотные летательные аппараты, специальная военная операция, высокоточное оружие, опциональное пилотирование.

Keywords: operational and tactical aviation, sixth generation aircraft, unmanned aerial vehicles, special military operation, precision weapons, optional piloting.

Опыт военных конфликтов, произошедших в мире после корейской войны 50-х годов XX века, показал, что роль и место авиации в них не является постоянной величиной и зависит от множества факторов. В первую очередь они зависят от масштаба конфликта и военных потенциалов воюющих сторон. Крупномасштабные (мировые) войны не ведутся уже 80 лет. Войны среднего масштаба, когда сталкиваются интересы двух государств равного военного потенциала и военные действия ведутся армиями этих государств, тоже не возникали. Все прошедшие конфликты XX века были либо с привлечением третьей стороны, которая воевала от имени крупной державы (Вьетнам, Афганистан), либо обе стороны устраивали прокси-войну, где стал-

кивались два союзных им, но более слабых государства, например, арабо-израильские войны. В этих конфликтах, как правило, авиация одной стороны имела превосходство над другой, что и определяло характер ее действий. В то же время уровень развития средств ПВО хоть и ограничивал боевые возможности авиации, но не позволял, в значительной степени, влиять на эффективность ее применения.

Боевые действия авиации в большей степени характеризовались авиационными ударами и редкими воздушными боями. При этом массированное применение авиации отмечается только при нанесении авиационных ударов по «слабому» противнику, например Югославия, Ирак.

В военных конфликтах первых десятилетий XXI века, даже при подавляющем преимуществе авиации одной стороны конфликта, основная боевая работа авиации состояла в действиях тактических групп от пары до эскадрильи (Сирия, Афганистан). А в боевых действиях на Украине участвуют пары и даже одиночные самолеты [1]. Причины такого применения авиации состоят в следующем.

Во-первых, боевые возможности современных авиационных комплексов поколений 4++ и 5 позволяют решать большинство задач гораздо меньшими силами, чем это предусмотрено в уставных документах.

Во-вторых, боевые возможности современных средств противовоздушной обороны (ПВО) не позволяют без потерь выполнить боевую задачу даже при подавляющем превосходстве авиации одной из сторон конфликта.

Особенно ярко эти причины выявились в ходе специальной военной операции (СВО). Самолеты оперативно-тактической авиации (ОТА) выполняют боевые задачи парами или индивидуально, не в составе подразделения. Но так как вооруженные силы Украины обладают комплексами ПВО ведущих мировых производителей, то российская ОТА не пересекает линию боевого соприкосновения (ЛБС). При поражении наземных целей самолеты ОТА лишь доставляют авиационные средства поражения в зону их применения (пуска, сброса). При ведении воздушного боя применяются управляемые ракеты большой дальности, позволяющие атаковать противника даже вне зоны действия бортовых радиолокационных станций. И еще раз подчеркнем, главное условие — не вхождение в зону действия средств ПВО противника [1,2,5].

Так, штурмовая авиация в основном применяет неуправляемые ракеты, пуская их с кабрирования, что не способствует повышению точности их применения. Современные многофункциональные авиационные комплексы ОТА Су-35С, Су-30СМ, Су-34 применяют ракетное и бомбовое вооружение с максимальной дальности, что усложняет или даже не позволяет управлять им в процессе полета. Это свидетельствует об ограничении роли авиации в поражении объектов противника [1].

Из этого следует, что на первый план выходят боевые возможности не самолетов ОТА, а авиа-

ционных средств поражения (АСП). А самолеты превращаются только в средство доставки. Масштабные бомбовые удары остались в прошлом. Одновременное применение большого числа ракет «воздух-поверхность» уже не актуально из-за высокой их стоимости и значительного повышения точности, что позволяет решать боевые задачи малым количеством таких ракет.

Кроме того, главная тенденция современной войны — широкое применение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) различного целевого назначения. Ирак, Афганистан, Сирия, Палестина, Украина — далеко не все регионы, где боевые действия велись и ведутся при значительной роли БПЛА в решении большинства боевых задач. Особенно ярко этот факт проявился в ходе специальной военной операции на Украине. Практически боевые действия без участия БПЛА не ведутся. Но следует отметить тот факт, что основную массу представляют собой БПЛА малого и среднего классов. Они ведут разведку, осуществляют наведение, поражают как живую силу, так и тяжелую технику противника. Это становится нормой современной войны [1,5].

Однако в Военно-воздушных силах доля задач, решаемых БПЛА, минимальна [3]. Для авиации представляют интерес тяжелые БПЛА, обладающие не только достаточно большой дальностью и длительностью полета, но скоростью, соизмеримой со скоростью пилотируемых воздушных судов. Так, на Украине применяются тяжелые БПЛА самолетного типа, обладающие возможностью нести такую полезную нагрузку, как бомбы и ракеты, например С-70 «Охотник», «Иноходец» или «Альтиус» [2]. Но их применение носит одиночный точечный характер. И опять же стоит отметить, что основное влияние на способ боевого применения БПЛА оказывает применяемый тип АСП.

Из всего сказанного следует вывод, что в СВО на Украине роль авиации снизилась значительно, а ее место определено как доставка АСП, чаще всего высокоточного оружия (ВТО) в точку его сброса (пуска). Анализ применения различных типов вооружений в ходе СВО показал, что доля применения ВТО наземного базирования составляет около 60% от всех вооружений и 40% приходится на остальные, включая БПЛА и авиацию [5].

Однако по опыту СВО нельзя судить обо всех военных конфликтах. Так, проведенный анализ боевых потенциалов ведущих мировых стран, исключая ядерный, и предполагаемый характер ведения ими военных действий показывает, что, несмотря на снижение роли авиации, она не остается без внимания разработчиков. Появление самолетов пятого поколения у США, Китая и России не означает остановку ее развития [2].

Считается, что основной преградой широкого боевого применения самолетов ОТА стали зенитно-ракетные комплексы. И именно они «виноваты» в снижении роли авиации в военных конфликтах. Поэтому появление нового поколения многофункциональных самолетов выглядит не поспешным, а вполне оправданным процессом. Иначе в перспективе получится картина применения самолетов только там, где нет современных систем ПВО.

Многофункциональные самолеты шестого поколения будут отличаться от пятого следующими характеристиками [1,2]:

- высокая скрытность (улучшенная стелс-технология);
- эффективность во всех режимах полета (от дозвуковой скорости до нескольких Махов);
- возможность изменения формы планера;
- «умное» покрытие, которое может создавать эффект невидимости в разных диапазонах длин волн;
- широчайшие сетевые возможности;
- датчики обнаружения противника повышенной чувствительности;
- опциональное пилотирование самолета, т.е. присутствие летчика на борту является лишь одним из вариантов функционирования;
- высокоэффективное оружие на разных физических принципах.

Указанные характеристики должны обеспечить самолету превосходство не только над предыдущими поколениями, но и над наземными средствами его уничтожения, в первую очередь ЗРК.

Современный самолет должен уметь избегать удара со стороны ЗРК. Это, пожалуй, самое важное свойство самолета шестого поколения. Оно способно вернуть авиацию на первое место в военном конфликте и завоевать господство в воздухе. Как это осуществить? Мы предпола-

гаем, что необходимо обеспечить самолету ряд преимуществ.

Первое: самолет должен раньше увидеть ЗРК и уничтожить его. Очень непросто, потому как наземная радиолокационная станция (РЛС) всегда будет мощнее самолетной, хоть и больше в размерах. И видеть она будет дальше авиационной РЛС. Это факт, с которым пока придется считаться.

Второе: самолет может быть невидимым для наземной РЛС. Это тоже весьма сомнительно, так как развитие современных антенных систем скорее всего сведет на нет все ухищрения в плане невидимости. Да, самолеты будут малозаметны, но то, что их будут обнаруживать, чем дальше, тем лучше — это тоже факт. Активные фазированные антенные решетки, многодиапазонные РЛС с комбинированными антеннами в конечном итоге самолет обнаружат.

Третье: гиперзвук. Если ракета ПВО может развить скорость 5М, а самолет летит с такой же скоростью, то шансов у ракеты догнать и уничтожить самолет не будет. Да, на встречных курсах шансы будут, на всех остальных — нет. Даже если самолет будет лететь на сверхзвуке, а потом начнет разгон с 2М до 5М, он все равно сможет уйти от ракеты.

Четвертое: сверхманевренность. То, что могут сделать российские пилоты со своими самолетами на показательных выступлениях, порой вызывает непонимание физических процессов. «Сломать» самолет в полете, чтобы он мог уйти от ракеты, пропустив ее над или под собой — это то, что нужно в борьбе с ракетами. Ракете проблематично будет развернуться и снова зайти в атаку, поскольку ограничен ее разгонный импульс. Это преимущество наиболее реальное из всех. Но и оно сталкивается с одной непреодолимой проблемой — летчик. Он не сможет выдержать те перегрузки, на которые способна техника.

Пятое: опциональное пилотирование, то есть управление самолетом за счет внешнего источника, будь то оператор или компьютер. В ближайшем будущем, без сомнения, появятся такие беспилотные самолеты. Они выгоднее существующих БпЛА хотя бы тем, что боевая нагрузка беспилотников исчисляется килограммами, а самолетов — тоннами. Кроме того, отсутствие летчика позволит реализовать

преимущество сверхманевренности, решить вопрос с безопасностью летчика, его психологическим влиянием на выполнение боевой задачи. И на наш взгляд, именно это преимущество самолетов шестого поколения будет решающим для восстановления роли авиации в будущих войнах.

Шестое: сетцентрическое оснащение. Наряду с беспилотным управлением, это самая значимая черта самолетов шестого поколения, которая будет отличать их от предыдущих. Сама по себе идея передачи данных на поле боя непосредственно к исполнителям не нова и активно используется в той или иной степени. И если самолет может указать цель для артиллерии или ракетным системам залпового огня, а разведка сухопутных войск может самостоятельно и — главное — в реальном масштабе времени указать цель для удара самолету, находящемуся в воздухе, такое взаимодействие выведет роль самолетов ОТА на действительно новый уровень.

Если самолеты шестого поколения — это техника будущих войн, то и в основном место в этих войнах у такой авиации не изменится. Особенно это касается воздушного боя. Завоевание господства в воздухе без борьбы в воздухе невозможно. Однако, как было сказано ранее, все преимущества будущих самолетов направлены на снижение эффективности применения противником оружия против них. Без реализации этого требования роль и место авиации в боевых действиях определяется не более, чем «транспорта» для высокоточных дальнобойных АСП.

А пока на первое место выходит именно оружие. И его роль будет только возрастать. Основ-

ные характеристики идеального оружия войны: дальность, скорость, точность и поражающий эффект. Речь идет, конечно, о неядерном оружии. Получение такого оружия самолетами ОТА способно повысить их боевой потенциал в разы. В первую очередь, это современные управляемые ракеты, такие как «воздух-воздух» Р-37М, «воздух-поверхность» Х-69, «воздух-РЛС» Х-31ПМ. Даже сейчас они являются лучшими в своих классах [2].

Однако это не все козыри самолетов будущего. Да и не только будущего. Нужно как можно быстрее обеспечить возможность самолетам ОТА иметь «длинную руку» в виде сопряженных с ними БпЛА. Управление с борта самолета беспилотником, находящимся далеко впереди и обладающим способностью «видеть» противника, а лучше еще и вооруженным современными АСП, позволит обнаруживать и поражать воздушные и наземные цели вне зоны его воздействия на наш самолет.

В истории развития военного дела всегда присутствовал циклический процесс, когда разные виды вооружения то выходили на первое место в войне, то откатывались назад. Для авиации такой эффект уже наблюдался в 60-х годах прошлого века. Сейчас ситуация снова повторяется, но уже по объективным причинам. Однако реализация отраженных авторами преимуществ позволит авиации преодолеть «проклятие» ПВО и вернуть ей ведущее место в будущих военных конфликтах. Основа развития авиации нами видится именно в опциональности пилотирования самолетов ОТА и сопряжении их с БпЛА различного предназначения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Армейский стандарт. <https://armystandard.ru> (электрон. ресурс. 25.11.2024).
2. Википедия – свободная энциклопедия. <http://ru.wikipedia.org>. (электрон. ресурс. 25.11.2024).
3. Военное обозрение. <https://topwar.ru> (электрон. ресурс. 25.11.2024).
4. Военный энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1983. – 863 с.
5. Независимое военное обозрение. <https://nvo.ng.ru> (электрон. ресурс. 01.11.2024)

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВОЙСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНО-БОЕВЫХ ЗАДАЧ

ISSUES OF INTERACTION IN THE MILITARY THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION WHEN PERFORMING SERVICE AND COMBAT MISSIONS

В статье на основе опыта применения войск правопорядка (внутренних войск МВД России, войск национальной гвардии Российской Федерации) в различных условиях, в том числе при выполнении служебно-боевых задач в ходе специальной военной операции, раскрываются сущность, содержание, цели, взаимодействия в войсках национальной гвардии Российской Федерации, основные принципы и требования, предъявляемые к нему. Раскрыты основные подходы к оценке эффективности взаимодействия.

The article, based on the experience of using law enforcement forces (internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, troops of the National Guard of the Russian Federation) in various conditions, including when performing service and combat tasks during a special military operation, reveals the essence, content, goals, interactions in the troops of the National Guard of the Russian Federation, the basic principles and requirements to him. The main approaches to evaluating the effectiveness of interaction are revealed.

Ключевые слова: войска национальной гвардии Российской Федерации, взаимодействие, требования, принципы, формы, эффективность.

Keywords: troops of the National Guard of the Russian Federation, interaction, requirements, principles, forms, effectiveness.

Комплексный характер угроз национальной безопасности Российской Федерации, закрепленный в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1], предполагает такое же комплексное противодействие им в рамках единой системы, которую представляет собой военная организация государства¹.

Это в полной мере подтвердил опыт специальной военной операции, в ходе которой боевые задачи, а также задачи по обеспечению режимов военного положения, контртеррористической операции, установленных уровней готовности, особых режимов, ведению территориальной обороны выполняются в составе группировок, объединяющих разнородные силы и средства. Эти элементы группировок

имеют специфические задачи и обладают соответствующими возможностями, что, безусловно, должно учитываться при организации совместных действий.

И одним из условий успешного выполнения этих задач является тесное взаимодействие всех сил, позволяющее эффективно выполнить общие задачи.

Для войск национальной гвардии этот вопрос является особенно актуальным, поскольку, будучи неотъемлемым элементом военной организации государства, предназначенным для обеспечения государственной и общественной безопасности [3], они объединяют в своем составе настолько разные по назначению, задачам, способам действий элементы (собственно войсковые структуры, подразделения полиции специального назначения, подразделения лицензионно-разрешительной работы, вневедомственной охраны), что ключевым условием успешного выполнения задач является их тесное взаимодействие.

Взаимодействие также является одним из важнейших вопросов тактики войск националь-

¹ Военная организация государства — совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, создаваемых на военное время специальных формирований, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, и оборонно-промышленный комплекс страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации [2].

Рис. 1. Сущность согласования усилий в ходе взаимодействия

ной гвардии Российской Федерации². Причем речь идет как о теоретических аспектах – сущности, содержании, принципах, требованиях, так и о прикладных, практических, связанных с формами, методами, порядком его организации, поддержания и восстановления в случае нарушения при подготовке и в ходе выполнения задач.

Это обусловлено, прежде всего, тем, что поддержание непрерывного взаимодействия, а также согласованное применение сил и средств объединений, соединений, воинских частей, подразделений (органов) и организаций являются принципами служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации.

В соответствии с определением, которое дает Военный энциклопедический словарь, взаимодействие представляет собой согласованные по целям, задачам, месту, времени и способам выполнения задач действия войск (сил) для дости-

жения цели боя (операции); один из принципов военного искусства [4].

Целью взаимодействия является повышение эффективности применения сил и средств при выполнении поставленных задач, а под содержанием взаимодействия понимается совокупность мероприятий, проводимых командирами (начальниками), органами управления и войсками по согласованию действий при подготовке к выполнению задач и в ходе их выполнения – по целям, задачам, месту (направлениям, рубежам, районам или объектам), времени, способам выполнения поставленных задач (рис. 1).

Взаимодействие в войсках национальной гвардии осуществляется в соответствии с законами, закономерностями и принципами, характерными для служебно-боевой деятельности войск в целом. Вместе с тем этому явлению присущи частные, специфические принципы, отражающие наиболее существенные его признаки. К ним относятся:

² Далее – «войска национальной гвардии», «войска».

— единство понимания всеми командирами (начальниками) замысла старшего командира (начальника);

— твердое знание и правильное понимание поставленных задач и способов совместных действий по их выполнению;

— постоянный взаимный обмен информацией об обстановке между взаимодействующими силами;

— организация и поддержание надежной связи между взаимодействующими силами;

— обязательное участие всех органов управления взаимодействующих сил в разработке важнейших документов по организации служебно-боевой деятельности;

— своевременное доведение вопросов взаимодействия до всех участвующих в выполнении задач сил в соответствии с уточненным или вновь принятым решением;

— обязательное знание сигналов управления, оповещения, взаимодействия и опознавания всеми должностными лицами, в части их касающейся.

К взаимодействию, как и любому другому процессу управленческой деятельности, предъявляются определенные требования. Они созвучны с общими требованиями, предъявляемыми к управлению войсками: это устойчивость, оперативность, непрерывность (рис. 2).

Все перечисленные требования тесно взаимосвязаны, и трудно определить, какое из про-

водимых мероприятий командирами (начальниками) и штабами направлено на достижение устойчивости, а какое на достижение оперативности или непрерывности. Их объединяет одно: несоблюдение любого из них приводит к срыву выполнения поставленной задачи и неоправданным потерям.

Практика показывает, что общей формой осуществления взаимодействия войск (сил) может быть содействие (оказание помощи) друг другу, то есть в рамках войск (сил) своей группировки и соседей, их группировок и элементов боевого порядка (группировки сил и средств).

Кроме того, в частных формах взаимодействие войск (сил) может осуществляться через:

- непрерывную активность соседних соединений, воинских частей, подразделений (органов) в ходе действий;

- совместные действия соединений, воинских частей, подразделений (органов) на смежных флангах, на стыках полос (зон) ответственности с соседями;

- обеспечение взаимной безопасности, включающей огневое, радиоэлектронное и другое воздействие друг на друга;

- взаимный обмен информацией и сигналами оповещения между штабами, органами управления и пунктами управления.

В ходе выполнения задач принцип взаимодействия практически никогда не проявляется в «чистом виде». Его реализация часто бывает

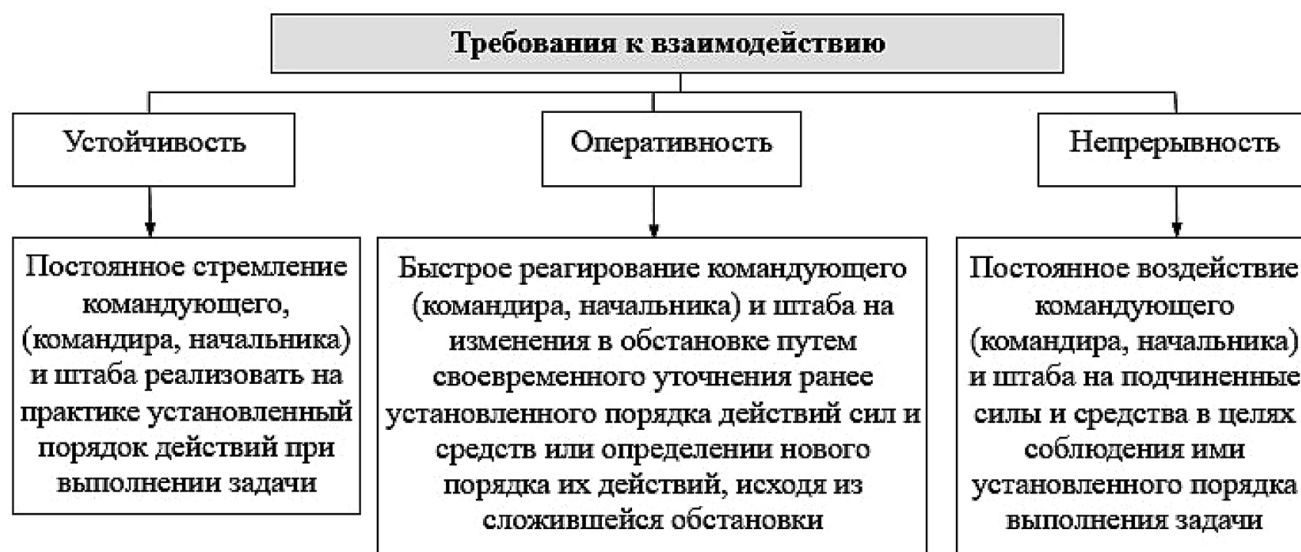

Рис. 2. Требования к взаимодействию

обусловлена сопутствующей реализацией других основополагающих принципов, таких как: решительность и активность при выполнении задач; сосредоточение основных усилий на главной задаче (направлении, участке, в районе) и в решающий момент; внезапность действий; маневр силами и средствами; ряд других. Например, в условиях ведения войсками специальных или боевых действий весьма вероятны ситуации, когда они окажутся отчасти разобщенными (не только в территориальном смысле, но и в смысле связи с центром боевого управления). В этих случаях командиры (начальники) соединений, воинских частей и подразделений (органов), оказавшихся в изоляции, будут вынуждены принимать решения и организовывать взаимодействие самостоятельно, сохраняя неизменной лишь ту цель, которая является общей для всей группировки сил и средств.

Данный тип ситуаций на тактическом уровне можно представить шире: в ходе выполнения задач множество мелких подразделений (органов), групп, войсковых нарядов и отдельных военнослужащих (сотрудников) периодически оказываются изолированными, поэтому необходимо выработать принцип их поведения, предохраняющий от самопроизвольного нарушения как плана взаимодействия, так и всего плана действий (операции). Для этого необходимо сделать выбор между двумя «крайними» вариантами: либо подчиненный принимает самостоятельное решение на дальнейшие действия, в том числе на взаимодействие с соседями, и действует немедленно, либо он дожидается указаний «сверху».

В таком выборе просматриваются две опасности: излишняя самостоятельность, если она не обоснована объективными обстоятельствами, может привести к нарушению процесса взаимодействия, спланированного квалифицированными и хорошо осведомленными командиром (начальником) и штабом; с другой стороны, излишняя пассивность подчиненных, действующих только по приказу свыше, может привести просто к невыполнению поставленной задачи или к полному поражению.

С точки зрения выбора лучшего варианта организации и поддержания взаимодействия представляет интерес количественное выражение его влияния на результат действий, которое

может быть получено при их математическом моделировании.

Эмпирическое соотношение, составленное в целях наглядности, представлено в виде формулы:

$$W = W_o * S_{ov} * S_{pv}, \quad (1)$$

где W — количественное выражение результата действий;

W_o — то же самое, но для случая отсутствия взаимодействия;

S_{ov} — коэффициент влияния качества организации взаимодействия;

S_{pv} — коэффициент влияния качества реализации взаимодействия.

Под эффективностью взаимодействия понимается степень соответствия результата взаимодействия его целевому предназначению в заданных (рассматриваемых) условиях выполнения задач.

В качестве критерия эффективности рассматривается признак, на основании которого производится эта оценка, определение или классификация чего-либо, мерило суждения, оценки.

Под показателем эффективности понимается количественная (качественная) характеристика, используемая для определения степени достижения поставленной цели.

Практические задачи по определению степени достижения целей взаимодействия условно можно разделить на три группы.

Сущность задач первой группы заключается в том, что оценка эффективности взаимодействия позволяет определить, во сколько раз суммарный результат, достигаемый взаимодействующими силами формирований и органов в ходе выполнения задач совместными усилиями, выше или ниже суммы результатов, достигаемых этими силами при самостоятельном выполнении задач.

В задачах второй группы оценка эффективности взаимодействия сил формирований и органов позволяет определить степень реализации служебно-боевых возможностей в единой системе применения сил и средств.

Третью группу составляют задачи, позволяющие оценить эффективность взаимодействия с учетом компенсации слабых сторон одних формирований и органов сильными сторонами других.

Анализ результатов проведенных исследований в данной предметной области показал, что сегодня для оценки эффективности взаимодействия применяются два основных подхода.

Первый — когда взаимодействие стремится к достижению вполне определенного результата, который может быть достигнут либо не достигнут (по схеме «да-нет»). В этом случае естественным критерием эффективности (W) является вероятность достижения желаемого результата (A).

$$W = P(A). \quad (2)$$

Второй — когда в результате взаимодействия элементов системы происходит увеличение либо уменьшение возможностей всей системы (группировки сил и средств) по совместному выполнению задачи. В этом случае критерием эффективности является среднее значение или математическое ожидание оптимизируемой (исследуемой) величины (Y).

$$M = [Y]. \quad (3)$$

По-видимому, при исследовании эффективности взаимодействия соединения (воинской части, подразделения (органа) войск национальной гвардии совместно с действующими соединениями, воинскими частями, формированиями и органами, в том числе из состава других федеральных органов исполнительной власти³ в условиях динамично развивающейся социально-политической обстановки на определенной территории, подход с определением качественных целей практически не позволяет определить степень их достижения. Поэтому наиболее целесообразным в данной ситуации представляется количественно-качественный подход к выбору критериев эффективности. При этом важным основанием оценки эффективности взаимодействия будет являться физический смысл критерия, характеризующего тот или иной аспект процесса взаимодействия.

Непосредственно же выбор критерия эффективности взаимодействия должен быть связан с реализацией требований к взаимодействию, о которых шла речь ранее.

Далее представлено описание подхода, в соответствии с которым для оценки способности

соединения (воинской части, подразделения (органа)) войск национальной гвардии, действующего во взаимодействии с другими силами, обеспечивать обработку (преобразование) поступающей информации с учетом объективно необходимых сроков, избран критерий оперативности взаимодействия.

Данный критерий выражается произведением вероятности своевременного выполнения мероприятий по подготовке совместных действий (P_m) на вероятность выполнения совместных задач (P_z).

$$K_{опер} = P_m \cdot P_z. \quad (4)$$

Расчет вероятности своевременного выполнения мероприятий по подготовке совместных действий выражается математической зависимостью:

$$P_m = 1 - e^{-\frac{t_y}{t_{ож}}}, \quad (5)$$

где t_y — время, отведенное на подготовку соединения (воинской части, подразделения (органа) к совместным действиям, час;

$t_{ож}$ — ожидаемое время завершения всех мероприятий цикла управления, проведенных в соединении (воинской части (подразделении (органе))), час.

Таким образом, взаимодействие соединений (воинских частей, подразделений (органов) войск национальной гвардии, выполняющих задачи совместно с соединениями, воинскими частями, формированиями и органами других сил, является важнейшим фактором, оказывающим непосредственное влияние на степень достижения конечной цели действий.

При этом неперенным условием успешного достижения общей цели является применение взаимодействующих формирований в соответствии с их предназначением и с учетом их служебно-боевых (боевых) возможностей.

А выбор адекватных критериев для оценки эффективности взаимодействия позволяет определять наиболее целесообразные формы и методы его организации, поддержания и восстановления в случае нарушения.

В войсках национальной гвардии (с учетом опыта внутренних войск МВД России⁴) накоплен обширный опыт в области организации

³ Далее — «другие силы».

⁴ Далее — «внутренние войска».

и поддержания взаимодействия при выполнении задач совместно с формированиями других федеральных органов исполнительной власти. Прежде всего, он отражает ход исторического развития, опираясь на опыт участия в Великой Отечественной войне. Также немалый вклад в развитие теории и практики этого вопроса вносит анализ опыта тактических действий соединений и воинских частей внутренних войск во взаимодействии с соединениями и частями Вооруженных Сил, другими формированиями и органами в период контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе России.

Сегодня этот опыт обогащен новыми данными, связанными с применением формирований войск национальной гвардии совместно с другими силами за пределами территории Российской Федерации, а также в условиях специальной военной операции.

Анализ данного опыта позволил выявить ряд проблемных вопросов применительно к взаимодействию в войсках национальной гвардии при выполнении служебно-боевых задач, в том числе совместно с другими силами, которые условно можно объединить в три группы:

первая — вопросы правового характера, в первую очередь — распределение задач и полномочий, создание единого командования и другие вопросы, которые в рамках одного ведомства не решить.

Изучение данного вопроса показало, что объединение сил разных ведомств зачастую объективно способствовало ослаблению жесткого разграничения возлагаемых на них задач, часто низводимому к его полному устранению. В результате к выполнению боевых задач, присущих общевойсковым соединениям и частям, нередко привлекались формирования не только пограничных органов, войск национальной гвардии (включая такие подразделения, как ОМОН, СОБР), но даже органов МВД России, а на общевойсковые соединения и воинские части возлагались несвойственные им режим-

ные, охранные, военно-административные и иные задачи;

вторая — вопросы организационного характера, обусловленные недостатком опыта организации взаимодействия, отработки механизма переподчинения на всех уровнях, организации всестороннего обеспечения при выполнении задач, при переходе в оперативное подчинение (приеме в оперативное подчинение различных сил и средств).

Причем речь идет о двух уровнях — взаимодействии воинских частей и подразделений, составляющих собственно боевую систему формирований войск национальной гвардии, и взаимодействии разнородных сил и средств при выполнении совместных задач;

третья — вопросы технического характера, наиболее существенным из которых является отсутствие унифицированной системы связи и единой системы управления. По-прежнему остаются сложными вопросы их стыковки в некоторых звеньях управления, а также отсутствие штатных и резервных средств для организации сетей (направлений) связи взаимодействия.

Таким образом, взаимодействие должно создать из всех участвующих в выполнении задачи сил и средств такую функциональную систему, которая способна достичь желаемого результата с минимальными затратами (потерями) ресурсов. Объединение сил и средств в единое целое, в единую систему позволяет каждому элементу выполнять свою важную функцию в интересах одной задачи. Именно в системном характере кроется сущность взаимодействия, так как система порождает новые качества в целом, не присущие ни одному из отдельно взятых элементов этой системы.

В этой связи очевидной становится необходимость ясного понимания предназначения, функций и возможностей всех разнородных формирований, выполняющих совместные задачи. Именно с этими категориями связаны место, роль различных элементов в выполнении общих задач, их вклад в достижение общей цели.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. // Гарант. Информационно-правовой портал. – URL: <https://www.base.garant.ru/401325792> (дата обращения: 16.11.2024).
2. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) // Гарант. Информационно-правовой портал. – URL: <http://www.base.garant.ru/70730556.htm> (дата обращения 16.11.2024).
3. «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Гарант. Информационно-правовой портал – URL: <https://base.garant.ru/71433920> (дата обращения 16.11.2024).
4. Военный энциклопедический словарь. – М.: Эксмо, 2007.
5. Вентцель Е.С. Исследование операций: задачи, принципы, методология. – М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1980.
6. Взаимодействие соединений и частей сухопутных, внутренних и пограничных войск в вооруженном конфликте. Военно-теоретический труд. – М.: ОВА, 1999.
7. Воробьев И.Н., Киселев В.А. Эволюция принципов военного искусства // Военно-теоретический журнал «Военная мысль» № 8. – М.: «Военная мысль», 2008.
8. Бартош А.А. Взаимодействие в гибридной войне. // Военно-теоретический журнал «Военная мысль» № 4. – М.: «Военная мысль», 2022. С. 6–23.

A.V. VDOVIN,
K.K. KOSTIN

A.B. ВДОВИН,
K.K. КОСТИН

СИСТЕМА РУБЕЖЕЙ И УКРЕПЛЕННЫХ РАЙОНОВ – РЕТРОСПЕКТИВА, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

THE SYSTEM OF BORDERS AND FORTIFIED AREAS – A RETROSPECTIVE, MODERNITY AND PROSPECTS

В статье на основе отечественного и зарубежного опыта военных конфликтов XX – начала XXI веков рассмотрены исторические аспекты применения в вооруженном противоборстве систем оборонительных рубежей и укрепленных районов, отражены тенденции (предложены отдельные аспекты) их развития и практической реализации на перспективу.

Based on the domestic and foreign experience of military conflicts of the twentieth and early 21st centuries, the article examines the historical aspects of the use of defensive lines and fortified areas in armed confrontation, reflects trends (some aspects are proposed) of their development and practical implementation in the future.

Ключевые слова: вооруженное противоборство, система, укрепленные районы, оборонительные рубежи.

Keywords: armed confrontation, the system, fortified areas, defensive lines.

Военное искусство как составная часть военного дела выступает неотъемлемым атрибутом развития цивилизации. Непрерывающаяся трансформация форм и способов ведения вооруженного противоборства, а также порядка применения в нем сил и средств обуславливает соответствующие им особенности создания устойчивой обороны ограниченными силами и средствами в короткие сроки на угрожаемых направлениях с опорой на оборонительные рубежи и укрепленные районы. В просторечье их часто называют «оборонительными линиями», однако сущность вопроса это не меняет.

Продолжающееся совершенствование и развитие военной теории и практики создания и применения оборонительных линий для отражения агрессии несет на себе отпечаток эпох. Именно поэтому анализ опыта применения оперативных систем долговременных укреплений и фортификационных сооружений на театрах военных действий востребован и сегодня, а также имеет прогнозируемые перспективы. Его ретроспектива представлена в таблице 1.

Первыми примерами их возведения являются Срединная стена (Вавилон, до 400 г. до н.э.);

Периодизация применения систем рубежей и укрепленных районов

Период	Основа системы укреплений и сооружений на ТВД	Назначение системы укреплений и сооружений на ТВД
Ранние века	Оборонительная стена	Раннее оповещение о вторжении и оборона от набеговых действий кочевых племен, генеральное сражение с которыми невозможно
XVI – начало XIX века	Линия взаимодействующих, поддерживающих одна другую разнесенных (до 20–30 верст) крепостей (сооружений). (в России – укрепленные пограничные, сторожевые, оборонительные, кордонные, береговые линии и засечные черты (укрепленные пограничные города с полевыми укреплениями между ними в увязке с естественными преградами))	Защита границ государств. Сохранение приграничных территорий. Пограничный, таможенный и миграционный контроль. Прикрытие экономически важных районов и торговых путей
Гражданская война и военная интервенция в России 1917–1922 гг.	Замкнутые круговые и линейные (с открытым тылом) укрепленные районы полевого типа для армии прикрытия. Основа УР – дуговые позиции (опорные пункты) до 25 км по фронту, расположенные в 25–35 км друг от друга. В промежутках – линейные позиции полевых войск. В глубине 100–200 км – второй оборонительный рубеж	Прикрытие главных направлений, в т.ч. районов мобилизации. Защита важных политических и экономических центров страны. Обеспечение развертывания войск в преддверии наступления.
1930–1940 гг.	Заблаговременно создаваемые укрепленные районы капитального типа (до 40–60 х 20 км), состоящие из полосы передовых позиций, одной-двух оборонительных и тыловой полос, а также отсечных позиций между ними. Основа УР – долговременные укрепления (узлы сопротивления), опорные пункты круговой обороны, фланкирующие огневые сооружения и убежища полевых войск, противотанковые эскарпы	Удержание важных экономических, политических и стратегических пунктов или районов. Обеспечение пространства для развертывания войск. Прикрытие флангов воинских формирований, наносящих удар на главном направлении, обеспечение им свободы маневра
1940–1950-е гг.	Заблаговременно создаваемые укрепленные районы, передовая зона заграждений (25–50 км), тактическая (до 30 км) и оперативная (20–30 км) зоны обороны (оборудованные рубежи, районы и позиции), тыловая зона оборонительных действий (до 50 км)	Отражение наступления превосходящих сил противника. Обеспечение организованного развертывания и вступления в сражение основных войск (сил) на угрожаемом направлении
1960–1970-е гг.	Стационарные линейно расположенные эшелонированные форты-заставы из опорных пунктов емкостью на взвод-роту с передовой полосой инженерных заграждений и технических средств охраны, а также тыловыми базами высокомобильных резервных формирований	Защита территорий (охрана, оборона и прикрытие). Обеспечение (выигрыш времени) развертывания резервных формирований.
2-я половина XX века – по н/вр.	Эшелонированные УР в урбанизированных анклавах, прикрытые комплексными заграждениями и дальними огневыми ударами, в т.ч. беспилотных средств поражения	Снижение темпов наступления противника. Выигрыш времени для отмотивирования и развертывания новых формирований

Великая Китайская стена (Китай, 475–221 гг. до н.э.); Стена Адриана (Англия, 122–128 гг.) и др.

В последующем функции защиты границ государств и сохранения приграничных территорий стали возлагаться на линии крепостей с сильными гарнизонами и значительными материальными запасами, ограничивающими возможности противника по нанесению глубоких ударов вследствие растягивания коммуникаций снабжения, открытости флангов и тыла.

Практически вплоть до XIX века основными функциями оборонительных линий являлись:

- пограничный, таможенный и миграционный контроль;
- прикрытие экономически важных районов и торговых путей;
- раннее оповещение о вторжении и оборона от набеговых действий кочевых племен, генеральное сражение.

В качестве основных примеров их функционирования следует отметить Линии обороны Сасанидов, Великую стену Горган, Дербентские стены (Закавказский регион, 309–379 гг.); Дамбу Оффы (Уэльс, начало V в.); Бледность (Ирландия, конец XII в.); Змеиную стену (Среднее Поднепровье, XII в.); Линии обороны Нидерландов (1629 г.); Западнорусские крепости (Россия, 1830 г.); Линии Виктории (Мальта, 1875 г.) и др.

Первая мировая война показала несостоятельность продолжения стратегии с использованием крупных крепостей. С переходом к массовым армиям отдельные, изолированные крепости (Верден, Перемышль, Осовец и др.) как основа системы долговременных укреплений на театре военных действий показали свою несостоятельность. В условиях широкого пространственного размаха сплошных позиционный фронтов с активным использованием подземного пространства для размещения войск, передвижения подразделений в ходе боя, ведения боевых действий, подземных минных и контрминных атак крепости стали выполнять лишь тактическую роль в отражении наступления противника.

В годы Гражданской войны и военной интервенции в России 1917–1922 гг. новые контуры развития пограничных укреплений стали представляться замкнутыми круговыми и линейными (с открытым тылом) укрепленными районами (УР) полевого типа в виде узлов со-

противления долговременных укрепленных позиций, находящихся во взаимодействии и образующих общую группу (десятки километров бревенчато-деревянных и каменно-земляных сооружений, различных заграждений, управляемых и неуправляемых минных полей), а также формирований (воинских частей), составляющих гарнизоны войск для выполнения оборонительных задач. Фортификационная подготовка приграничной территории стала включать стратегическое предполье, заблаговременно оборудуемое опорными постами частей пограничной охраны и фортами-заставами полевых войск для обеспечения оборонительных действий по прикрытию развертывания основных сил; рубеж укрепленных районов, прикрывающий сосредоточение и развертывание вооруженных сил и состоящий из заблаговременно созданных позиций на важнейших операционных направлениях; тыловой рубеж укрепленных районов на случай прорыва основного рубежа; отсечные позиции между основным и тыловым рубежами, а также подготовленные базы фронта в глубине, представляемые совокупностью хранилищ материальных средств и устройств, обеспечивающих нужды войск [1].

В отличие от устоявшейся формы укреплений — крепости, позиции круговой, прикрытой от атак со всех сторон, укрепрайон являл собой глубокую фронтальную позицию (до 30 км при наличии полосы обеспечения) с защищенными флангами и открытым тылом емкостью, как правило, на батальон (батальонный район обороны). Основу его инженерного оборудования составляли долговременные узлы сопротивления, состоящие из групповых защищенных огневых точек, прикрытых заграждениями и промежуточными сооружениями полевого типа, занятыми войсками. Укрепленные районы полевого типа помогали войскам успешно противостоять наступающему противнику, а также служили им плацдармами для перехода в наступление.

СПРАВКА:

В начале 1930-х годов считалось, что протяженность укрепленного района по фронту будет зависеть от его назначения и условий местности. Его протяженность не должна была превышать 40–60 км, а глубина находится в пределах 20 км и состоять из полосы передовых позиций, одной-двух оборонительных и тыловых полос.

Полоса передовых позиций располагалась в 2–4 км впереди первой оборонительной полосы и оборудовалась долговременными точками, образующими сплошной фронт автоматического огня. При этом на главных направлениях создавались опорные пункты, способные к самостоятельной обороне.

Первая оборонительная полоса состояла из долговременных узлов сопротивления, расположенных на расстоянии порядка 3 км друг от друга. Между узлами еще в мирное время оборудовались промежуточные опорные пункты, а так же фланкирующие огневые сооружения и убежища для полевых войск.

Вторая полоса располагалась в 8–10 километров от первой и оборудовалась так же, как и предыдущая, но с меньшим количеством долговременных сооружений. Между первой и второй полосами устраивались отсечные позиции. В их тылу и межпозиционном пространстве располагались артиллерийские батареи и хранилища боеприпасов.

Тыловые полосы, оборудованные преимущественно сооружениями полевого типа, прикрывали важнейшие пути, узлы дорог и расположенные вблизи них разгрузочные станции, артиллерийские, инженерные, продовольственные и другие склады, мастерские, госпитали, аэродромы или посадочные площадки, силовые станции и прочие тыловые учреждения и сооружения.

По возможности тыловой район укрепрайона связывался железными и шоссейными дорогами для подвоза всех необходимых средств. В нем предусматривалось создание сети радиальных и рокадных шоссе, узкоколейных железных дорог и системы связи.

В мирное время укрепленный район имел постоянный гарнизон, состоявший из нескольких пулеметных батальонов, артиллерийских, саперных, электротехнических, химических и прочих специальных подразделений [1].

В качестве нового функционала оборонительных линий с УР стали декларироваться снижение темпов продвижения противника и выигрыш времени для подготовки обороны, создание стратегической глубины обороны государств, отдельных политически и экономически важных районов и регионов, а также прикрытие районов отмотилизования и оперативного развертывания группировок войск. Получило развитие и инженерно-техническое обеспечение их функционирования.

Новыми оборонительными линиями стали Линия Гинденбурга (Франция, 1916 г.), Линия Мажино (Франция, 1929 г.), Линия Шустера (Люксембург, 1940 г.), Линия Метаксаса (Греция, 1936–1941 гг.), Линия Зигфрида (Германия, 1936–1940 гг.), Линия Маннергейма (Финлян-

дия, 1939–1940 гг.) и ряд других, получивших оперативное значение и региональную важность. Их основу составили укрепленные линии по госгранице, состоящие из нескольких оборонительных полос (позиций обороны) с бетонными казематами и блокаузами (бетонными укреплениями) с артиллерийскими башнями, бронепоездами, бетонными колпаками, подземными галереями и инженерными заграждениями, рассредоточенных по фронту на сотни километров и десятки в глубину.

Укрепленный район стал представлять собой полосу местности, оборудованную системой заблаговременно подготовленных долговременных (или полевых) огневых и других сложных железобетонных и бронированных фортификационных сооружений в сочетании с различными инженерными заграждениями, создаваемую для длительной и упорной обороны даже в условиях полного окружения противником.

Последующий опыт применения укрепленных районов в годы Второй мировой войны оказался достаточно противоречив. Существовавшие к ее началу военные теории не учитывали самой возможности «стратегии блицкрига» — молниеносного наступления, поэтому укрепрайоны приграничья предусматривалось использовать в комплексе со временной фортификацией кадровых войск прикрытия в промежутках между ними и естественными препятствиями на флангах. Укомплектование же УР в глубине обороны вменялось воинским формированиям, отмотилизованным в период от объявления войны до начала боевых действий. Именно поэтому удержание оборонительных позиций, районов и рубежей, построенных на УР, войсками прикрытия носило временный характер и не предполагало полную остановку противника и победу над ним.

СПРАВКА:

Укрепрайон, как правило, состоял из долговременных укрепленных позиций — окопов, траншей, блиндажей, ходов сообщения, бронеколпаков, ДОТов, ДЗОТов, ЖБОТов, казематов, капониров, бастионов, фортот, пунктов наблюдения и командного бункера. Кроме того, устраивались заграждения (управляемые и неуправляемые минные поля, проволочные заграждения, надолбы, эскарпы, контрэскарпы, противотанковые рвы, противотанковые ежи) и войска прикрытия.

Многие УРы имели полноценную полосу обеспечения перед главным рубежом обороны на путях вероятных ударов противника.

В то же время практика Второй мировой войны опровергла многие из существовавших теорий. Укрепленные районы или обходились, как это было с «Линией Мажино» во Франции, или отступающие войска не успевали организованно их занять и своевременно подготовить оборону, как это было в начальном периоде Великой Отечественной войны с комплексом укрепленных районов РККА (так называемой «Линии Сталина»). В результате возникали противоречия между потребностями войск в ведении устойчивой и активной обороны, способной противостоять мощным ударам механизированных формирований противника при поддержке авиации, и возможностями их реализации. В большинстве случаев УРы не оправдали вложенные в них ресурсы и, как это было с «Линией Мажино», создали иллюзию устойчивости обороны (предпосылку к опасному заблуждению) в оперативных планах командования.

СПРАВКА:

При претворении в жизнь теоретических требований отразить наступление 100–150 танков на один километр фронта можно было только при определенных условиях, создающих предпосылки для благоприятного исхода первых оборонительных операций и боев:

во-первых, это твердое и устойчивое управление во всех звеньях без исключения;

во-вторых, высокий профессионализм командиров и качественная подготовка всех специалистов, особенно автобронетанковых войск и авиации;

в-третьих, высокая боеготовность и боеспособность войск прикрытия государственной границы.

Однако достигнуть их в то время было очень трудно, если не невозможно. Европейские страны все вместе не смогли отразить агрессию Германии. К сожалению, советскому руководству также не удалось создать все эти условия.

Своеобразным исключением в этой практике стала финская «Линия Маннергейма», представляющая собой глубокоэшелонированную зону долговременных оборонительных сооружений и состоящую из полосы обеспечения, главной и тыловой оборонительных полос общей протяженностью 135 км. Ее структура, опирающаяся на долговременные железобетонные и гранитные сооружения, противотанковые препят-

ствия и проволочные заграждения, прикрытые полевыми сооружениями, расположенными с учетом географических особенностей региона (лесистая и озерно-болотистая местности, каменистые грунты), способствовала реализации некой срединной концепции, объединяющей идеи позиционной и маневренной обороны. Ее целью было скорее сдерживание, чем отражение вторжения. В результате с началом Зимней войны «Линия Маннергейма», занятая заблаговременно отмобилизованными войсками прикрытия, задержала наступление советских войск почти на два месяца.

Несмотря на достаточно скромную стратегическую эффективность укрепленных районов в годы Второй мировой войны, развитие теории и практики их применения в указанный период позволяют сделать ряд выводов:

во-первых, значительный пространственный размах противоборства и уровень развития вооружений исключают эффективное применение стратегических УР (крепостей). Доступность большей части территорий для действий на боевой технике обуславливает целесообразность применения оперативно-тактических УР;

СПРАВКА:

Стратегические УР, например, Брестский, были самодостаточными и выполняли боевые задачи своими силами и средствами изолированно от других войск. Оперативно-тактические УР были способны выполнять боевые задачи только в тесном взаимодействии с общевойсковыми формированиями, с выполнением которых личный состав и вооружение эвакуировались.

во-вторых, наибольшая эффективность применения УР достигается в тактической зоне обороны, поэтому укрепленный район должен содержать систему отдельных опорных пунктов (долговременных фортификационных сооружений), разнесенных по фронту и в глубину при тесной огневой связи обороняющих их подразделений, обеспечивающих автономность и активность обороны каждого из них;

в-третьих, содержание и функционирование укрепленных районов целесообразно ориентировать на снижение темпов наступления противника в контексте лишь составной части, но не основы замысла операции, с опорой на естественные препятствия и своевременное занятие специально подготовленными войсками.

в-четвертых, делая ставку на быстрый прорыв обороны противника и стремительное развитие наступления в глубину, целесообразен обход укрепрайонов через имеющиеся между ними промежутки либо локальный прорыв на отдельных наиболее слабых участках с последующим блокированием и уничтожением их гарнизонов и узлов сопротивления резервными формированиями.

Вместе с тем опыт войны показал и слабые стороны УР, в частности, такие как ограниченные возможности перераспределения сил и средств по фронту и в глубину адаптивно изменениям боевой обстановки, восстановления разрушенных в ходе боев сооружений и, соответственно, закрытия брешей в обороне, дальнего огневого поражения противника штатным вооружением. Уязвимыми местами являются также непростреливаемые пространства (закрытые сектора обстрела) и низкая защищенность от ударов с воздуха, а также ограниченные возможности по восполнению запасов материальных средств.

Тем не менее, функции укрепленных районов неожиданно оказались востребованными в ходе войны США во Вьетнаме (1965–1974 гг.), правда, уже на новом технологическом уровне. Примером тому служит так называемая «Линия Макнамары».

Это была уже не просто оборонительная линия, насыщенная фортификационными сооружениями, а целая оперативная концепция, применявшаяся ВС США в 1966–1968 годах во Вьетнаме и лоббируемая лично министром обороны США Робертом Макнамарой. Причиной ее создания стала нарастающая динамика боевых действий партизанских формирований в Южном Вьетнаме при существенном падении эффективности ударов ВВС США. Целью ее создания стало предотвращение проникновения в Южный Вьетнам сил Вьетнамской народной армии из Северного Вьетнама и Лаоса.

Физически «Линия Макнамары» проходила через Южный Вьетнам вдоль вьетнамской демилитаризованной зоны до Пхина (Лаос). Восточная ее часть включала в себя укрепленные участки, основу которых составили база морской пехоты США Кхе-Сан, высокотехнологичные акустические и тепловые датчики, установленные на вероятных путях движения и

маневра повстанцев, электронное наблюдение и взрывные инженерные заграждения. Названная Р. Макнамарой «системой барьеров», она, наряду с бомбардировками, стала одним из ключевых элементов его военной стратегии во Вьетнаме.

Тем не менее «Линия Макнамары» не достигла поставленных целей и даже не была достроена. Однако она послужила примером возвращения в практику современных военных действий уже достаточно архаичной формы применения военной силы — укрепленных районов. Вполне вероятно, что по завершении военного конфликта на Украине опыт постройки и применения «Линии Макнамары» может оказаться вновь востребованным.

Другим поучительным примером, вызывающим ассоциации с наступлением ХАМАС 7 октября 2023 года, является применение израильтянами оборонительной линии (укрепленного района) «Бар-Лев», представляющей собой цепь укреплений, построенных Израилем вдоль восточного берега Суэцкого канала после арабо-израильской войны 1967 года, в ходе которой Египет потерял весь Синайский полуостров. Израильское военное руководство считало ее неприступной, пока она не была захвачена менее чем за два часа во время египетской операции «Бадр», положившей начало арабо-израильской войне 1973 года.

Оборонительная линия протяженностью порядка 150 км представляла собой массивную сплошную песчаную стену высотой порядка 20–25 м с бетонным основанием, выстилающую Суэцкий канал. Сразу за ней проходила передовая линия израильских укреплений, насчитывающая 22 форта емкостью на взвод, содержащих 35 опорных пунктов в несколько этажей в песке на удалении до 5 км (на НГУ — менее 900 м) друг от друга, траншеи, минные поля, колючую проволоку, песчаные насыпи и убежища. На удалении 5–8 км за ней были оборудованы 11 опорных пунктов емкостью на роту каждый, далее в 30 км от канала — районы сосредоточения оперативных мобильных резервов и баз материально-технического обеспечения. Кроме того, подводная система трубопроводов перекачки легковоспламеняющейся сырой нефти в Суэцкий канал предусматривала создание огневой завесы. Израильское командование считало, что египтянам потребуется не менее 24 ч, возможно,

полных 48 ч для разрушения песчаной стены и устройства мостов через канал. Это время обеспечивало развертывание израильских резервов для контратаки.

Прорыв линии «Бар-Лев» египетской армией благодаря элементу внезапности и подавляющей огневой мощи занял менее двух часов. Для преодоления массивных земляных валов были использованы водометы из шлангов к дноуглубительным насосам в канале. Водяные пушки, подавая мощные струи воды, создали 81 брешь в линии обороны, удалив с нее в первый же день войны три миллиона кубометров слежавшейся грязи. Огневая подготовка, проведенная 250-тью самолетами египетских ВВС и огнем 2 000 артиллерийских орудий в течение 53-х минут, способствовала преодолению песчаного барьера инженерным корпусом Египта [1].

В результате ставка на оборонительную линию «Бар-Лев», оказавшуюся слишком малочисленной, чтобы быть достаточно эффективной, и избыточно укомплектованной, чтобы стать расходоуемой, явилась грубой ошибкой. Более того, опора на стационарные средства обороны вступила в противоречие с сильными сторонами израильской армии, опирающейся на мобильные бронетанковые формирования.

В современных условиях поучительный опыт преодоления оборонительных линий (укрепленных районов) получается в ходе специальной военной операции на Украине, возведшей в течение восьми лет до ее начала (с 2014 по 2022 гг.) серьезные фортификационные сооружения и укрепления на линии соприкосновения с Донецкой и Луганской Народными Республиками. Долговременные огневые точки и укрытия, здания и сооружения с подземными коммуникациями, подготовленные к круговой обороне и соединенные подземными галереями, траншеями и ходами сообщения (тоннелями), объединенные в единую систему огневого поражения, инженерного обеспечения и маскировки, а также централизованного управления, на протяжении уже более двух лет обеспечивают ВСУ высокую оперативную устойчивость обороны [2].

Не менее поучительный опыт представляют подготовка и ведение позиционной обороны российских войск в Запорожской области, а также возведение и применение в Донецкой и Луганской Народных Республиках так называемой

«линии Вагнера (Пригожина)» с укрепленными районами обороны. Кроме оборонительных сооружений в ней проведена установка бетонных противотанковых тетраэдров. Примерно в это же время началось строительство фортификационных сооружений и на левом берегу Днепра в Херсонской области, включающих несколько рубежей обороны из окопов и вкопанных позиций боевых машин, укрепленных минными заграждениями и естественными водными преградами. В районах, затрудняющих фортификационное оборудование, использованы сборные бетонные сооружения, подготовленные к круговой обороне. Указанные оборонительные позиции, районы и рубежи получили название «Линия Суровикина» [3]. Их примеру последовали власти Белгородской и Курской областей, приступивших к строительству «засечных линий» с системой инженерных заграждений, прикрываемых ополченцами и народными дружинами.

По информации зарубежных изданий, российская оборона состоит из трёх линий. Первая из них с находящимися на ней боевыми позициями пехоты с окопами в виде «лисчих нор» расположена вдоль линии соприкосновения. Следом идут несколько полос заграждений, состоящих из противотанковых рвов глубиной четыре и шириной порядка шести метров, рядов колючей проволоки и «зубов дракона». Каждая из них имеет ширину от 700 метров до километра и в совокупности создает полностью простреливаемую глубину обороны до 5 км. Далее расположена вторая линия обороны, состоящая из типовых траншей и множества бетонных огневых точек. За ней следует третья с расположенными помимо боевых позиций укрытиями для размещения резервов и военной техники. При этом необходимо отметить нестандартный — «рокадно-линейный» — принцип строительства оборонительных сооружений, рассчитанный на максимальную мобильность войск вдоль линии боевого соприкосновения и из глубины к фронту. Он предусматривает равномерное распределение войск (сил и средств) и их рассредоточенную переброску по укрытым рокадным и фронтальным путям на угрожаемые участки обороны при резких изменениях обстановки [4].

В данном контексте можно обоснованно говорить о «новом слове» в военном искусстве, а также очередном объективном шаге к сете-

вым структурам боевых порядков. Безусловно, маневр войсками в обороне предусматривался и раньше, однако, как правило, совершался из районов (позиций) и в плотных строях, в то время как в настоящее время и на перспективу обусловлен переход к рассредоточенному размещению и перемещению (действиям) минимальных организационных войсковых структур. Реализуемый подход имеет сетевую природу и обуславливает соответствующую подготовку органов управления и войск.

Становится очевидным, что применение обороняющимися укрепленных районов на урбанизированной территории становится приоритетным в прогнозируемых военных конфликтах и общественном противостоянии, накладывающим определенные ограничения на наступающих в применении средств поражения и военной силы. В то же время развитие и массовое применение высокоточных средств поражения, в первую очередь БпЛА и РТК, ограничивает возможности обороняющихся по оборудованию сплошных позиций на подразделения с плотным расположением сил и средств. Вследствие этого им приходится удерживать основные (ключевые) районы и объекты, перехватывающие вероятные направления наступления противника и обеспечивающие условия для нанесения по ним эффективных огневых ударов. В результате обороняющиеся приобретают функционал, возлагаемый на укрепрайоны.

Полоса обеспечения при этом превращается в сложную подсистему протяженных полевых и капитальных противотанковых фортификационных сооружений с комбинированными заграждениями и средствами отображения обстановки (обеспечения ситуационной осведомленности) для временного сдерживания и поражения мобильных формирований противника до занятия войсками прикрытия основных позиций и выдвижения резервов.

Кроме того, вариативность действий противника обуславливает потребность в создании мобильных укрепленных районов на основе интегрированных организационных общевойсковых структур, функционально объединяющих силы и средства разведки, управления, поражения, защиты, обеспечения и мобильности, обеспечивающих эффективность их применения — комплексного выявления уязвимостей и фор-

мирования окон возможностей результативного воздействия на противника [5]. Их прообразами в современных условиях являются разведывательно-ударные и разведывательно-огневые комплексы, а ранее — тактические группы.

При этом меняется концепция применения ВВСТ. Получив полноценное прикрытие и системообразующий комплекс вооружений (став сложным элементом системы), они принимают на себя основную часть огневых и других задач, в то время как «пехота» начинает работать на технику, защищая и снабжая ее целеуказанием. Тем самым ВВСТ, в т.ч. робототехнические комплексы, становятся основным элементом в системе поражения противника.

Кроме того, уже в мирное время целесообразно оснащение мобильных укрепрайонов табельными комплектами для возведения защитных сооружений на основе сборно-разборных сооружений из легких, но прочных композиционных материалов, снижающих бронепробиваемость, радиолокационную и тепловую контрастность объектов, т.е. вероятность их поражения, в первую очередь, самонаводящимися боеприпасами в верхнюю полусферу. Для обеспечения скрытности расположения подобных укрытий и находящихся в них вооружений и техники могут применяться маскировочные водо-воздушные пенные покрытия. При этом возможны различные варианты их хранения, например, складирование в угрожаемый период в вероятных районах боевого применения. В то же время должен предусматриваться и вариант перевозки сборных сооружений (конструкций) к местам предстоящих боевых действий различными видами транспорта.

В качестве основных задач, возлагаемых на мобильные укрепрайоны в различных видах боевых действий, предлагается рассматривать следующие:

в обороне — прочное удержание заблаговременно подготовленных в инженерном отношении районов, расчленяющих боевые порядки наступающих войск противника; прикрытие отхода подразделений в маневренной обороне и обеспечение их организованного перемещения и развертывания в заблаговременно оборудованных районах в глубине; прикрытие районов сосредоточения и развертывания резервов, предназначенных для нанесения контрудара

(проведения контратак); обеспечение открытых флангов, прикрытие промежутков между группировками войск; обеспечение боевой устойчивости ударных средств, а также защита важных объектов;

в наступлении — удержание важных участков местности на скрывающемся направлении; закрепление захваченных рубежей (районов) и отражение контрударов (контратак) противника; обеспечение открытых флангов наступающих войск и др.

Таким образом, заблаговременное создание систем рубежей и укрепленных районов на наиболее важных направлениях действий войск, в первую очередь при прикрытии участков государственной границы, в прогнозируемых военных конфликтах является по-прежнему актуальным. В качестве перспективных направлений их

совершенствования видится применение новых конструктивных материалов и технологий оснащения обстановки, а также создание мобильных укрепленных районов батальонного уровня на основе перспективных средств вооруженной борьбы (РТК, БпЛА и др.) и сборно-модульных средств защиты, прогнозируемым результатом внедрения которых видится повышение устойчивости и активности обороны на широком фронте за счет оперативного маневра силами и средствами на угрожаемые направления, а также их защищенности при развертывании в необорудованных районах. При этом необходимо осознание того, что формирование так называемого «позиционного тупика» не обеспечивает устойчивость обороны стороны конфликта, остающейся в своих научных изысканиях по данной проблеме.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Линии обороны [Электронный ресурс]. 2019. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Main_Page (дата обращения 29.08.2024).
2. Города-крепости Донбасса [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://neolurk.org/wiki/Донецк> (дата обращения 11.09.2024).
3. Линия Суровикина [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Main_Page (дата обращения 30.08.2024).
4. Как устроена «Линия Суровикина», которая помогла выполнить главную цель на СВО [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://news.rambler.ru/army/52017434/?utm>.
5. Дульнев П.А. Проблемы сбалансированности и перспективы развития системы вооружения Сухопутных войск // Вестник академии военных наук. — 2021. — № 2 (86). С. 56-71.

V.N. KOZICHEV,
A.A. ERMAKOV

В.Н. КОЗИЧЕВ,
А.А. ЕРМАКОВ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ОРГАНОВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE CURRENT STATE OF INFORMATION SUPPORT FOR THE ACTIVITIES OF THE ORGANIZATIONAL AND MOBILIZATION BODIES OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье представлены результаты анализа современного состояния информационного обеспечения деятельности организационно-мобилизационных органов Вооруженных Сил Российской Федерации, которые являются основой для оценки состояния информационного обеспечения и обоснования направлений повышения его качества.

The article presents the results of the analysis of the current state of information support for the activities of organizational and mobilization bodies of the Armed Forces of the Russian Federation, which are the basis for assessing the state of information support and substantiating directions for improving its quality.

Ключевые слова: информационное обеспечение, информационные ресурсы, информационные технологии, организационно-мобилизационные органы.

Keywords: information support, information resources, information technologies, organizational and mobilization bodies.

На сегодняшний день организационно-мобилизационные органы Вооруженных Сил Российской Федерации (ОМО) представляют собой специально созданные в органах военного управления (ОВУ) подразделения, предназначенные для разработки организационно-штатных структур войск (сил), штатов и табелей к ним (штатных расписаний) ОВУ, соединений, воинских частей и организаций и проведения организационно-штатных мероприятий, руководства мобилизационной подготовкой и выполнением мобилизационных мероприятий, комплектования войск (сил) личным составом, обеспечения вооружением, военной, специальной техникой и военно-техническим имуществом (ВВСТ и ВТИ) в мирное и военное время [1].

К ОМО относятся: Главное организационно-мобилизационное управление Генерального штаба ВС РФ, организационно-мобилизационные управления штабов военных округов,

организационно-мобилизационные отделы главных штабов видов и штабов родов войск, отделы мобилизационные и комплектования штабов объединений, отделения комплектования штабов соединений, должностные лица штабов воинских частей, отвечающие за мобилизационные вопросы, военные комиссариаты и сборные пункты субъектов РФ, военные комиссариаты муниципальных образований [2].

Качество решения ОМО задач во многом зависит от правильной организации информационного обеспечения их деятельности.

Анализ нормативных правовых актов Минобороны России, научно-технической документации и военно-научных трудов в части информационного обеспечения показал, что в ВС РФ отсутствует единый подход к определению понятия «информационное обеспечение», которое в разных источниках трактуется с различных точек зрения, не в полной мере

проработан научно-методический аппарат, позволяющий объективно оценить состояние информационного обеспечения и обосновать направления его дальнейшего развития, недостаточно внимания уделяется моделированию информационного обеспечения процессов деятельности органов военного управления, в том числе и ОМО.

Под информационным обеспечением деятельности ОМО будем понимать совокупность мероприятий, средств и технологий, направленных на обеспечение должностных лиц информационными ресурсами, необходимыми для принятия и реализации управленческих решений в интересах успешного выполнения поставленных задач [2].

Структура системы информационного обеспечения деятельности ОМО представлена на рис. 1.

Система информационного обеспечения структурно включает в себя четыре основных блока: теоретико-методологические основы информационного обеспечения, подсистемы информационного обеспечения, информационное пространство, результат функционирования системы информационного обеспечения.

Теоретико-методологические основы информационного обеспечения составляют: цель, задачи, функции, принципы, научные подходы и методы, а также технологии информационного обеспечения.

Цель информационного обеспечения состоит в своевременном предоставлении объективной, достоверной, исчерпывающей и актуальной информации, необходимой должностным лицам для принятия и реализации управленческих решений в интересах успешного выполнения задач организационного строительства, комплектования личным составом, мобилизационного развертывания и обеспечения ВС РФ ВВСТ и ВТИ [2].

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующую совокупность задач:

- определение информационных потребностей деятельности;
- создание информационного пространства деятельности;
- определение и отбор источников (первоисточников) информации;
- систематизация процесса формирования,

сбора, обобщения, анализа, хранения и передачи информации;

- распределение информации между структурными подразделениями и отдельными должностными лицами по видам (направлениям) деятельности;

- организация информационного обмена между ОМО и другими органами военного управления;

- оптимизация информационных потоков (документооборота).

Предлагаемая структура предполагает выполнение следующих функций информационного обеспечения деятельности ОМО:

- создание, сбор, обобщение и регистрация необходимой информации о внешней и внутренней среде;

- хранение и обеспечение сохранности поступившей информации;

- обработка информации, структурирование данных;

- обновление информации и поддержание ее в актуальном состоянии;

- подготовка информации к использованию в соответствии с требованиями пользователя;

- обеспечение информационной безопасности в ходе деятельности.

Наиболее популярными подходами к информационному обеспечению являются системный и процессный подходы. Системный подход состоит в том, что информационное обеспечение рассматривается как система, состоящая из совокупности элементов. Процессный подход рассматривает информационное обеспечение как совокупность взаимосвязанных действий. При построении модели информационного обеспечения необходимо вместе с системным и процессным подходами использовать интеграционный и компьютерный. Интеграционный подход направлен на исследование и усиление взаимосвязей между отдельными подсистемами и элементами системы информационного обеспечения. Компьютерный подход предполагает автоматизацию выполнения функций учета и контроля за использованием ресурсов в ходе процесса деятельности с помощью информационных технологий.

Среди технологий, применяемых для решения задач и выполнения функций информационного обеспечения деятельности ОМО, можно

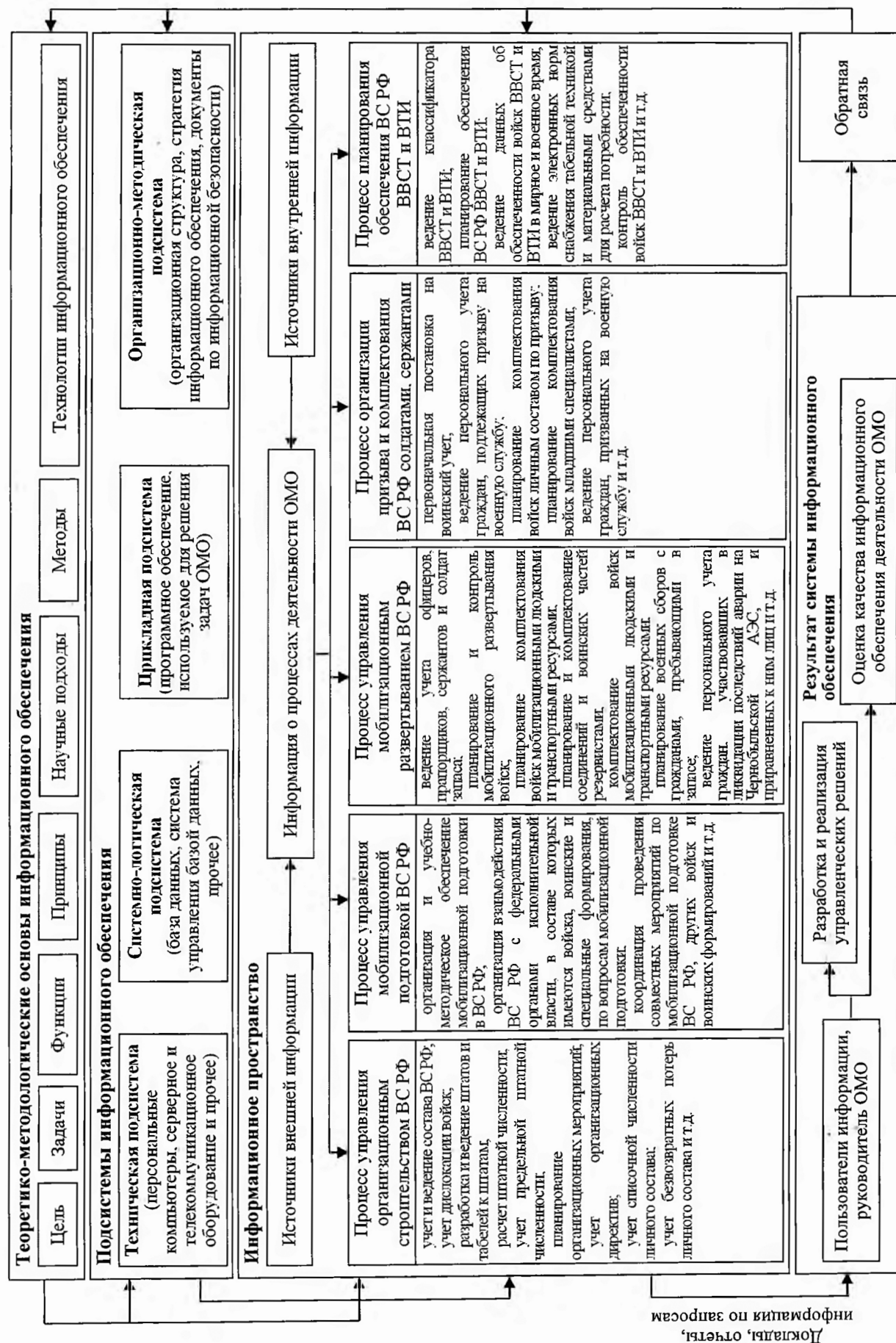

Рис. 1. Структура системы информационного обеспечения деятельности ОМО

выделить информационные технологии и технологии принятия и реализации управленческих решений.

В настоящее время наиболее распространены информационными технологиями являются:

- технологии организации вычислений, предназначенных для обработки больших объемов данных (Big Data, «большие данные», технологии «больших данных»);

- технологии искусственного интеллекта;
- технология анализа данных (Business Logic);
- технология распределенных вычислений и децентрализованного хранения информации (Blockchain);

- технологии «облачных» (Cloud Computing) и «туманных» вычислений.

В рамках системы информационного обеспечения деятельности ОМО можно выделить следующие подсистемы:

- техническую подсистему, представляющую собой совокупность технических средств, с помощью которых осуществляется сбор, обработка, хранение информации: персональные компьютеры, периферийное оборудование (принтеры, сканеры, ксероксы и т.д.) серверное и телекоммуникационное оборудование, каналы передачи данных и прочее;

- системно-логическую подсистему — совокупность источников информации (внутренних и внешних), источников мест хранения информации (база данных, база моделей), системы управления базами данных, системы управления интерфейсом и прочее;

- прикладную подсистему, представляющую собой совокупность программного обеспечения, которое используется для решения задач должностными лицами организационно-мобилизационных органов. К прикладной подсистеме также можно отнести такие программные приложения, как MS Office, Консультант Плюс, Гарант и другие;

- организационно-методическую подсистему — совокупность нормативных правовых актов и организационных документов, регулирующих функционирование системы информационного обеспечения (организационная структура ОМО, стратегия развития системы информационного обеспечения, документы по информационной безопасности).

Совокупность технической, системно-логической, прикладной и организационно-методической подсистем является основой функционирования системы информационного обеспечения деятельности ОМО и обработки информационных потоков.

Следующим важным элементом системы является информационное пространство — это необходимая и достаточная, взаимосвязанная и взаимообусловленная, качественно определенная совокупность информационных ресурсов, направленная на удовлетворение информационных потребностей деятельности ОМО. Информационное пространство характеризуется результатом сбора и обработки данных из внешних и внутренних источников о состоянии и ходе реализации процессов деятельности.

Источниками внешней информации для ОМО являются: аппарат Президента РФ, Правительство РФ, Федеральное Собрание РФ (Совет Федерации и Государственная Дума), федеральные органы исполнительной власти (ФОИВ), Военно-промышленную комиссию РФ, центральные органы военного управления, главные командования видов и командования родов войск, высшие военные учебные заведения и научно-исследовательские организации Минобороны России, ДОСААФ, высшие учебные заведения и образовательные учреждения, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, организации, учреждения и предприятия.

К источникам внутренней информации для ОМО относятся структурные подразделения и должностные лица, а также нижестоящие ОМО.

Процессы функционирования ОМО являются сложными и требуют учета специфических особенностей их деятельности. К основным процессам деятельности ОМО относятся:

- процесс управления организационным строительством ВС РФ (учет и ведение состава ВС РФ, учет дислокации войск, разработка и ведение штатов и табелей к штатам, учет штатной и списочной численности, планирование организационных мероприятий, учет организационных директив, учет безвозвратных потерь личного состава и т.д.);

- процесс управления мобилизационной подготовкой ВС РФ (организация и учебно-

методическое обеспечение мобилизационной подготовки в ВС РФ, организация взаимодействия ВС РФ с ФООИВ, в составе которых имеются войска, воинские и специальные формирования, по вопросам мобилизационной подготовки, координация проведения совместных мероприятий по мобилизационной подготовке ВС РФ, других войск и воинских формирований и т.д.);

— процесс управления мобилизационным развертыванием ВС РФ (ведение учета офицеров, прапорщиков (мичманов), сержантов (старшин) и солдат (матросов) запаса, планирование и контроль мобилизационного развертывания войск, планирование и комплектование войск мобилизационными людскими и транспортными ресурсами, планирование и комплектование соединений и воинских частей резервистами, планирование военных сборов с гражданами, пребывающими в запасе, ведение персонального учета граждан, участвовавших в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, и приравненных к ним лиц и т.д.);

— процесс организации призыва и комплектования ВС РФ солдатами и сержантами (первоначальная постановка на воинский учет, ведение персонального учета граждан, подлежащих призыву на военную службу, планирование комплектования войск личным составом по призыву, планирование комплектования войск младшими специалистами, ведение персонального учета граждан, призванных на военную службу и т.д.);

— процесс планирования обеспечения ВС РФ ВВСТ и ВТИ (ведение классификатора ВВСТ и ВТИ, планирование обеспечения ВС РФ ВВСТ и ВТИ, ведение данных об обеспеченности ВС РФ ВВСТ и ВТИ в мирное и военное время, ведение электронных норм снабжения табельной техникой и материальными средствами для расчета потребности, контроль обеспеченности войск ВВСТ и ВТИ и т.д.).

По итогам обработки сведений информационного пространства, согласно запросам должностных лиц (пользователей информации), формируются доклады, отчеты, справочно-аналитические материалы, которые поступают руководителю ОМО. Представленная информация является основой для принятия и реализации управленческих решений.

Важной составляющей системы информационного обеспечения деятельности ОМО является обратная связь, которая формируется по результатам оценки качества информационного обеспечения. Принцип обратной связи служит для формирования управляющих воздействий по улучшению функционирования системы информационного обеспечения. В результате оценки системы выявляются проблемные вопросы, требующие изменений и совершенствования технической, системно-логической, прикладной и организационно-методической подсистем или развития критериев и показателей процессов деятельности.

Рассматриваемая структура системы информационного обеспечения деятельности ОМО при сопоставлении с существующим набором связей и отношений характеризуется следующими отличительными особенностями:

— соединение четырех подходов к построению системы информационного обеспечения деятельности: системного, процессного, комплексного и компьютерного;

— в основу системы положен теоретико-методологический базис информационного обеспечения: научные подходы, принципы, функции и методы, цель и задачи информационного обеспечения;

— учитываются специфические особенности деятельности путем подробного описания информационного пространства, содержащего информацию о ее процессах;

— в рамках системы предполагается тесная взаимосвязь между теоретико-методологическими основами и подсистемами информационного обеспечения с информационным пространством деятельности;

— важная роль в системе отводится обратной связи, которая формируется по результатам оценки качества информационного обеспечения и направлена на внесение изменений и развитие подсистем информационного обеспечения, теоретико-методологических основ и информационного пространства.

Таким образом, рассмотренная структура системы информационного обеспечения деятельности ОМО определяет его составные части, формирует их внутренние и внешние взаимосвязи для обеспечения эффективной реализации цели, задач и функций по своевременному обе-

спечению должностных лиц актуальной и достоверной информацией, необходимой для принятия и реализации управленческих решений.

Представленные выводы из результатов проведенного в данной статье анализа могут быть

использованы при разработке научно-методического аппарата оценки состояния информационного обеспечения деятельности ОМО и обоснования направлений повышения его качества.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Словарь мобилизационных терминов и понятий. – М.: ГШ ВС РФ, 2015. – С. 28.
2. Ермаков А.А. Особенности информационного обеспечения деятельности организационно-мобилизационных органов Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // секция № 28 «Актуальные вопросы мобилизационной подготовки в современных условиях» XXXIV Международной научно-практической конференции «Предотвращение. Спасение. Помощь»: Сборник научных статей по результатам конференции. – Химки: АГЗ МЧС России, 2024. – С. 166–172.

A.P. KOLESNICHENKO,
A.V. KOTOV,
YU.G. SHATILO

А.П. КОЛЕСНИЧЕНКО,
А.В. КОТОВ,
Ю.Г. ШАТИЛО

**ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ ЗАЩИТЫ И ИНЖЕНЕРНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ,
ПЕРЕДВИГАЮЩИХСЯ СВОИМ ХОДОМ,
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**PROBLEMS INTEGRATED PROTECTION AND ENGINEERING
SUPPORT FOR MILITARY FORMATIONS MOVING ON THEIR OWN,
IN MODERN CONDITIONS**

В статье представлена тактика действий диверсионно-разведывательных групп, незаконных вооруженных формирований, обобщенный опыт борьбы с ними в Демократической Республике Афганистан и на Северном Кавказе. Предложен ряд мер по противодействию нападению на колонны войск. Сформированы предложения по комплексной защите и инженерному обеспечению войск в ходе передвижения воинских формирований в современных условиях ведения боевых действий.

The article presents tactics of actions of sabotage and reconnaissance groups, illegal armed groups, generalized experience of combating them in the Democratic Republic of Afghanistan and the North Caucasus. A number of measures to counteract attacks on convoys of troops are proposed. Proposals for comprehensive protection and engineering support of troops during the movement of military formations in modern combat conditions are formed.

Ключевые слова: комплексная защита воинского формирования в ходе его передвижения, опыт боевых действий в Демократической Республике Афганистан и на Северном Кавказе, инженерное обеспечение передвижения воинских формирований.

Keywords: complex protection of military formation during its movement, experience of combat operations in the Democratic Republic of Afghanistan and the North Caucasus, engineering support of military formations movement.

Внешние и внутренние вооруженные конфликты, военные операции последнего времени высветили в полной мере специфику, особенности организации и совершения марша, указали на недостаточность опыта и практики сопровождения колонн в условиях боевых действий. Изменились, усовершенствовались, стали более изощренными способы действий регулярных войск, диверсионно-разведывательных групп (ДРГ) и незаконных вооруженных формирований (НВФ). Передвигающиеся своим ходом воинские формирования активно подвергаются ударам высокоточного оружия и беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Противник применяет противотранспортные, противотанковые, противопехотные мины, ку-

мулятивные и сосредоточенные заряды, фугасы различного исполнения. При этом перечисленные средства устанавливаются в управляемом или неуправляемом вариантах. Особую опасность представляют собой современные мины, которые могут подрываться не только под днищем или гусеницами (колесами) боевой, специальной и транспортной техники, но и пробивать корпуса машин сверху, сбоку или сзади, воздействуя на экипаж, моторное отделение, топливные баки.

Уже сейчас применяются и найдут в ближайшем будущем более широкое применение датчики (сенсоры), устанавливаемые вдоль дорог и оповещающие противника о прохождении колонн или одиночных машин [1].

Необходимо иметь в виду, что в отличие от находящихся в районе сосредоточения единиц вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), техника войсковых колонн обладает большим количеством демаскирующих признаков, что в значительной мере влияет на живучесть передвигающихся пунктов управления и воинских формирований в целом [2,3]. Главным демаскирующим признаком является глубина колонны. Например, для мотострелковой дивизии (полка) она может составлять 240–300 (до 50) км. То есть, если мсд (мсп) осуществляет передвижение по двум маршрутам, то примерная длина каждой колонны будет составлять 120–150 (20–25) км. Совершенно очевидно, что при таких характеристиках осуществить скрытное передвижение в условиях применения противником современных средств разведки практически невозможно. Трудновыполнимой задачей также является скрытие в общей массе передвигающейся техники машин управления (в том числе автоматизированного управления) и связи мсд (мсп), у которых ярко выраженные характерные признаки: многочисленные подвижные единицы с кузовами-контейнерами и кузовами-фургонами, имеющие большие габариты, чем остальные машины в колонне; значительное количество легковых машин, бронетранспортеров (БТР), колесных машин, оборудованных антеннами; наличие в колонне техники боевого охранения и др.

В связи с этим особая роль в комплексной защите передвигающихся воинских формирований принадлежит подразделениям противовоздушной обороны (ПВО), радиоэлектронной борьбы (РЭБ), инженерных войск, войск радиационной, химической и биологической (РХБ) защиты, обеспечивающим активную и пассивную защиту колонн.

В ходе вооруженных конфликтов в Демократической Республике Афганистан и на Северном Кавказе нашими войсками был получен значительный опыт по организации и осуществлению проводки колонн войск в условиях горной, горно-пустынной местности, в том числе через населенные пункты и «зеленые зоны». И несмотря на то, что специальная военная операция (СВО) проводится в основном в степной и отчасти лесостепной зонах, растянутость коммуникаций, большое количество населенных

пунктов и лесополос делает этот опыт весьма востребованным.

Отметим также, что в современных условиях ДРГ и НВФ во многом используют тактику, примененную в Демократической Республике Афганистан и на Северном Кавказе, но с современными видами оружия, прежде всего, БпЛА, гранатометами, минометами, крупнокалиберными пулеметами и переносными зенитно-ракетными комплексами (ПЗРК), инженерными минами, управляемыми и неуправляемыми фугасами и другими средствами поражения.

Анализируя ход боевых действий в Демократической Республике Афганистан и опыт проведения контртеррористических операций, необходимо отметить профессионализм их полевых командиров, показавших хорошую выучку и практические навыки по ведению боевых действий в горной местности, небольших населенных пунктах, «зеленых зонах» (лесных массивах, садах). Умелое руководство формированиями основывалось на знании местности, нашей тактики и использовании дезинформации.

Приведем примеры из истории обеспечения проводки колонн [6–11].

Основной способ нападения бандформирований на колонны наших войск — действие из засад. Оно проводилось с целью обстрела колонн передвигающихся воинских формирований, вывода из строя и уничтожения военной техники с нанесением максимального материального ущерба, захвата пленных, оружия и боеприпасов, военного имущества и снаряжения. Засады заранее планировались по месту и времени.

Главную роль в тактике действий НВФ играла разведка. Для ее ведения использовалось преимущественно местное население (в основном женщины, старики, дети), представители которого практически беспрепятственно подходили к нашим колоннам в районах привалов и отдыха войск, вступали в разговоры с военнослужащими, подсчитывали примерную численность личного состава, техники и вооружения воинских формирований, а затем передавали добытые сведения боевикам.

Разведку вели и специальные разведывательные группы со средствами связи, действовавшие на легковом автотранспорте. Разведчики при выполнении задач часто маскировались под

беженцев или пастухов, действуя по одному-двум человекам. Особое внимание разведка боевиков уделяла определению мест расположения командных пунктов, блокпостов, элементов походного охранения и комендантской службы.

С целью получения упреждающей информации о графике движения, составе колонн и наличии охраны боевиками активно проводилась работа по насаждению агентуры из местного населения в пунктах формирования колонн.

Привлекаемые силы и средства боевиков при организации засад против колонн передвигающихся войск, как правило, эшелонировались. В состав засадной группы входили: наблюдатели (три-четыре человека); огневая подгруппа, предназначенная для поражения живой силы и техники; подгруппа упреждения — для ограничения маневра сил и средств прикрытия колонн; инженерная подгруппа — для установки управляемых и неуправляемых фугасов и мин, для проделывания проходов в заграждениях; подгруппа ведения борьбы с боевыми и транспортно-боевыми вертолетами, сопровождающимися передвигающимися колоннами войск; резервная подгруппа — для усиления огневой подгруппы и прикрытия отхода. Огневая подгруппа, включающая в себя основные силы НВФ (два-три гранатомета, несколько снайперов, в отдельных случаях один-два миномета), располагалась на удалении, позволяющем вести эффективный огонь. Боевики подгруппы размещались вдоль дороги в 50–100 м от полотна, на удалении 10–15 м друг от друга. Подгруппа предупреждения занимала позиции на направлении возможного отхода или маневра. При входе колонны в зону поражения снайперы первыми открывали огонь по водителям и старшим машин. Другие стрелки одновременно обстреливали личный состав и вели огонь по бронированным целям из ручных противотанковых гранатометов и крупнокалиберных пулеметов. Основная цель противника — уничтожить управление колонны, создать панику, предпосылки для ее уничтожения и захвата оружия, перевозимого имущества и пленных.

Следует отметить, что проведение засад шаблона не имело. При организации засады в населенных пунктах бандформирования располагались скрытно за заборами (дувалами), в домах

и других строениях, старались не обнаружить себя и беспрепятственно пропускали разведку и органы боевого охранения. С приближением главных сил боевики открывали огонь из бойниц, окон и дверей домов, сосредотачивая его в основном по автомобилям, перевозящим личный состав. Сначала производился прицельный залп из стрелкового оружия, минометов и гранатометов, затем велся интенсивный обстрел отдельных целей. Особенно опасны были засады в тупиках, куда с помощью ложных дорожных знаков и указателей боевики, переодетые под местных жителей, преднамеренно направляли колонны.

Боевики могли использовать местное население в качестве «живого щита», проводя перед этим соответствующую агитацию и организацию предстоящих действий, выбирая, как правило, мосты или крутые повороты в населенных пунктах, перекрывая их блоками, завалами, используя для перекрытия дороги большегрузные автомобили. При попытке разблокирования дороги под огонь попадали подразделения разминирования и разграждения, входящие в отряды обеспечения движения (ООД). При подготовке и проведении засад боевики активно вели разведку маршрутов движения колонн, отслеживали момент выхода их из пунктов дислокации, прослушивали переговоры в открытых радиосетях.

Несколько иную тактику боевики применяли при выдвижении наших формирований в районы проведения рейдовых действий. При ведении рейдовых боевых действий для обеспечения продвижения общевойсковых частей и подразделений особое внимание придавалось созданию сводных отрядов разминирования и разграждения, которые действовали, как правило, впереди походных (боевых) порядков войск. Им приходилось выполнять не только функции саперов, но и огневые задачи мотострелков, танкистов и артиллеристов, нанося поражение живой силе и боевой технике противника.

НВФ проводили операции по фактическому исключению возможности продвижения наших войск в районы выполнения боевой задачи, устраивая завалы путем обрушения камня и грунта на проезжую часть дороги, проходящей в ущелье, по косогору или карнизу, в скальных грунтах взрывным способом, в мягких грунтах —

вручную шанцевым инструментом. Протяженность завалов была от нескольких до сотен метров, высота завалов иногда достигала 10 метров [6–11].

Разрушению (повреждению) подвергались практически все мосты на направлении наступления (передвижения) наших войск. Железобетонные, металлические и каменные мосты разрушались взрывным способом, применяя при этом не только тротил, но и артиллерийские снаряды и мины. Деревянные пролетные строения сжигались или разбирались с последующей распиловкой несущих прогонов.

Особую трудность вызывало обрушение проезжей части дороги и подпорных стенок на карнизных (косогорных) участках дороги. Участки разрушения достигали длины 10–100 м и более. Готовились также «сюрпризы» в виде подкопов под проезжей частью или устройство «волчьих ям». Боевики зачастую разрушали грунтовые дороги путем их размытия, перенаправляя водный поток реки или ручья на дорогу. В результате чего через полутора–двое суток в этом месте образовывались промоины шириной 5–10 м и глубиной 3–5 м [6–11].

Чтобы препятствовать выдвигению наших воинских формирований для проведения операций в отдаленных районах НВФ особое внимание уделяли минированию автомобильных и железных дорог. Установка мин осуществлялась специальными группами минирования (четыре–пять человек), которые в качестве помощников привлекали местных жителей после их подготовки. В некоторых случаях подрывы мин или фугасов могли осуществляться до подхода колонн с целью повреждения дорожного полотна и задержки движения. Нередко минирование являлось составной частью общих комплексных действий и предшествовало обстрелам и нападениям на колонны. Для временного прекращения движения транспорта по дорогам бандгруппами могли устраиваться завалы на местах, где их преодоление и расчистка затруднены. Места завалов и обочины дорог минировались противопехотными минами, на господствующих высотах оборудовались позиции огневых средств.

Способы и технология минирования были разнообразны. На дорогах с твердым покрытием мины могли устанавливаться прямо на дорожном полотне под кучами мусора, песка или

гравия, применяемыми для ремонтных работ. Кроме того, установка мин могла осуществляться в местах нарушения покрытия, на обочинах, на придорожных столбах, деревьях. Для увеличения силы взрыва закладывались фугасы, собранные из неразорвавшихся авиационных бомб или артиллерийских снарядов. В результате чего личный состав нес потери в радиусе 500 метров.

Кроме радиоуправляемых и управляемых по проводам фугасов при минировании дорог широкое применение находили также противотанковые, противотранспортные мины, управляемые и неуправляемые фугасы. Неуправляемые фугасы устанавливались на обочине дороги и непосредственно на проезжей части в выбоины, ямы, лужи и т.п. Установленные в неуправляемом варианте они срабатывали при прохождении техники и выходе личного состава на обочину. Поражение наносилось осколками, у техники перебивались ходовая часть и днище, выводился из строя двигатель. Особую опасность представляли мины, которые подрывались не под первой, а под *n*-ой (например, под пятнадцатой) машиной в колонне. В результате происходила вынужденная остановка всей колонны с последующими действиями групп разминирования по поиску мин, которые могли находиться под машинами. Ситуацию обостряла неясность обстановки: было совершенно непонятно, почему четырнадцать машин преодолело это место, а под пятнадцатой произошел взрыв. Также неясно было, сколько еще мин осталось под машинами, заминирована ли обочина и прилегающая местность. Очевидно, что в этом случае не только терялось время на проведение поиска мин, но и повышались риски поражения машин в колонне различными ударными и огневыми средствами. В этих случаях наиболее эффективным способом обнаружения мин, находящихся под боевыми машинами (машинами) или на обочинах дорог, было применение собак-миноискателей, которые с высокой степенью вероятности обнаруживали мины и фугасы. Эти мины обезвреживались группами разминирования.

По опыту наибольший эффект в вопросах живучести передвигающихся воинских формирований достигался проведением мероприятий: по дезинформации противника относительно

маршрутов и начала движения колонн; активной работой всех видов разведки, но в первую очередь агентурной, по выявлению признаков и намерений противника по нападению на колонны как дистанционно, так и контактно силами ДРГ и НВФ; проведением систематических мероприятий по воздействию на неприятеля в потенциальных местах сосредоточения ДРГ и НВФ; обеспечением движения колонн на высоких скоростях; выставлением на постоянной основе хорошо оборудованных в фортификационном отношении блокпостов практически по всей длине трассы; заблаговременным выставлением комендантских постов, боковых походных застав, а также занятием позиций десантно-штурмовыми (разведывательными) подразделениями на господствующих высотах; патрулированием колонн боевыми и транспортно-боевыми вертолетами; распределением по колонне групп ООД, инженерных групп разминирования и разграбления, оснащением головных походных застав танками с трапами, инженерными машинами разграбления, мостоукладчиками; организацией контроля местности, прилегающей к путям передвижения колонн [6–11].

Из анализа опыта боевых действий в Демократической Республике Афганистан и на Северном Кавказе можно сделать несколько выводов, которые, на взгляд авторов, следует отнести к наиболее важным:

1. Нельзя начинать передвижение, не проведя мероприятий по введению противника в заблуждение относительно цели, состава колонн, маршрутов и времени движения.

2. Заранее предусмотреть все варианты действий ДРГ и НВФ при нападении на колонны невозможно. Поэтому при организации марша необходимо распределить по колонне силы боевого охранения, группы разминирования и разграбления. Кроме того, каждое подразделение должно обладать относительной самостоятельностью при отражении нападения, так как силы прикрытия и обеспечения движения могут оказаться достаточно далеко от района нападения и не смогут своевременно выдвинуться к месту боестолкновения.

3. Наиболее эффективно прикрывать колонны и уничтожать засады с воздуха.

Анализируя информацию о ходе боевых действий при проведении СВО, получаемую из от-

крытых источников, необходимо отметить, что все выше перечисленные способы борьбы с ДРГ и НВФ, препятствующими передвижению войсковых колонн, актуальны и по сей день. Однако появление новых средств вооруженной борьбы, прежде всего, дальнобойных реактивных систем залпового огня (РСЗО), других артиллерийских систем, управляемых ракет, запускаемых с летательных аппаратов, морских и наземных пусковых установок, барражирующих боеприпасов, а также применение БпЛА, требуют заново рассмотреть эти вопросы.

Опыт ведения боевых действий на Украине показывает, что в ходе передвижения войск следует ожидать массового применения противником FPV (First Personal View) – дронов, которые будут одновременно либо разновременно атаковать все элементы походного построения. Возможности противника также позволяют наносить поражение нашим воинским формированиям при формировании колонн для начала движения в исходном районе, а также при занятии позиций (районов сосредоточения) после совершения марша.

При этом создание более совершенных и многофункциональных БпЛА на основе развивающихся технологий и возможностей промышленности ведет к дальнейшему увеличению масштабов их применения. Это подтверждается тем, что за рубежом усилия научно-исследовательских организаций и военной промышленности направлены на создание БпЛА, способных решать задачи разведки и поражения, действуя автономно. Такие аппараты могут передвигаться в воздухе по заданной программе или в сопряжении с другими пилотируемыми средствами.

Уже сейчас эти БпЛА оснащаются элементами искусственного интеллекта, которые расширили их функциональные возможности. Они могут, используя бортовой программно-технический комплекс, действовать по заданным алгоритмам: рассчитывать время барражирования в отведенном для патрулирования районе воздушного пространства; выявлять объекты поражения определенного типа и ранжировать их по важности; выбирать вид вооружения для поражения; передавать ударным БпЛА координаты и другие характеристики движущихся целей; направлять команды на уничтожение целей; производить доразведку объекта поражения

для получения данных о его состоянии; формировать и отправлять на пункты управления сообщения о выполненных задачах. В США уже созданы БпЛА (типа Saker Scout), программное обеспечение которых построено на алгоритмах искусственного интеллекта, обеспечивающих самостоятельное распознавание объектов на поле боя, определение их координат и передачу информации в режиме времени, близком к реальному, в воздушный или наземный центр управления комплексным поражением противника [12–14]. В Китае, Республике Корея, Индии, возможно, и в других странах также созданы БпЛА, обладающие примерно такими же возможностями. Кроме того, в вооруженных силах этих государств проходят испытания боевые летающие платформы, в состав которых включаются БпЛА разного предназначения: разведки, управления, ударные (для сброса гранат, выстрелов гранатометов, минометных мин и других боеприпасов, установки отдельных мин и минных полей), РЭБ, связи, ретрансляции, постановки помех, а также имитирующие эти аппараты ложные БпЛА.

Уже созданы и нашли свое применение в ходе СВО боевые летающие платформы, в основе которых находится головной БпЛА, несколько его дублеров, обладающих свойствами обнаружения средств управления и связи, боевых и специальных машин, машин дешифрирования и передачи информации на пункт сбора и обработки. Такие БпЛА управляют действиями распределенных по эшелонам ударных дронов, количество которых может исчисляться десятками и даже сотнями. Это позволяет не только обнаруживать средства управления и связи, но и подавлять их находящимися на борту средствами РЭБ, наносить по ним удары автоматически в online-режиме или по решению, полученному из центра управления комплексным поражением противника. Количество дронов-камикадзе может быть равно числу машин в колонне или даже превосходить его.

Реальное применение роя БпЛА в ходе СВО показало их высокую эффективность, в том числе за счет возможности маневрирования отдельными летательными аппаратами между зданиями и сооружениями городских построек, деревьями в лесных массивах [14–18]. Подобные факты свидетельствуют о том, что в перспективе

проблема противодействия дронам, атакующим передвигающиеся колонны войск, будет только обостряться.

В связи с этим появляется насущная необходимость укомплектования ВВСТ автоматическими системами комплексной всеракурсной защиты, обеспечивающими своевременное обнаружение, выбор способа и средства противодействия системам разведки и поражения, имеющимся у противника, включая БпЛА. В состав таких систем должны входить комплексы активной защиты, средства РЭБ, элементы маскировки объектов в различных диапазонах спектра электронного излучения.

В перспективе в комплект экипировки каждого военнослужащего должны входить индивидуальные средства, снижающие его заметность, тепловое излучение, исходящее от тела, и электромагнитные излучения от различных приборов, которыми он может быть оснащен. В ходе СВО хорошую эффективность по поражению FPV-дронов показали гладкоствольные ружья, стреляющие картечью или крупной дробью, что позволяет рассматривать их после модернизации как средства, необходимые для постановки на снабжение ВС РФ.

Опыт отражения ударов (пресечения разведывательных действий) БпЛА самолетного, вертолетного, аэростатного типов, а также конвертопланов, других мультикоптеров, обладающих свойствами вертикального взлета и посадки, показал необходимость значительного увеличения количества средств ПВО, в том числе зенитно-ракетных, зенитно-артиллерийских, зенитно-пулеметных систем и средств РЭБ, смонтированных на базовых шасси или переносных.

Новыми средствами борьбы с дронами противника являются комплекты разноразмерных БпЛА и их группы, образующие воздушные минные поля. Тем более что уже в ближайшей перспективе в составе сил, нападающих на колонны наших войск, могут появиться робототехнические комплексы (РТК)-трансформеры) более сложной конструкции, способные летать вдоль колонн, выбирая своей целью подвижные пункты управления, машины связи и другую технику, которую необходимо уничтожить в первую очередь. Эти РТК после вертикальной посадки начинают передвигаться по суше, по воде или вновь по воздуху, поражать наши войска

лазерным оружием, средствами РЭБ, ПЗРК, вести огонь из встроенных гранатометов, огнеметов, пулеметов, штурмовых и снайперских винтовок, поджигать объекты поражения с помощью распыления термитной смеси, дистанционно устанавливать минные поля или становиться передвигающимися минами, кумулятивными или сосредоточенными зарядами. Мины и заряды будут снабжены интеллектуальными датчиками цели, позволяющими определить приоритетную для поражения боевую машину (машину), установить время ее поражения [14–20].

Подводя итог сказанному, отметим, что после реализации в армиях вероятного противника концепций сетецентрической войны, мозаичных боевых действий, создания системы обеспечения командиров и других должностных лиц органов управления (ДЛ ОУ) актуальной геопро пространственной информацией о противнике, своих войсках и условиях ведения боевых действий в корне меняется ситуация в пользу средств поражения по отношению к недостаточно эффективным средствам комплексной защиты совершающих марш воинских формирований. Выполнение требований, рекомендаций и нормативов, изложенных в уставных документах, перестает быть гарантией успешного совершения марша.

В этой связи следует отметить, что перед военными учеными стоит сложная, нетривиальная задача по обоснованию в короткие сроки новых положений в тактике и оперативном искусстве, формированию на этой основе оперативно-тактических и технических требований к новым средствам комплексной защиты ВВСТ, личного состава и подразделения в целом, направленных на восстановление паритета между способами (средствами) защиты и нападения.

Уже сейчас в ходе ряда исследований обосновываются не только новые средства комплексной защиты передвигающихся войск и способы их применения, но и анализируется возможность создания новых элементов походного построения, к которым можно отнести воздушные противодроновые отряды (группы), воздушные (воздушно-наземные, воздушно-наземно-морские) отряды комплексной защиты, наземно-воздушные отряды обеспечения передвижения воинских формирований.

На наш взгляд, управление силами и средствами воинских формирований родов войск и специальных войск, обеспечивающими активную и пассивную защиту колонн, должно осуществляться из центров управления комплексной защиты войск, состав и структура которых требует дополнительного обоснования.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Фисич Б.А., Канзалаев Р.Г. Основы геопро пространственного моделирования тактической обстановки // Военная мысль. 2021. № 12. С. 14–20.
2. Дудко С.М., Морару А.А., Смелов А.Е. К вопросам живучести пунктов управления общевойсковых формирований тактического звена // Военная мысль. 2023. № 10. С. 60–68.
3. Колесниченко А.П., Шатило Ю.Г. Совершенствование организации передвижения войск на основе применения новых информационных технологий // Вестник Академии военных наук. 2023. № 1.
4. Максимов Б. Программное обеспечение «АТАК» для комплекта тактического снаряжения военнослужащего ССО Сухопутных войск США // Зарубежное военное обозрение. 2021. № 5. С. 41–47.
5. С. Корчагин. Инженерная разведка оперативно-тактического звена сухопутных войск США. // Зарубежное военное обозрение. 2023. № 9.
6. Сборник «Дорогами Афганистана» под общей редакцией В.И. Храмцова // М. 2014 г. ООО «Оптим принт» 406 с.
7. Астахов И.А., Карга Д.Д., Языков С.А. Боевые действия объединенной группировки войск на территории Чеченской республики в марте – июне 1995 г // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 6 (23). С. 80–83.
8. Косачев А.С. Инженерное обеспечение боевых действий подразделений во время «второй чеченской кампании» // Белорусский национальный технический университет. – Минск: БНТУ, 2023. С. 213–228.
9. Алексеев К.В. Вторая чеченская война. Работа саперов на войне // Братишка. – 2004. № 3.
10. Сборник материалов по обобщению опыта действий соединений и воинских частей группировки в составе ОГВ (с), выполняющих задачи в контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации. М., 2003.

11. Ховалыг Н.А. Организация и тактика действий незаконных вооруженных формирований на территории Северо-Кавказского региона // В книге: Проблемы совершенствования российского законодательства. Сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов. Под редакцией Ю.В. Анохина. Барнаул, 2022. С. 319–322.
12. Бальшаков А., Антонов А. Основные положения нового полевого устава Сухопутных войск США FM 3–0 «Основы проведения операций» // Зарубежное военное обозрение. 2024. № 1. С. 37–41.
13. Маржецкий С. Ящик Пандоры: против ВС РФ начал воевать «искусственный интеллект»? URL: https://topcor.ru/43712-jaschik-pandory-protiv-vs-rf-nachal-voevat-iskusstvennyj-intellekt.html?utm_source=warfiles.ru (дата обращения: 27.08.2024).
14. Орлянский В.И., Герасимов А.А., Руденко С.Н. Проблема маневра войсками в условиях применения противником современных разведывательных систем. // Военная мысль. 2024. № 7. С. 36–51.
15. Демидов Д. Барражирующие боеприпасы и их применение противником в ходе специальной военной операции на Украине // Зарубежное военное обозрение. 2023. № 4. С. 46–55.
16. Губанов С.В. Применение беспилотных летательных аппаратов класса «мини» в единой системе управления тактического звена // Военная мысль. 2023. № 7. С. 72–80.
17. Донцова С. Производство беспилотных летательных аппаратов военного назначения в Республике Корея // Зарубежное военное обозрение. 2023. № 9. С. 58–64.
18. Степанов А. Зарубежные комплексы и средства противодействия беспилотным летательным аппаратам // Зарубежное военное обозрение. 2021. № 3. С. 60–68.
19. Буренок В.М. Искусственный интеллект в военном противостоянии будущего // Военная мысль. 2021. № 4. С. 51–57.
20. Гончаров А.М., Рябов С.В. Искусственный интеллект, как основное направление развития робототехнических комплексов // Военная мысль. 2021. № 6. С. 65–70.

P.A. DULNEV,
V.G. KOVALEV

П.А. ДУЛЬНЕВ,
В.Г. КОВАЛЕВ

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ЗАДЕЛА В ИНТЕРЕСАХ СОЗДАНИЯ УДАРНЫХ НАЗЕМНЫХ РОБОТОТЕХНИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ДЛЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК

FEATURES OF BUILDING THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL RESERVE IN THE INTERESTS OF CREATING THE GROUND-BASED ATTACK ROBOTIC COMPLEXES FOR ARMY UNITS

В статье рассматриваются особенности формирования научно-технического задела в интересах создания ударных наземных робототехнических комплексов для подразделений Сухопутных войск. Определено содержание фундаментальных, прогнозных, поисковых и прикладных исследований для исследуемой области.

In the article, features of building the scientific and technical reserve in the interests of creating the ground-based attack robotic complexes for army units are discussed. The content of fundamental, predictive, exploratory and applied research for the studied area is determined.

Ключевые слова: научно-технический задел, наземные робототехнические комплексы, фундаментальные, прогнозные, поисковые и прикладные исследования.

Keywords: scientific and technical reserve, ground-based robotic complexes, fundamental, predictive, exploratory and applied research.

Одним из актуальных направлений реализации военно-технической политики государства является обеспечение преимущества в развитии тех средств вооруженной борьбы, от которых определяющим образом зависит недопущение превосходства противника и поддержание устойчивого паритета. В ближайшей перспективе обеспечить требуемый уровень эффективности разрабатываемых наземных боевых систем в противоборстве с вероятным противником способны только образцы вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), создаваемые с использованием технологий роботизации.

Появление образцов ВВСТ нового поколения, оснащенных эффективными средствами противодействия, пассивной и активной защиты, новыми средствами поражения и подавления, потребует перехода к качественно новой перспективной системе вооружения. Основу ее должны составить многоцелевые автономные комплексы, оснащенные интеллектуальными

системами поддержки принятия решений, имеющими широкий диапазон условий применения и высокую боеготовность.

Исходя из этого в настоящее время одним из наиболее актуальных направлений по реализации планов развития системы вооружения, основанной на тенденциях изменения характера вооруженной борьбы и результатах научно-технического прогресса, является роботизация Вооруженных сил. Робототехнические комплексы (РТК) представляют собой сложные системы, аккумулирующие в себе большинство современных высокоинтеллектуальных направлений и технологий.

Онтогенез перспективной системы вооружения Сухопутных войск (СВ) невозможен без применения высокоинтеллектуальных ВВСТ, способных автономно решать поставленные боевые задачи с минимальным участием человека, таких как РТК.

Высокий темп освоения новых знаний и создания наукоемкой продукции на собственной

технологической основе является ключевым фактором, определяющим конкурентоспособность национальной экономики и эффективность национальной стратегии безопасности, особую актуальность приобретает формирование и оценка научно-технического задела (НТЗ). Это неотъемлемое условие опережающего развития в области создания образцов наземной робототехники, способных действовать отдельно (автономно) или в составе общевойскового формирования при выполнении боевых и обеспечивающих задач [1, 2].

Научно-технический задел — это совокупность новых результатов интеллектуальной деятельности в области фундаментальных, прогнозных, поисковых и прикладных исследований и разработок, которая должна быть сформирована Заказчиком (ОВУ) к моменту постановки (перехода к формированию ТТЗ на выполнение) опытно-конструкторской работы (ОКР) по созданию образца ВВСТ, в том числе РТК.

К сожалению, в СВ в настоящее время складывается ситуация, при которой количество проводимых ОКР, ориентированных на разработку РТК, не связано с результатами конкретных НИР, которые можно отнести к фундаментальным и прогнозным в этой области.

При этом в статье под научно-техническим заделом (НТЗ), в первую очередь, понимаются научно-исследовательские работы (НИР) по выявлению перечня задач, которые должны (могут) быть выполнены в ходе ведения перспективных боевых действий подразделениями СВ, в том числе оснащенных РТК, а также новых способов (отличий в способах) их применения, роли РТК в выполнении задач. Это позволит обеспечить распределения усилий в ходе выполнения задачи; определить применяемый вид маневра и избрать соответствующий боевой порядок. И только после получения результатов таких исследований возможен переход к определению требований к составу и характеристикам привлекаемых к решению задач сил и средств, которые должны быть разработаны в рамках ОКР.

Все виды исследований, относящиеся к формированию НТЗ, отличаются формами взаимодействия исследователей и их объединений.

Фундаментальные исследования — теоретические исследования, направленные на изучение свойств материи, естественных явлений и зако-

нов природы и закономерностей, которые могут быть в перспективе применены для совершенствования существующих и создания принципиально новых ВВСТ.

В процессе изучения особенностей функционирования и развития сложных систем, в том числе имеющими в своем составе РТК, был выявлен ряд закономерностей, которые, как и законы, порождаются самой действительностью и выступают отражением ее причинно-следственных связей, а определяются объективно существующими устойчивыми связями между явлениями, порожденными для данных связей причинами.

При этом закономерность трактуется как форма проявления действия одного или нескольких законов и выявляется в результате обобщения фактов.

Закономерности функционирования робототехнических средств (РТС) в составе формирований СВ в настоящее время могут быть рассмотрены в основном на теоретическом уровне.

Теоретическое знание занимается исследованием сущности, т.е. тех аспектов процесса, которые принципиально не наблюдаемы и только проявляемы во внешних признаках или предполагаются к проявлению на основе выявления характера (изменения признаков) будущих военных конфликтов [3].

Прогнозные исследования — исследования, направленные на обоснование возможных путей строительства Вооруженных Сил Российской Федерации, определение характера угроз военной безопасности, выявление особенностей возможных войн и вооруженных конфликтов, развитие форм и способов ведения вооруженной борьбы, определение тенденций развития и достижимых уровней основных результатов отечественных и зарубежных научных исследований, обоснование приоритетных направлений научных исследований в интересах развития базовых и критических военных технологий, определяющих возможные пути создания перспективных ВВСТ.

В статье в области рассмотрения прогнозных исследований основной акцент сделан на рассмотрении развития форм и способов ведения вооруженной борьбы.

Поисковые исследования — исследования, направленные на разработку и экспериментальную проверку путей, методов, технических ре-

шений, использование новых научных знаний в интересах создания перспективных видов ВВСТ.

Для СВ основным направлением поисковых исследований является разработка вариантов облика РТС (с использованием различных технических решений) с точки зрения использования их при создании перспективных видов РТК (РТС).

Прикладные исследования и разработки направлены на решение конкретных практических задач с элементами интеллектуального обеспечения инновационного процесса (термин «научные» может быть применен к этим исследованиям с осторожностью).

Особенности прикладных исследований и разработок в СВ:

цель — снабжение инновациями;
нацеленность на создание новых образцов;
ориентация на результат, а не на концепции;
возможность в перспективе получить патент на изобретение.

Несколько иная трактовка перечня и характера исследований представлена в источнике [4]:

фундаментальные — экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды;

прикладные — направленность преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач;

поисковые — направленность на получение новых знаний в целях их последующего практического применения (ориентированные исследования) и (или) на применение новых знаний (*прикладные исследования*).

Ориентированные исследования направлены на получение знаний для последующего планирования основных исследований или на получение диапазонов характеристик (в основном технических) исследуемых процессов и/или объектов.

В целом же, по сути, применительно к СВ НТЗ должен сформировать интеллектуальный базис, определяющий характер будущих войн, а также возможность и способность СВ их вести.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поиск новых закономерностей при ведении вооруженной борьбы в теоретическом плане показал, что системный подход позволяет пере-

нести некоторые результаты исследований в области нейрофизиологии на функционирование организационных систем [5].

Изменение характера общевойскового боя объективно влияет на развитие организационной структуры и способов применения общевойсковых формирований. В настоящее время претерпевают изменения основные подходы к способам их применения на различных операционных направлениях, в различных условиях обстановки

В качестве предлагаемой парадигмы для проведения фундаментальных исследований в статье предлагается подход, основанный на теории функциональных систем П.К. Анохина [6,7] и представления пространства состояний системы в виде шестимерного фазового, имеющего в настоящее время энергетические, материальные (предметные), пространственные, временные, познавательные и информационные координаты [8].

Использование теории функциональных систем позволит создавать и применять боевые системы, обладающие такими новыми интегральными свойствами, как: централизованная (единая) стратегия, но децентрализованная (нешаблонная, разнообразная) тактика действий; отсутствие понятия «фронта»; действия всех подразделений для реализации единой цели; скоординированное действие (атака) со всех направлений; высокая мобильность и контрмобильность отдельных подразделений; автономные или полуавтономные подразделения (типа «взвод», «рота»); совершенная система управления, разведки, информации, компьютерного обеспечения; действия как на расстоянии, так и в непосредственном контакте с противником; рассредоточение подразделений на поле боя в постоянной готовности мгновенно соединиться, нанести удар по выбранной цели со всех направлений и немедленно рассредоточиться [9].

Фундаментальными положениями в ходе исследований явилось определение необходимости интеграции в боевых системах, используя в качестве системообразующего фактора результат применения боевой системы. В качестве системообразующего элемента для реализации процесса интеграции в боевой системе, предложено использовать РТС или систему управления

боевой системы с применением технологии искусственного интеллекта [10].

Развитие выдвинутых на основе общей теории функциональных систем концепций системогенеза и системного квантования поведения [11, 12] в отличие от распространенной объектной концепции позволили с других позиций представить формирование поведенческих актов. Они удовлетворительно объясняют формирование целенаправленного применения систем, механизмы исправления ошибок, деятельность ЛПР, построение организационных структур и т.п.

При этом последовательное квантование рассматривается как смена во времени отдельных поведенческих системоквантов различного значения, а под системогенезом боевых систем предлагается понимать процесс становления, усовершенствования и деградации системных «квантов» поведения (элементарных боевых систем), направленных на достижение цели боевой системы.

Распространение теоретических положений теории функциональных систем (ТФС) на прогнозные и прикладные исследования в плане представления о системном квантовании на все процессы и ведущей системообразующей роли результатов в организации функциональных систем, определяющих поведенческие акты, позволяет весь континуум процесса боя рассматривать как смену последовательных и иерархических системоквантов в их динамической организации.

Прорывной характер фундаментальных исследований с опорой на теорию функциональных систем состоит в следующем: феномен использования особенностей поведенческих актов в интересах организационных систем и интеграционных механизмов их создания позволил в дальнейшем в рамках прогнозных исследований познать природу самых разнообразных процессов, начиная от выявления особенностей возможных войн и вооруженных конфликтов до вопросов развития базовых и критических военных технологий, определяющих возможные пути создания перспективных ВВСТ.

Результатом фундаментальных исследований явилась выработка общих подходов, обеспечивающих заданную эффективность применения принципиально новых средств вооруженной борьбы в различных условиях обстановки [13].

Это к тому же позволило улучшить специфичность конкретных прогнозных работ за счет выявления и снижения побочных негативных решений при постановке новых НИР.

Крайне парадоксальным является тот факт, что связь теории функциональных систем с исследованиями боевого применения подразделений СВ, имеющих в своем составе РТС (РТК), была выявлена и частично разработана в ходе выполнения заданных Главным командованием СВ НИР. Однако даже их краткие результаты позволили частично перейти к прогнозным исследованиям в этом же направлении.

ПРОГНОЗНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе прогнозных исследований, опирающихся на теорию функциональных систем, совершенствование ВВСТ рассматривается не как создание совокупности отдельных новых образцов РТК, а как развитие системы, имеющей целевое предназначение, определенное возложенными на общевойсковые формирования Сухопутных войск задачами [10].

В то же время сложные и противоречивые тенденции в развитии тактики общевойскового боя будущего, позволили обеспечить в НТЗ в области прогнозных исследований определение:

- приоритетов в развитии формирований СВ и их компонентов на перспективу, частично рассмотренные на основе ТФС в работе [14];
- типов РТК, необходимых для включения в систему вооружения общевойскового формирования, состав которой предложен в работе [15];
- предложений по рациональной организационной структуре общевойсковых формирований тактического звена Сухопутных войск, оснащенных РТК, основные требования к которой с использованием ТФС изложены в работе [16];
- способов действий общевойсковых формирований тактического звена Сухопутных войск, оснащенных РТК, в основных видах боя, рассмотренные применительно к штурму города в работе [17].

Кроме того, например, результатом использования ТФС в ходе проведения прогнозных исследований стала разработка новых принципов ведения боя с применением безэкипажных образцов ВВСТ; отработка возможных сценариев ведения боевых действий в связке «традиционные образцы вооружения и военной техники-

робототехнические комплексы»; определение рациональных способов применения образцов военной робототехники различной номенклатуры при выполнении боевых и обеспечивающих задач [18].

Отдельные положения ТФС, использованные в работе [19], позволили также определить, что в основу построения боевого порядка робототехнических подразделений могут быть положены подходы, базирующиеся на следующих принципах: функционального неравенства; структурной и функциональной реконфигурации; функциональной интеграции и синхронизации результатов.

Предложенные принципы и подходы, не входя в противоречие с существующими, дополняют их с позиции раскрытия функциональной стороны процесса применения общевойсковых формирований и позволяют избежать ошибок при разработке требований к перспективным образцам военной робототехники, созданию организационно-штатных структур их подразделений, а также определению способов их применения.

ПОИСКОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты поисковых разработок — это облик новых РТС, их составных частей, новые технические решения, которые позволят реализовать процессы применения подразделений СВ в будущих войнах.

Данная составляющая НТЗ существует в виде соответствующих предложений.

Ниже в соответствии с работой [20] приведены актуальные задачи тактического уровня, встречающиеся в реальных условиях ведения боевых действий в СВО и соответствующие характеристики РТС, позволяющие решать эти задачи — назначение и состав.

Средний РТС (РТК) включает в свой состав мобильные РТК (возимые средние, легкие РТС, включая биоморфные, и БпЛА различного назначения)

Легкие мобильные НРТС и БпЛА предполагается использовать при выполнении задач поражения объектов противника, поиска и обезвреживания взрывных устройств и разведки на труднодоступных участках, в том числе во внутренних пространствах зданий и сооружений.

Средние самоходные РТС (РТК) рассматриваются в качестве средств транспортирования и

доставки легких и средних возимых наземных и воздушных РТС, а также других грузов, разведки, огневой поддержки и защиты легких РТС.

Предлагаемый вариант назначения и состава среднего РТК позволит сформировать «туман войны» для противника на локальном уровне в зоне линии боевого соприкосновения за счет применения наземных РТС и БпЛА в интересах пеших подразделений звена «отделение-взвод», в том числе действующих в городских условиях.

Система вооружения должна строиться на основе концепции адаптивизации при всестороннем развитии приспособительных свойств образцов вооружения к изменению внешних условий и содержанию решаемых задач, поскольку каждый новый образец ВВСТ, с учетом его места в боевых порядках и конкретного назначения, по уровню своей применимости, подвижности, автономности, живучести и других свойств должен быть приспособлен к совместному использованию в составе подразделений, частей и соединений с образцами ВВТ боевых и других типов, входящих в состав соответствующих формирований, не ограничивая при этом их боеготовности, а также боевых возможностей.

ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты ориентированных исследований предназначены для подготовки проведения других исследований, в первую очередь прикладных, и проводятся в нашем случае в виде анализа существующих разработок, в основном в гражданских отраслях и за рубежом, например, в таких [21, 22] и других работах. Результаты этих исследований используются при разработке ТТТ для формирования ТТЗ на ОКР в области робототехники.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ

В создании НТЗ в ходе прикладных исследований и разработок в СВ принимают активное участие различные заинтересованные лица и организации, в число которых, в том числе помимо НИО и вузов входят потенциальные потребители НТЗ, частные и государственные финансовые структуры и т.д.

Так, например, в вузах, подчиненных главнокомандующему Сухопутными войсками, в области робототехники военного и двойного

назначения в 2022 году разработано и подано 5 заявок, а в 2023 году — 8.

В частности, научными сотрудниками, входящими в военно-научную школу ВНШ-338, только с 2019 по 2024 год получено 7 патентов на изобретение, 6 патентов на полезную модель и 3 свидетельства о государственной регистрации программы для ЭВМ.

Накопленные результаты служат исходными данными для обоснования требований к легким, средним и тяжелым (по массе) наземным РТК и разработки их технического облика, что, в свою очередь, позволяет перейти к обоснованию реальных потребностей в задействовании элементов научно-технологического задела.

Характерно, что прикладные исследования проводятся (если проводятся, то, в основном, в виде упрощенного анализа недостатков экипажных образцов), а конкретные разработки создаются, как правило, в самой проблемной среде и в практику войск внедряются непосредственно сразу после создания без проведения ОКР и испытаний.

Налицо попытка с помощью примитивных средств решать достаточно крупные производственно-технические задачи (прослеживается аналогия с «Большим скачком» Мао Цзэдуна), то есть на «кустарных» предприятиях предлагается производить сложные образцы, используя самые простые инструменты и материалы. При этом в ходе изготовления образцов технические решения не систематизируются, используется примитивное не стандартизованное программное обеспечение и компонентная база.

Опыт СВО показал [23], что отдельные, как успешные, так и неудачные, попытки создания разнообразных РТС, предпринимаемые общественными и частными организациями (в том числе воинскими частями и подразделениями) и НИИ в неофициальном порядке, не могут заменить плановой целенаправленной деятельности на основе проведения НИОКР по разработке РТК, предназначенных для оснащения тактических воинских формирований Сухопутных войск.

В то же время предварительный анализ отдельных результатов разработки РТК в ходе различных плановых ОКР выявил, что разрабатываемые РТС не всегда могут эффективно решать задачи, которые ставятся реальными

боевыми действиями (у разработчиков отсутствуют запросы пользователей на улучшение или изменение конструкции образцов), что приводит к необходимости уточнения ТТТ к РТК (например, на основе проведенных прогнозных исследований) и соответственно разработки новых тактико-технических заданий на ОКР, в том числе и с учетом опыта СВО [24].

Выводы:

1. Опыт применения наземных РТС (РТК) различного назначения показал, что универсальность и возможность их применения в различных условиях позволяет считать РТС одними из важнейших средств решения задач современного общевойскового боя. Реализацию таких изменений подтверждает и опыт СВО.

2. В научных работах по созданию НТЗ наблюдается фазовый кризис, проявляющийся в первичном упрощении исследований с падением разнообразия, появляются признаки и отношения, ранее эволюционно вытесненные.

К тому же происходит суверенизация системы создания НТЗ (отдельные подсистемы перестают вести себя как часть целого), что вызывает «конфликт интересов» между подсистемами, а вследствие этого эффективность научного общества падает. В результате в условиях фазового кризиса в науке характерно временное, кадровое и территориальное разделение исследований разного уровня и разработок, производства и применения.

3. Особенностью проведения фундаментальных, прогнозных, поисковых и прикладных исследований в рамках создания НТЗ в СВ явилась временная нелинейность последовательности различных видов исследований.

Последовательное и/или параллельное проведение фундаментальных, прогнозных, поисковых и прикладных исследований оказалось возможным в связи с наличием организованной в ВУНЦ СВ военно-научной школы ВНШ-338 «Создание и боевое применение роботов военного назначения в операции и бою», определившей основы для формирования НТЗ в данной области. Опыт СВО подтвердил актуальность и необходимость работ этой школы.

4. Главной проблемой является структурная и функциональная интеграция наземных РТС (РТК) в формирования СВ — определение их места в боевых порядках подразделений вплоть

до отделения (группы) и перечня задач, которые можно (необходимо) возложить на них. Перечень задач должен быть сформирован в виде обратной связи от пользователей на заказчиков, исследователей, разработчиков и производителей.

5. Анализ разработки НТЗ выявил необходимость создания в СВ организационных механизмов для обеспечения опережающего развития фундаментальной науки, имеющей признанные военно-научные школы. «Нет ничего практичнее хорошей теории» И. Кант.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Борисенков И.Л. Методика выбора состава исследований на основе унифицированных процедур / И.Л. Борисенков С.С. Смирнов В.Л. Ляковский – Текст: непосредственный // Компетентность. – 2013. – 3 (104). – С. 6–11
2. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: [утверждена Указом Президента Российской Федерации 28 февраля 2024 года № 145]. – Москва, 2024. – 27 с. – Текст: непосредственный
3. Денисов А.А. Подавление циклов Бойда: Опыт управления военными и политическими конфликтами 1999–2009 г.г. «Информационные войны», № 2, 2010. С. 15
4. Статья 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».
5. Витяев Е.Е. Принципы работы мозга, содержащиеся в теории функциональных систем П.К. Анохина и теории эмоций П.В. Симонова Институт математики им. С.Л. Соболева, Нейроинформатика, 2008, том 3, № 1, с. 25–78
6. П.К. Анохин Очерки по физиологии функциональных систем. – М., «Медицина», 1975, 448 с.
7. П.К. Анохин Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем: монография. – М: Директ-Медиа, 2008. – 131 с.
8. Ковалев В.Г., Ильин Л.Н., Кандауров А.В. Развитие системы вооружения Сухопутных войск // Военная мысль. 2014, № 3. С. 18–25
9. П.А. Дульнев В.Г. Ковалев С.А. Сычев Г.С. Чайка. Методический подход к формированию интегрированной боевой системы. – М. Вестник АВН № 3(84), 2023. С. 49–56
10. П.А. Дульнев В.Г. Ковалев. Модель интеграции боевых систем на основе теории функциональных систем // Материалы IX ММНПК РАРАН, 12–16.02.2024 г.
11. К.В. Судаков Развитие теории функциональных систем в научной школе П.К. Анохина. Электронное периодическое издание «Вестник Международной академии наук. Русская секция», 2011, № 1.
12. Системокванты физиологических процессов // Под общей редакцией академика Российской Академии медицинских наук К.В. Судакова. М.: «Международный гуманитарный фонд Арменоведения им. академика Ц.П. Агаяна», 1997. – 152 с.
13. Л.Н. Ильин П.А. Дульнев В.Г. Ковалев. Проблемы создания военной робототехники для Сухопутных войск. – М.: Военная мысль № 11, 2015. С. 65–71
14. Дульнев П.А. Основные требования к перспективной системе вооружения Сухопутных войск. // Вестник АВН № 1(58), 2017. – С. 158–161
15. Ковалев В.Г., Сычев С.А., Петрашко О.И. Методический подход к обоснованию требований к системе вооружения подразделения штурмовых робототехнических комплексов военного назначения // Вестник АВН № 4(69), 2019. – С. 158–161
16. Дульнев П.А., Ковалев В.Г., Метелев Д.Н. Комплекс требований к организационной структуре подразделения и общая методика ее построения // Материалы 5 ВНПК «Современные проблемы создания и эксплуатации ВВСТ» С. Петербург ВКА им. Можайского. – С. 429–436
17. Дульнев П.А. Применение робототехнических комплексов при штурме города (укрепленного района) // Вестник АВН № 3(60), 2017. – С. 26–32
18. С.А. Сычев. Принципы применения общевойсковых формирований Сухопутных войск, оснащенных робототехническими комплексами военного назначения. – М.: Вестник АВН № 2 (67), 2019. – С. 97–101
19. П.А. Дульнев С.А. Сычев Актуальные вопросы построения боевого порядка робототехнических подразделений. – М.: Вестник АВН № 3(68), 2019. С. 48–53
20. Бирюков П. А., Тимохин А. А., Макаренко С.И. Бригады сухопутных войск, вооруженные беспилотными летательными аппаратами: обоснование создания, предложения по их структуре, способам боевого применения и техническому обеспечению с учетом опыта специальной военной операции на Украине // Системы управления, связи и безопасности. 2024. № 2. С. 43–69. DOI: 10.24412/2410–9916–2024–2–043–070
21. Многофункциональный РТК Diamondback от компании L3Harris 21.10.2024. <https://topwar.ru/252117-mnogofunkcionalnyj-rtk-diamondback-ot-kompanii-l3harris.html>
22. Модернизация «Вепря»: развитие тяжелых РТК разминирования 07.10.2024. <https://topwar.ru/251379-modernizacija-veprja-razvitie-tjazhelyh-rtk-razminirovanija.html>
23. Наземные робототехнические комплексы в Спецоперации <https://topwar.ru/209566-nazemnye-robototekhnicheskie-kompleksy-v-ecoperacii.html>. Отечественные РТК разминирования. <https://topwar.ru/234102-otechestvennye-rtk-razminirovanija.html>
24. Карякин Л. Современные наземные мобильные робототехнические комплексы/ Арсенал Отечества № 6, 2015. http://otvaga2004.ru/na-zemle/na-zemle-11/modern_land_robots_6/

V.A. SKIBA,
K.V. BYKOV

В.А. СКИБА,
К.В. БЫКОВ

ОБРАЗ ПЕРСПЕКТИВНОГО МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА С МАЛЫМ БПЛА И РЕШАЕМЫЕ ИМ ЗАДАЧИ С УЧЕТОМ ОПЫТА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

THE IMAGE OF A PROMISING MULTIFUNCTIONAL COMPLEX WITH A SMALL UAV AND THE TASKS IT SOLVES, TAKEN INTO ACCOUNT THE EXPERIENCE OF THE SMO

В статье представлен образ многофункционального комплекса с малым БПЛА мультироторного типа (универсальный тактический квадрокоптер) на основе опыта подготовки коммерческих беспилотных летательных аппаратов мультироторного типа к выполнению боевых (специальных) задач в ходе СВО и решаемые им задачи.

The article presents an image of a functional complex with a small UAV based on the experience of preparing commercial UAVs to perform combat (special) tasks and tasks they solve.

Ключевые слова: робототехнический комплекс военного назначения, универсальный тактический квадрокоптер, задачи БПЛА тактического звена.

Keywords: military-grade robotic complex, universal tactical quadcopter, tasks of UAV tactical units

В процессе проведения СВО на Украине Россия столкнулась с тем, что 54 страны оказывают военную помощь Украине, а 18 из них поставляют беспилотные летательные аппараты (БПЛА) [1]. Анализ открытых источников показывает, что за 2022–2023 годы Украине было поставлено около 5000 тысяч БПЛА различного класса, а по утверждению СМИ Украины самостоятельно изготовлено еще 50 000 FPV-дронов только в 2023 году [2].

Вооруженные силы России в ходе ведения боевых действий также применяют большое количество БПЛА различных видов, как коммерческих, так и специального назначения. Так, в 2023 году в ВС РФ поставлено около 3500 БПЛА изготовленных в России, а количество коммерческих БПЛА поставленных общественными организациями, фондами и волонтерами не поддается счету [3].

Противоборство примерно равных по силам сторон, у которых есть в наличии система ПВО и РЭБ, показало низкую эффективность применения больших БПЛА, большинство «Bayraktar – TB3» и им подобных БПЛА были уничтожены в первые месяцы боевых действий и в дальнейшем их использование практически прекратилось. Применение же малых БПЛА мультироторного типа показало свою эффективность, но их нет

в достаточном количестве у обеих противоборствующих сторон, поэтому и возник спрос на коммерческие квадрокоптеры, как профессиональные, так и любительские.

Анализ различных источников показал, что от 80 до 95% применяемых малых БПЛА мультироторного типа – это коммерческие БПЛА фирм DJI и Autel. По косвенным данным о продажах коммерческих БПЛА, самым востребованным у противоборствующих сторон является квадрокоптер DJI Mavic 3, а наибольшей популярностью пользуется его улучшенная модификация DJI Mavic 3T.

Так как изначально коммерческие квадрокоптеры разрабатывались для других задач, то имеют массу функциональных ограничений, направленных на повышение безопасности полетов в мирное время, но эти ограничения легко снимаются программным способом, а «недостатки» коммерческих БПЛА, которые нельзя устранить программно, устраняют аппаратно, путем технических доработок (рис.1).

До начала СВО было мало программных средств для изменения программного обеспечения (ПО) БПЛА и пульта, но с началом СВО заметен значительный рост количества и качества таких средств, причем многие из них создаются в нашей стране (рис. 2). Например, программа

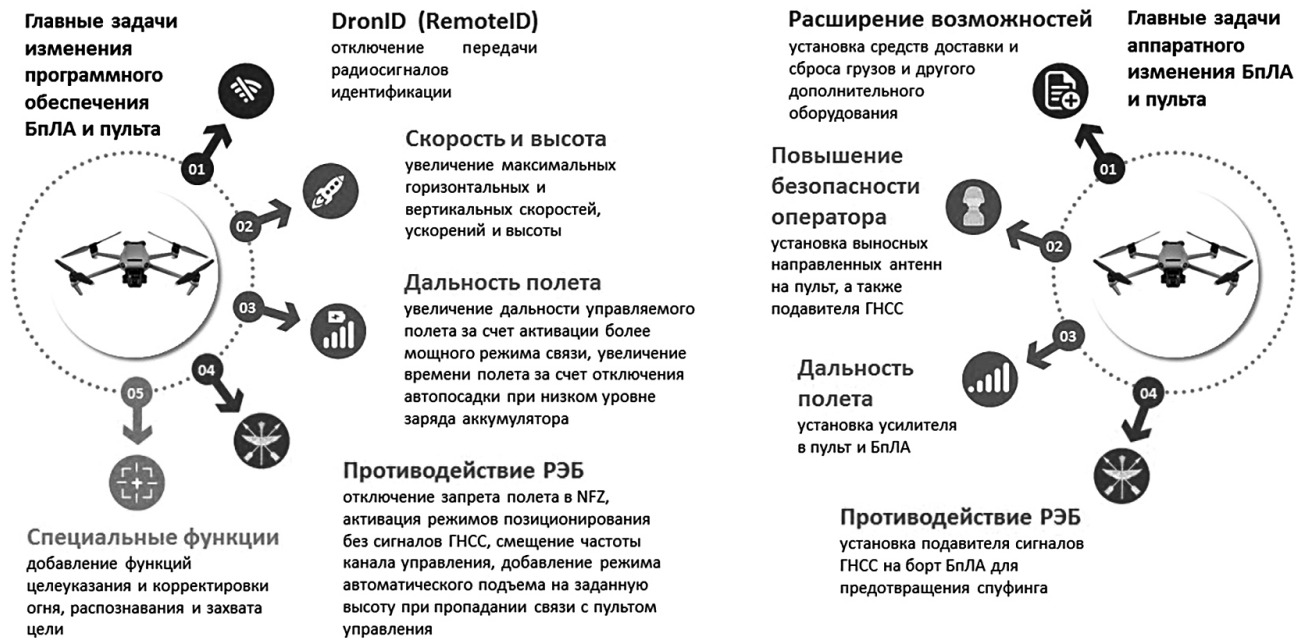

Рис. 1. Адаптация коммерческих БПЛА к боевым условиям

«Смещение GPS» позволяет изменить алгоритм функционирования микроконтроллера GPS приемника и тем самым выдавать координаты со смещением, но это делается в тех случаях, когда нельзя отключить передачу идентификационных данных (DronID).

Команда «Русские хакеры» сделала реинжиниринг прошивки ряда БПЛА и сняла все существующие программные ограничения, а также

они добавили новые функции, направленные против РЭБ, такие как полет без использования данных от GPS приемника, взлет на заданную высоту в случае потери связи с пультом и отсутствии сигналов ГНСС и другие функции.

Есть несколько российских команд, которые разрабатывают ПО и для пультов управления. Общедоступная надстройка над ОС Андроид «Circle OS» позволяет устанавливать любые

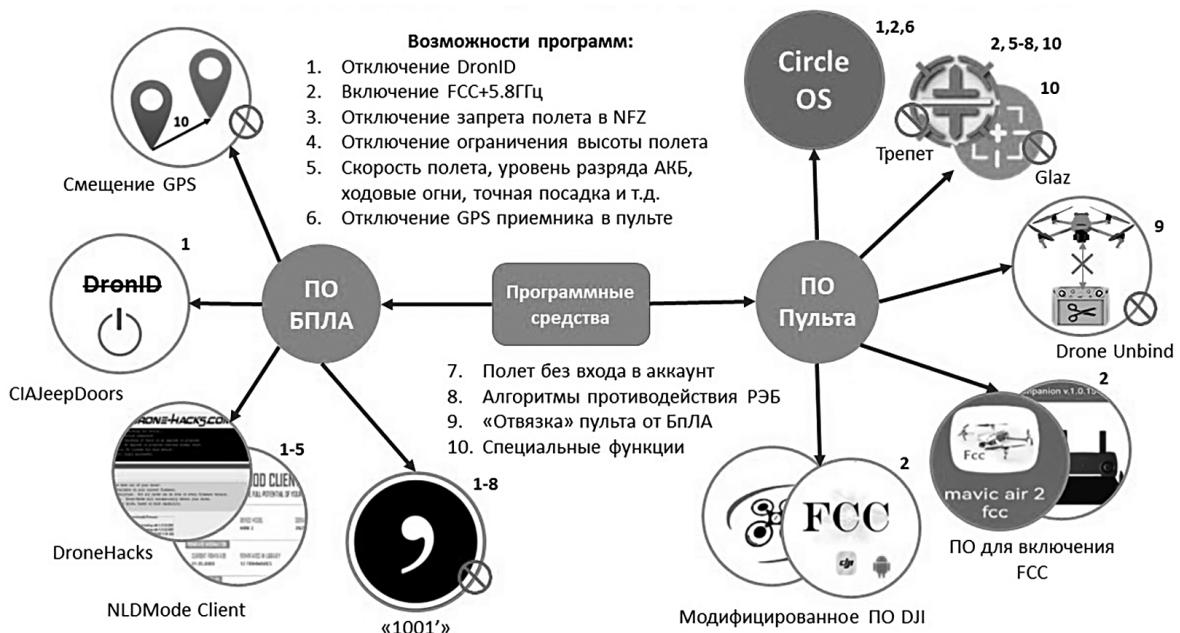

Рис. 2. Программные средства изменения характеристик БПЛА

приложения, отключать GPS приемник пульта, подключать web-камеры, 4G модемы, работать с оффлайн картами, удаленно управлять пультом, на БпЛА включать режим максимальной мощности радиопередатчика (FCC), отключать DronID, ходовые огни и другое.

Программы «Трепет» и «Glaz» добавляют комплексу с БпЛА дополнительные специальные функции: это возможность навигации и целеуказания при отсутствии сигналов GPS, продвинутые алгоритмы антиспуфинга, мгновенный расчет корректировки огня и отображение на экране отклонения точки разрыва от цели в метрах по сторонам света, расчет точки падения боеприпаса, сброшенного с квадрокоптера, с поправкой на ветер, автоматический анализ картинки с подсветкой изменения обстановки на экране пульта, получение точных координат цели путем наведения на нее камерой БпЛА, дополненная реальность (отображение точек с карты на изображении с камеры квадрокоптера, возможность рисовать линии на изображении с камеры БпЛА и карте и отображение их в дополненной реальности), работа с оффлайн картами в плоском и трехмерном режиме, отображение зон видимости камеры БпЛА на карте (рис. 3).

Кроме указанных функций, есть возможность дублировать экран помощнику через прямое подключение или Интернет, обмениваться

развединформацией со всеми допущенными абонентами группы, обновлять оффлайн карту актуальными фотографиями, по сути, делать ортофотоплан в режиме реального времени и другие функции. Программа постоянно улучшается.

Часто бывает, что изменение программного обеспечения недостаточно, чтобы удовлетворить все необходимые требования, тогда некоторые характеристики можно изменить аппаратно (рис. 4).

Так, для увеличения дальности управляемого полета в БпЛА и пульт ставят усилители (бустеры), а для повышения безопасности оператора используют выносные антенны. Если невозможно установить прошивку от «русских хакеров», то для противодействия спуфингу и скрытия местонахождения БпЛА и оператора, как вариант, устанавливают подавитель сигналов ГНСС на БпЛА и пульт (если в пульте нельзя отключить приемник GPS). Кроме того, до выхода прошивки от «русских хакеров» устанавливали платы подмены данных GPS приемника, что решало проблему взлета в отсутствии сигналов GPS и защиту от спуфинга. Известны случаи установки на БпЛА передатчика ложных сигналов DronID, теперь и эта возможность есть в прошивке от «русских хакеров».

Как вариант, для увеличения времени полета на БпЛА устанавливают дополнительные АКБ,

> БЕЗОПАСНОСТЬ И ЖИВУЧЕСТЬ

- Существенное увеличение дальности связи
- Возможность навигации и целеуказания при отсутствии GPS
- Продвинутые алгоритмы анти-спуфинга. Автоматическая помощь в спасении дрона при воздействии РЭБ

> БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

- Мгновенный расчёт корректировки и отображение на экране отклонения точки разрыва от цели в метрах по сторонам света
- Расчет точки падения боеприпаса с поправкой на ветер

> РАЗВЕДКА

- Автоматический анализ картинки с подсветкой изменения обстановки на экране пульта
- Получение точных координат цели путем наведения на нее камерой дрона
- Дополненная реальность. Отображение точек с карты на камере дрона. Возможность рисовать линии на камере и карте и отображение их в дополненной реальности

> НАВИГАЦИЯ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ

- Работа с оффлайн картами, плоский и трехмерный режимы
- Отображение зоны видимости камеры дрона на карте

Рис. 3. Интерфейс и основные возможности СПО «Трепет»

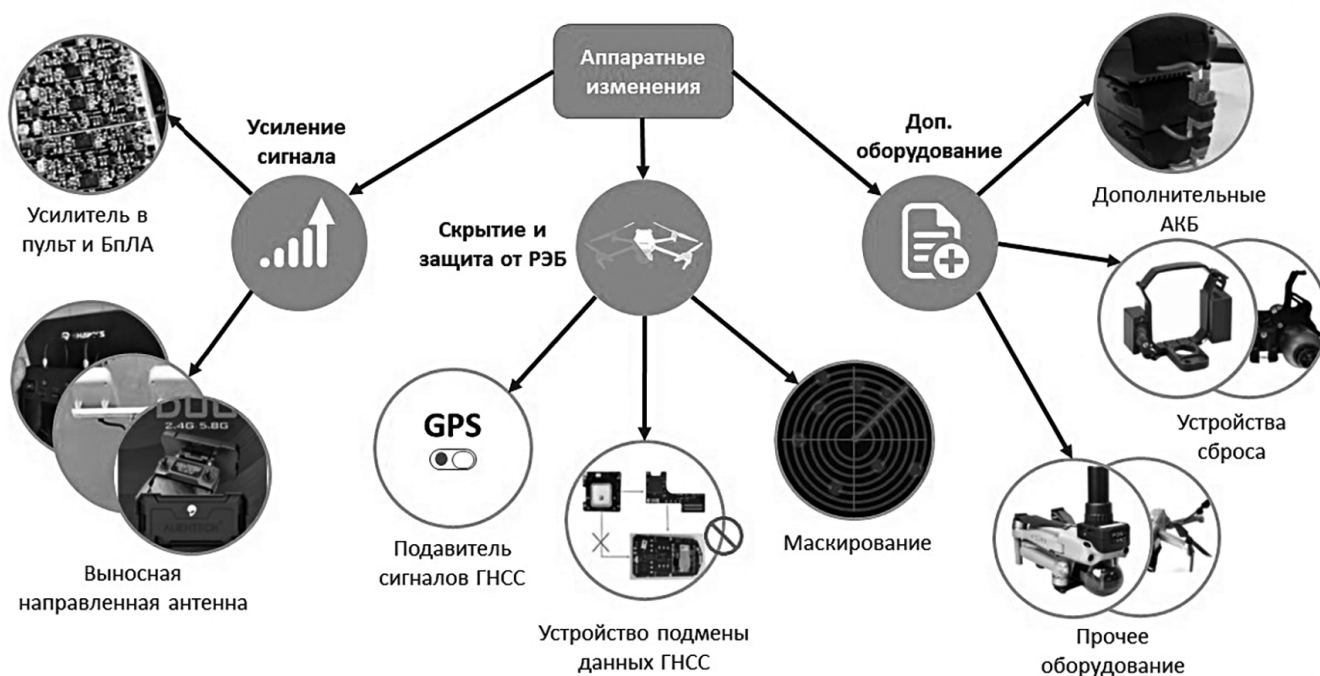

Рис. 4. Изменение характеристик БПЛА аппаратным способом

например, один дополнительный АКБ позволяет увеличить время полета до 55 минут.

В ходе решения задач поражения объектов противника на БПЛА устанавливают различные виды сброса, которых на данный момент разработано большое количество вариантов, а для выполнения узкоспециализированных задач устанавливается специализированное оборудование, например, модули РТК (для повышения

точности навигации), ретрансляторы радиосигналов и другие.

Зачастую возникает необходимость оперативно передавать разведывательную информацию с БПЛА на пункты управления, для чего применяются радиомосты и различные программы трансляции экрана пульта, по возможности радиоканал заменяют оптоволоконным или проводным (рис. 5).

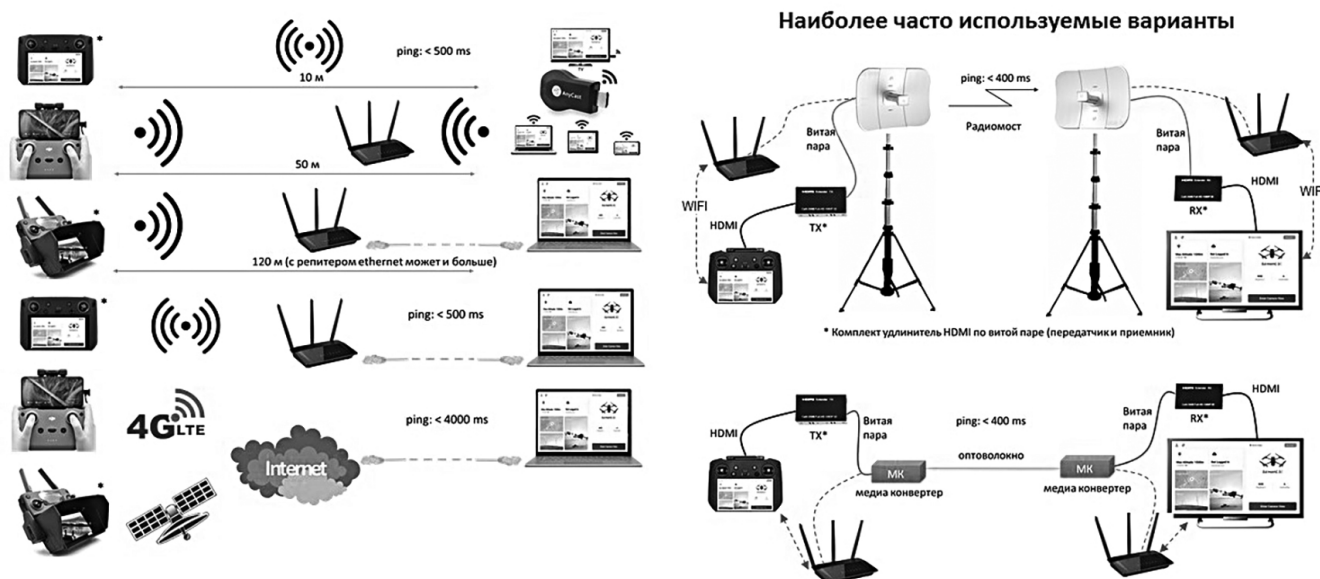

Рис. 5. Варианты передачи информации с БПЛА на пункт управления

Рис. 6. Образ универсального тактического коптера

Учитывая развитие космической группировки российских спутников федерального проекта «Сфера», а также «Концепцию создания унифицированной системы связи и передачи данных РТК», можно, с осторожным оптимизмом, надеяться на появление в ближайшем будущем космических систем связи для РТК.

Таким образом, итеративное изменение характеристик коммерческих БПЛА в ходе СВО позволило сформировать облик современного многофункционального воздушного РТК военного назначения с малым БПЛА ближнего действия и малой продолжительности полета, отвечающего вызовам современных вооруженных конфликтов и вобравшего в себя все накопленные программные и аппаратные улучшения (рис. 6), то есть универсальный тактический коптер.

Такой комплекс должен иметь:

- квадрокоптер соответствующий характеристикам DJI Mavic 3T (с поправкой на диапазон рабочих температур);
- оборудоваться пультом с выносной антенной (до 50 метров);
- должны быть реализованы функции противодействия РЭБ не хуже, чем в 1001 прошивке от «русских хакеров»;
- в комплекте должны быть различные навесные устройства-модули, позволяющие расширять функциональные возможности БПЛА;

– должен быть предусмотрен вариант установки аккумулятора увеличенной емкости, который устанавливается в случае, если нет необходимости в установке дополнительного навесного оборудования;

– пульт и БПЛА должны иметь возможность обновления программного обеспечения силами штатных подразделений беспилотной авиации;

– пульт должен обеспечивать установку различного специального программного обеспечения, позволяющего выполнять необходимые для конкретной задачи боевые (специальные) функции;

– комплекс должен быть оснащен аппаратурой связи для оперативной передачи разведывательной информации на пункты управления и получения задач, в том числе через спутниковые каналы связи.

Такой многофункциональный комплекс с малым БПЛА обеспечит решение широкого спектра задач:

- поиск, обнаружение и слежение за силами и средствами противника в видимом и инфракрасном диапазоне, обеспечение поисковых и аварийно-спасательных работ (поиск уцелевших, сопровождение эвакуации);
- сопровождение разведгрупп, скрытое видеонаблюдение, воздушное патрулирование заданных районов и боевое охранение;

- ведение артиллерийской разведки (целеуказание) и обслуживания стрельбы артиллерии и других средств поражения (корректировка огня), оценка результатов нанесения удара;

- инженерная разведка местности (оценка проходимости маршрутов, мостов, переправ, бродов), обеспечение операций по разминированию минных заграждений (поиск и нейтрализация взрывных устройств), контроль качества маскировки;

- доставка и сброс агитационных материалов, применение пиротехнических средств, демонстрационные действия (полет на низкой высоте) для устрашения и провоцирования огня, ретрансляция радиосигналов (управления, телеметрии и видео БПЛА, команд боевого управления и другой информации), передача ложных сигналов DronID;

- огневое поражение личного состава и техники противника сбрасываемыми средствами поражения, применение зажигательных смесей и химического оружия, дистанционное минирование местности.

Установка дополнительных модулей поможет решить нештатные задачи, такие как высокоточная аэрофотосъемка местности, доставка воды, продовольствия и медикаментов, воздушный таран, эвакуация БПЛА.

С учетом текущего уровня развития науки и техники, уже сейчас можно выполнять другие различные задачи малыми БПЛА:

- усложнение воздушной обстановки для ПВО противника путем использования БПЛА с высоким ЭПР (например, с угловыми отражателями);

- использование ложных воздушных целей с помощью имитации сигналов идентификации БПЛА RemoteID и сигналов идентификации гражданской авиации ADS-B;

- постановка радиопомех, радиотехнический контроль (детектирование и пеленгация);

- целеуказание высокоточному оружию;

- получение данных о РХБ обстановке;

- обслуживание военной инфраструктуры (обследование ЛЭП, ТП, линий газопровода, трубопроводов).

Таким образом, предложен образ современного многофункционального комплекса с малым БПЛА, который позволяет решать большой спектр боевых (специальных) задач, тем самым повышая эффективность подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации.

С учетом вышеизложенного возникает проблема с подготовкой специалистов и необходимость создания специализированных подразделений, способных решать задачи по ремонту и модернизации БПЛА и технических средств, обновления и установки программного обеспечения для возникающих потребностей войск, но этот вопрос в данной статье не рассматривается и требует отдельного разговора.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. «List of military aid to Ukraine during the Russo-Ukrainian War». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_military_aid_to_Ukraine_during_the_Russo-Ukrainian_War#Other_parties/ (дата обращения: 31.08.2024)
2. «На Украине раскрыли планы по выпуску БПЛА в 2024 году». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://anna-news.info/na-ukraine-raskryli-planu-po-vypusku-bpla-v-2024-godu/> (дата обращения: 31.08.2024)
3. «Армия в 2023 году получила 3,5 тысячи отечественных беспилотников». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20240126/bespilotniki-1923651702.html> (дата обращения: 31.08.2024)

V.I. ORLYANSKIY,
V.M. MOISEEV

В.И. ОРЛЯНСКИЙ,
В.М. МОИСЕЕВ

РАЗВИТИЕ СПОСОБОВ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАЧ В МИРОТВОРЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ НЕЛЕТАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

DEVELOPMENT OF WAYS TO PERFORM TASK IN A PEACEKEEPING OPERATION USING NON-LETHAL WEAPONS

В статье рассматриваются традиционные и новые задачи, решаемые в миротворческих операциях в изменившихся условиях их проведения, а также некоторые перспективные средства нелетального воздействия и способы их применения.

The article discusses traditional and new tasks solved in peacekeeping operations in the changed conditions of their implementation, as well as some promising means of non-lethal impact and ways of their application.

Ключевые слова: оружие нелетального действия, акустическое, радиочастотное, лазерное оружие нелетального действия, способы выполнения задач с применением оружия нелетального действия.

Keywords: non-lethal weapons, non-lethal acoustic, radio-frequency and laser weapons; methods of performing tasks with the use of non-lethal weapons.

Войны сопровождали человечество в течение всей истории его существования, и на протяжении веков государства стремились выработать правила международных отношений, способствующие их предотвращению. Одним из инструментов урегулирования вооруженных конфликтов является миротворческая деятельность. Россия выступает за укрепление правовых основ миротворчества в строгом соответствии с принципами Устава ООН, несмотря на то, что сотрудничество с некоторыми международными организациями на современном этапе зашло в тупик, в том числе и в вопросах миротворчества.

Российские военнослужащие многократно выполняли миротворческие функции в составе войск ООН, Коллективных сил по поддержанию мира СНГ или самостоятельно в бывших республиках СССР. Российские миротворцы участвовали в разрешении конфликтов в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Казахстане.

Основной формой применения Вооруженных Сил при решении задач миротворческой деятельности являются миротворческие операции (действия), которые в зависимости от сложившейся обстановки и масштаба вооруженного конфликта могут принимать форму операции (действий) по восстановлению (поддержанию)

мира или операции (действий) по принуждению к миру. Целями таких операций (действий) могут быть: восстановление (поддержание) мира или подавление актов агрессии (нарушения мира) в районе (зоне) конфликта.

Опыт проведения миротворческих операций показывает, что основными способами их ведения являются: превентивный (упреждающий) ввод войск в район потенциального вооруженного конфликта; демонстрация силы (присутствия) в регионе конфликта; блокирование района конфликта; наблюдение; патрулирование; охрана важных объектов; разминирование местности и объектов; контроль за соблюдением достигнутых между противоборствующими сторонами договоренностей; несение службы на постах, осуществляющих контроль за передвижением людей и транспортных средств; обеспечение связи между противоборствующими сторонами; ведение (обеспечение) переговоров; осуществление мероприятий по оказанию гуманитарной и экономической помощи; размещение подразделений между враждующими сторонами для снижения напряженности и др.

Цели миротворческих операций достигаются выполнением в рамках вышеуказанных способов следующих основных задач: развертывание войск (сил) в районе (зоне) конфликта; прекращение военных действий противо-

борствующими сторонами; создание условий, способствующих разрешению вооруженного конфликта.

Вместе с тем, как свидетельствует опыт проведения миротворческих операций последних лет, в зоне конфликта нередко выполняются не только основные, но и другие задачи, не изложенные в нормативных документах. Например, в ходе операции по поддержанию мира в зоне Нагорно-Карабахского конфликта российский миротворческий контингент выполнял такие задачи, как: содействие процессу обмена пленными и телами погибших; оказание помощи в сборе сведений о пропавших без вести в ходе конфликта (работа по вопросам, заданным в ходе телефонных обращений по «горячей линии» и встреч с гражданами); инженерная разведка, разминирование и очистка местности (дорог и объектов) от взрывоопасных предметов; обеспечение прохождения воинских колонн противоборствующих сторон и миротворческого контингента, колонн беженцев, колонн с гуманитарной помощью, безопасного движения гражданского автотранспорта, в том числе безопасной доставки продуктов питания и предметов первой необходимости в удалённые населённые пункты; поддержание взаимодействия с генеральными штабами вооружённых сил Азербайджана и Армении; содействие оказанию гуманитарной и экономической помощи местному населению в зоне ответственности (конфликта); обеспечение безопасности проведения гуманитарных акций Международного Комитета Красного Креста и других общественных организаций; содействие местным властям и помощь в восстановлении объектов социальной инфраструктуры в зоне ответственности (конфликта), в том числе дорожного движения, электро-, водо-, и теплоснабжения социальных объектов и жилых домов, инженерных коммуникаций, обеспечение безопасности хозяйственной деятельности (полевых и других работ); контроль выполнения противоборствующими сторонами принятых обязательств; соблюдение мер по недопущению распространения коронавирусной инфекции; проведение консультаций и оказание квалифицированной специализированной медицинской помощи местным жителям; обеспечение безопасного возвращения граждан в места их постоянного проживания;

обеспечение безопасности посещения паломниками культовых святынь — монастырей Амарас и Гандзасар, Дадимак Армянской Апостольской церкви [2].

Расширение перечня задач, решаемых в ходе миротворческих операций, является следствием влияния специфики условий их проведения, выражающихся в столкновении интересов разных стран в регионах возникающих конфликтов, глубоких корнях их причин, многолетних спекулятивных действиях со стороны некоторых стран, загонявших объективные проблемы вглубь, особенностях взаимоотношений населения противоборствующих сторон, их жизненного уклада и национальных традиций, а также уровня развития инфраструктуры, характера местности и др.

Условия операции и её цели определяют выбор форм, способов и средств её проведения. При этом, как свидетельствует международный и отечественный опыт, вынужденное применение миротворческим контингентом обычного оружия в ходе выполнения поставленных задач, как правило, приводит к противоположному результату. В подобных случаях достигнутое «затишье» является временным, зато существенно повышается напряжённость между враждующими сторонами конфликта, что в последующем лишь усугубляет имеющиеся проблемы, приводит к ещё более агрессивным выступлениям и ожесточённым столкновениям.

Опыт показывает, что случаи с применением обычного оружия чаще имеют место в миротворческих операциях по принуждению к миру, так как воинский контингент решает задачи в них ведением боевых действий и боёв, нанесением ударов, осуществлением маневра, то есть способами, характерными для войн и вооруженных конфликтов. Также обычное оружие может применяться и в операциях (действиях) по восстановлению (поддержанию) мира. В соответствии с установленными правилами это может иметь место лишь в крайних случаях, когда нет других способов сохранить жизнь и здоровье мирного населения и военнослужащих воинского контингента миротворческих сил (ВКМС). Наиболее сложные условия для действий военнослужащих ВКМС возникают в критических ситуациях, когда незаконные вооружённые формирования прикрываются

мирными жителями, используя их как «живой щит». Применение обычного оружия в подобных случаях приводит к потерям среди мирных жителей, что является неприемлемым. Поэтому единственным средством, позволяющим решить поставленную задачу, становится ОНД, применение которого влечет за собой менее травматичный эффект при решении задач в миротворческих операциях [3].

В этой связи важно отметить, что конфликты, как правило, возникают в городах и различных населённых пунктах. При этом в связи с расширяющейся урбанизацией территорий миротворческие операции в перспективе с большой вероятностью будут проводиться в густонаселённой местности. Именно поэтому в России и за рубежом разрабатывается ОНД, разных видов, основанных на использовании излучения электромагнитной энергии, а также на химических и биологических принципах воздействия [4], которое позволит решить задачи в миротворческой операции, достигая цели операции без кровопролития и разрушения инфраструктуры местности.

Что касается зарубежных государств, то, в частности, в США создано и совершенствуется ОНД на основе кинетического, светозвукового и электрошокового воздействия. К ОНД на основе кинетического воздействия разрабатываются более эффективные боеприпасы. Современные образцы стрелкового оружия модернизируются таким образом, чтобы можно было применять как обычные, так и нелетальные боеприпасы, способные вызвать болевой шок и нанести лёгкие телесные повреждения, не разрушая при этом внутренние органы. Основой для разработки ОНД светозвукового воздействия является сочетание оглушающего, ослепляющего и дезориентирующего эффектов при минимальном риске для тех, кто его применяет [5, 6].

Кроме того, в США и других странах ведутся работы по совершенствованию акустического, радиочастотного и лазерного ОНД. Акустическое оружие нелетального действия типа установки LRAD 1000 (США) применялось в Ираке, Грузии, Израиле для охраны военных объектов, разгона демонстраций, «зачистки» подземных сооружений и укрытий [7]. Разрабатываются и

более мощные акустические комплексы на новых принципах функционирования [8].

Разрабатываемое радиочастотное оружие нелетального действия способно привести к болевым ощущениям за счёт нагрева кожи без нанесения серьёзных повреждений и необратимых изменений состояния здоровья. Среди наиболее перспективных вариантов нелетального оружия особый интерес вызывает высокочастотное оружие массового поражения ADS (Active Denial System) (рис. 1).

Рис. 1. Высокочастотное оружие нелетального действия ADS

Высокочастотное ОНД ADS излучает направленные микроволновые лучи большого диаметра с частотой — 94 ГГц. Электромагнитные колебания создают тепловые высокотемпературные пятна на теле человека, не вызывая при этом ожогов.

Лазерное ОНД, несмотря на Договор о запрещении его применения, разрабатывается рядом западных государств. Для применения в миротворческих операциях созданы и совершенствуются портативные комплексы лазерного оружия «Dazer», «Cobra», «Saber 203» (рис. 2), предназначенные для подавления оптико-электронных приборов, а также для временного ослепления людей на дальностях до 1 км [9]. Разработаны лазерные винтовки, а также комплексы лазерного оружия для установки на автомобилях, БМП (комплекс «Stingray»), танках [10, 11].

Рис. 2. Портативный лазерный комплекс «Saber 203»

Помимо перечисленных видов ОНД за рубежом большое внимание уделяется разработке ОНД на основе химических свойств воздействия, предназначенное для поражения (блокировки) действий человека и вывода из строя вооружения и военной техники. Разработанные и уже принятые на вооружение химические средства нелетального действия обеспечивают поражение или блокировку живой силы на дальности до нескольких десятков километров.

В целом, за рубежом ведётся целенаправленная работа по развитию ОНД, расширению его номенклатуры [12] и разработке способов применения, причём не только в миротворческих, но и в обычных войсковых операциях при определённых условиях, выгодных для США и их спутников.

В Российской Федерации наибольший опыт в создании нелетальных средств поражения имеют правоохранительные органы. Некоторые созданные ими средства (ручные газовые гранаты типа «Черёмуха», гранатомёты с боеприпасами, снаряжёнными эластичными поражающими и другими нелетальными элементами) могут применяться и миротворческим контингентом в операциях с тем, чтобы избегать массовых потерь среди мирного населения, особенно в условиях городских застроек.

Вместе с тем для решения задач в миротворческих операциях уже созданы и совершенствуются разные комплексы ОНД, в том числе, комплексы акустического оружия (КАО), радиочастотного (КРЧО) и лазерного оружия (КЛО).

КАО (рис. 3) может эффективно применяться на урбанизированной местности для противодействия лицам, вооружённым огнестрельным оружием, во избежание потерь среди мирного населения и разрушения инфраструктуры. Как известно, поражающим фактором этого

Рис. 3. Комплекс акустического оружия нелетального действия «Шепот»

оружия является воздействие инфразвуковых колебаний на организм человека, вызывающее чувство страха, что при применении по толпе приводит к панике. На эффектах инфразвука основано современное российское нелетальное оружие, названное «Шепот». Устройство представляет собой щит сотрудника правоохранительных органов, с вмонтированным в него излучателем инфразвуковых колебаний.

КАО «Шепот» генерирует звуковые колебания от двух излучателей, которые создают нелинейно-параметрическую область инфразвукового воздействия. Средняя величина акустического давления, которое способен создавать этот комплекс на расстоянии 10 м, составляет 120 дБ, время работы устройства от аккумулятора достигает 50 минут, время непрерывного излучения — 30 секунд, а интервал между периодами воздействия — 15 секунд. КАО могут успешно применяться: для противодействия враждебно настроенному населению, а также лицам, пытающимся захватить объект или удерживающим заложников; для нейтрализации боевиков или провокаторов, смешивающихся с толпой; для прекращения попыток объединения разных групп агрессивно настроенных лиц.

К другому виду ОНД относятся КРЧО, функционирующие на основе радиочастотного излучения, приводящего к тепловому удару, возникновению у объекта воздействия болевого шока, аналогичного ожоговому, и психологической боязни дальнейших действий. Применение такого оружия может быть избирательным, позволяющим выборочно воздействовать на наиболее активные группы враждебно настроенного населения и инициаторов противоправных действий. При этом их нейтрализация осуществляется без нанесения повреждений, несовместимых с жизнью. Перспективные КРЧО наиболее эффективно могут применяться при бое в городе, защите важных объектов, а также в борьбе с засадами и в других сложных ситуациях.

Созданные в России КЛЮ нелетального действия предназначены для нарушения работоспособности или нормального функционирования оптико-электронных средств. Они могут использоваться для наблюдения и прицеливания, а также для выявления оптических приборов и временного ослепления операторов

(наводчиков огневых средств, в том числе снайперов) на направлениях выдвижения колонн миротворческого контингента и в районах выполнения задач. Для нейтрализации вооружённых формирований, дестабилизирующих обстановку, могут применяться перспективные КЛЮ, позволяющие выявлять и идентифицировать оптические средства наблюдения и наведения оружия, а также временно ослеплять наблюдателей. Одним из образцов подобного вида ОНД является спецсредство «Поток», представляющее собой лазерный фонарь повышенной яркости (рис. 4).

Рис. 4. Лазерный фонарь повышенной яркости «Поток»

Применять это средство планируется, главным образом, в специальных операциях. В них необходимо нейтрализовать нарушителя закона, выиграть время для спецназа. Устройство работает на расстоянии 700 метров, сектор его воздействия — от 10 до 15 градусов. Воспроизводимый им лазерный луч воздействует на сетчатку глаза, не вызывая ослепления необратимого характера. Способность видеть возвращается через несколько суток. Побочные эффекты — головокружение, потеря ориентации в пространстве. Поражающий фактор лазерного оружия — визуально-оптические помехи зрению. Ещё одним средством противодействия снайперам, террористам, ведущим наблюдение и прицеливание с помощью оптических и оптико-электронных средств, является лазерная станция «ЛС-101». Она может использоваться в системах охраны особо важных объектов и VIP-персон.

В РФ созданы средства комбинированного нелетального воздействия, к которым относится светоакустический комплекс *Raptor* (рис. 5). Он предназначен для эффективной направленной засветки высокоинтенсивным многоспектральным световым излучением в стробоскопическом режиме и остронаправленными звуковыми сигналами специальной формы определенных объектов воздействия (пространственных зон, территорий с расположенными на них важными материальными объектами, подвижных и неподвижных целей, группы людей) на различных расстояниях. Целями воздействия могут быть: трансляция команд и инструкций при охране общественного порядка, обеспечение режимов чрезвычайного положения, предотвращение незаконных действий при охране объектов и др.

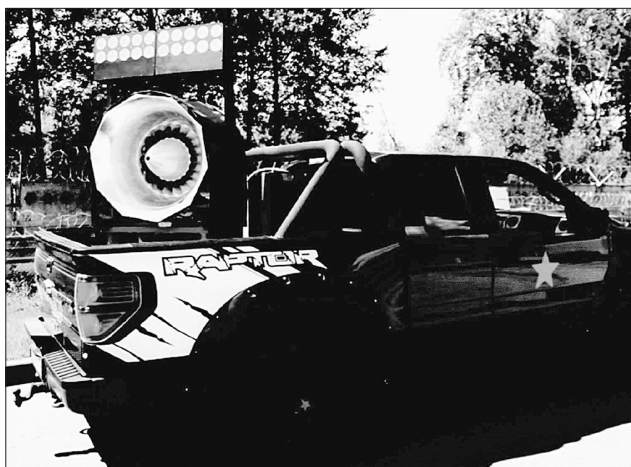

Рис. 5. Светоакустический комплекс нелетального действия «Raptor»

Эффект применения комплекса основан на временном подавлении зрительной функции нарушителей световым излучением и созданием болевых ощущений в слуховом аппарате звуковым воздействием [13].

Таким образом, эффективное ОНД, позволяющее адресно воздействовать на зачинщиков и организаторов незаконных действий, нейтрализовать агрессивно настроенное население и враждующие группы, может служить материальной основой для развития способов решения поставленных задач в миротворческой операции.

Рассмотрим возможные способы выполнения некоторых задач с применением ОНД в миротворческих операциях.

При выполнении задачи по развертыванию ВКМС в районе (зоне) конфликта (в ходе размещения подразделений между враждующими сторонами, при охране важных объектов, осуществлении мероприятий по оказанию гуманитарной и экономической помощи) миротворцы могут столкнуться с противодействием вооруженных формирований и выступлениями агрессивно настроенного населения. Для нейтрализации дестабилизирующих обстановку вооруженных формирований в зависимости от их численности и степени агрессивности могут применяться КЛО типа «Поток», «Raptor» и др.

Временный вывод из строя членов вооруженных формирований вынудит их отказаться от активных действий, а при продолжении их сопротивления применение КЛО повысит эффективность выполнения задач миротворцами с помощью обычного оружия (при необходимости). В целях снижения напряженности и нейтрализации агрессивно настроенного населения согласованное применение КРЧО и КАО позволит выборочно воздействовать на отдельных наиболее активных лиц или на группы агрессивно настроенных представителей населения.

Способы выполнения задач по охране важных объектов с применением ОНД на страницах журнала уже раскрывались. В этой связи следует уточнить, что возможность и целесообразность применения предлагаемых авторами [14] стационарных комплексов для охраны и обороны важных объектов зависит от условий проведения миротворческой операции. Например, в миротворческой операции в Приднестровье применение миротворческим контингентом стационарных комплексов для охраны и обороны военных складов было актуальным и эффективным, поскольку этому способствовали условия их размещения на большой площади. Применение же таких комплексов на ограниченных по площади территориях в зоне Нагорно-Карабахского конфликта оказалось проблематичным. Там миротворческий контингент выполнял задачи по охране важных объектов с помощью переносных комплексов и комплексов на базе существующих образцов бронетанковой техники.

Отдельно следует остановиться на борьбе со снайперами, особенно при проведении миро-

творческой операции в городе или населённом пункте. Актуальность этой задачи подтверждается полученным опытом. Так, при проведении миротворческой операции на территории бывшей Югославии проблема обеспечения безопасности военнослужащих ВКМС и местных жителей проявилась с особой остротой, когда ежедневно снайперская стрельба уносила несколько жизней детей, женщин, стариков [15]. В последующем, в ходе других конфликтов, проявилась тенденция расширения масштабов действий снайперов, что требует поиска новых средств и способов борьбы с ними при проведении миротворческих операций. Наиболее эффективно с этой целью могут применяться перспективные КЛО. В частности, для борьбы со снайперами создан лучевой карабин. За счёт веерности лазерного луча карабин может эффективно поражать даже хорошо замаскировавшегося снайпера. Достаточно определить примерное направление, где снайпер находится. Лазер работает по площадям: в веерном режиме нет необходимости тщательно прицеливаться для уверенного поражения. Источником его накачки служат фотохимические патроны (химические лампы-вспышки). Они генерируют в оптическом тракте оружия очень яркий лазерный луч широкой направленности. Ослепляющий эффект сохраняется на расстоянии до одного километра.

Применение личным составом ВКМС КЛО позволит выявлять позиции снайперов по бликам оптических прицелов и временно «ослеплять» как прицелы, так и самих стрелков. Кроме того, снайпера на выявленных позициях могут быть нейтрализованы с помощью боеприпасов с химическими компонентами ОНД [16]. При благоприятных условиях для применения КРЧО снайпер может быть временно нейтрализован и с его помощью.

Выполняя задачу по созданию условий, способствующих разрешению вооруженного конфликта, военнослужащие ВКМС при ведении наблюдения, патрулирования, а также в ходе сопровождения колонн гуманитарной и экономической помощи, особенно в ночное и сумеречное время, могут столкнуться с противодействием вооружённых формирований из засад. Применение КЛО и нелетальных боеприпасов с химическими компонентами позволит предот-

вратить нападения из засад на наблюдателей и сопровождаемые миротворческими силами колонны.

В ходе патрулирования (сопровождения колон) военнослужащие ВКМС должны контролировать обстановку вдоль назначенного маршрута. При наличии перспективных КЛО они смогут сканировать местность, при обнаружении нарушителей правопорядка идентифицировать их и решительно упреждать в действиях. Автоматизированный порядок функционирования таких комплексов позволит в ходе лазерного сканирования классифицировать объект (бытовое стекло, наблюдательный прибор, телекамеру и др.). При идентификации объекта, способного открыть огонь или осуществить другие враждебные действия, может быть дана команда на включение мощного светового импульса (или серии импульсов) с целью его «ослепления» и временного вывода из строя. При необходимости обнаруженный объект нейтрализуется применением боеприпасов с химическими компонентами ОНД. В дальнейшем осуществляется его захват подразделениями сопровождения.

Особого внимания требует вопрос противодействия агрессивно настроенному местному населению, поскольку, как показывает опыт [17, 18], такая задача является весьма актуальной. Нередко агрессивно настроенное местное население пытается препятствовать миротворцам при сопровождении ими колонн, патрулировании, осуществлении контроля за соблюдением достигнутых между противоборствующими сторонами договоренностей, несении службы на контрольно-пропускных пунктах и наблюдательных постах, размещении подразделений между враждующими сторонами для снижения напряженности.

Для пресечения действий агрессивно настроенного местного населения важно совершенствовать способы комплексного применения всех видов ОНД. Повышению эффективности решения этой задачи в перспективе может способствовать применение более совершенных КАО, КРЧО, КЛО.

В заключение следует отметить, что создание новых образцов ОНД на основе передовых технологий и ранее не использовавшихся средств, открывает пути для дальнейшего совершенст-

вования способов решения задач в миротворческих операциях с акцентом на существенное снижение или полное исключение негативных последствий в виде тяжелых травм, приводящих к летальному исходу, повышения уровня напряженности в отношениях противоборствую-

ющих сторон, увеличения сроков проведения миротворческих операций. Вместе с тем наличие нового ОНД в подразделениях существенно расширит возможности командного состава по принятию наиболее рациональных решений на выполнение поставленных задач.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Божедомов Б.А., Москвитин А.С., Роговой А.В. Подготовка и ведение миротворческой операции. Монография. – М.: ВУ, 2022. – 188 с.
2. Интернет ресурсы: mil.ru-Главная-Российский миротворческий контингент в Нагорном Карабахе-Бюллетени.
3. Моисеев В.М. Оружие нелетального действия как перспективное средство военно-силового воздействия (комплексного поражения противника). Военная мысль, 2021. № 11.
4. Владимиров В.В., Черных Г.С. Состояние и основные направления развития оружия нелетального действия, средств и способов защиты от него. <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-osnovnye-napravleniya-razvitiya-oruzhiya-neletalnogo-deystviya-sredstv-i-sposobov-zaschity-ot-nego/viewer> (Дата обращения 20.02.2024).
5. Как функционирует светозвуковое оружие, и что чувствует его жертва. <https://novate.ru/blogs/020423/65980/> (Дата обращения 1.03.2024).
6. Бой в населённом пункте. Оружие российского штурмовика. Ручные гранаты нелетального действия: светозвуковые и с резиновой картечью. https://vk.com/wall-57157763_1717 (Дата обращения 19.02.2024).
7. Тактика спецназа. Звук – убийца. <http://masterok.livejournal.com/2527248.html>. <https://www.facebook.com/SWAT-tactics-1629033060653297/> (Дата обращения 21.02.2024).
8. Сычёв В. Американские военные создали лазерную акустическую пушку. В течение трех лет оружие сможет генерировать человеческий голос. <https://hi-tech.mail.ru/news/36785-lazernaya-pushka/> (Дата обращения 20.02.2024).
9. Saber 203 Laser Dazzler. https://defense-update.com/20050128_saber-203-laser-dazzler.html (Дата обращения 22.02.2024).
10. Землянко А.Б., Рожков В.Н. Потери в локальных боевых действиях. Защита и безопасность. СПб. № 4, 2008.
11. Селиванов В.В. Оружие нелетального действия как средство борьбы с терроризмом, обеспечения миротворческих операций и операций по правопринуждению. М.: Вестник Российской академии естественных наук, Т. 5, 2005.
12. Соков И. Разработка за рубежом перспективных образцов нелетального действия. М.: ЗВО. № 4, 2006.
13. Светоакустический комплекс нелетального действия «Raptor». [m.vk.com> wall6238406_14504](https://m.vk.com/wall6238406_14504) (Дата обращения 19.12.2024).
14. Сосков Д.Ю., Корнилов В.Ю., Зайцев Ю.В. «Применение оружия нелетального действия в интересах охраны объектов от несанкционированного проникновения». Военная мысль, 2022. № 1.
15. Операции по поддержанию мира. Основные задачи, методы, этапы. Общее и частное. Штаб сил ООН, сектор Сараево, 1985.
16. Ильин Л.Н., Рылин В.В. Инкапситуанты как оружие нелетального действия. Военная мысль, 2014. № 9.
17. Абдуллаева Э.С. Механизмы управления агрессивной толпой в современном обществе. Научная статья. Философские науки. Выпуск № 4 (46), 2016. <https://doi.org/10.18454/IRJ>. (Дата обращения 30.01.2024).
18. Морозов И.Л., Матвиенко Е.А. Противодействие агрессивному национализму: уроки истории и вызовы современности. Научная статья. Политологические науки. 2017. <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-agressivnomu-natsionalizmu-uroki-istorii-i-vyzovy-sovremennosti> (Дата обращения 12.02.2024)

R.V. MARKITAN,
D.I. SOKOLOV

P.B. MARKITAN,
Д.И. СОКОЛОВ

СИСТЕМНОЕ МЫШЛЕНИЕ В МОДЕРНИЗИРУЕМОЙ СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

SYSTEMS THINKING IN MILITARY EDUCATION SYSTEM

В статье, на основе проведенных авторами исследований с учетом требований Федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения, изложены теоретические положения системного мышления применительно к содержанию, требуемым знаниям и компетенциям выпускников в укрупненной группе направлений 55.00 «Военное управление», впервые представлен метод факторно-динамического анализа проблемных ситуаций.

Based on the research conducted by the authors, taking into account the requirements of the Federal State Educational Standards of the new generation, the article outlines the theoretical provisions of systemic thinking in relation to the content, required knowledge and competencies of graduates in the enlarged group of directions 55.00 «Military management», for the first time the method of factor-dynamic analysis of problematic situations is presented.

Ключевые слова: Федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения, системное мышление, факторно-динамический анализ, проблемная ситуация.

Keywords: Federal State Educational Standards of the new generation, systems thinking, method of factor-dynamic analysis, problematic situations.

Последние четыре-пять лет в системе образования Российской Федерации ведется интенсивная работа по развитию системы Федеральных государственных образовательных стандартов, разработке их нового поколения, касающихся в том числе военного образования.

Предлагаемые изменения многоаспектные, но цель настоящей статьи – обратить внимание на одно новшество, касающееся содержания, требуемых знаний и компетенций выпускников в укрупненной группе направлений 55.00 «Военное управление».

В содержании первой группы универсальных компетенций (УК-1), наряду с требованием знания и умения применять в деятельности «основных направлений зарубежной и отечественной философии, принципов и категорий диалектики, формально-логических законов, методологии научного познания и методов анализа социальных процессов, традиционных духовно-нравственных ценностей и мировоззренческих основ российского общества», включено требование знать и уметь применять в деятельности «принципы

и приемы системного и критического мышления» [8]. Авторы статьи выражают свое одобрение включению в проект ФГОС этих требований и сожалеют только о том, что в них отсутствует творческое мышление, которое, так же, как и критическое, относится к подвидам системного.

Системное мышление не является чем-то новым в военном образовании. Например, в «Комплексной задаче по управлению повседневной деятельностью частей и соединений РВСН» (2015 г.), уже трижды переизданной в ВА РВСН имени Петра Великого, в целевой установке на первом месте стоит цель: «привитие обучаемым и развитие системного образа мышления в управленческой деятельности, умений и навыков системного анализа» [4]. Нет сомнения в том, что такие цели в обучении ставились и в других военных вузах.

Однако в этом примере имелось в виду системное мышление, основанное на методологии системного подхода в исследовании объектов и явлений уровня его развития 60–80-х годов прошлого века.

К тому времени в научных сообществах разных стран появилось понимание того, что мир меняется с таким ускорением, а системы, особенно эргатические, к которым относятся социальные, в том числе и военные, настолько сложны в своем поведении, что в решении возникающих проблем порой оказывается бессильной даже математика, количественные методы исследований.

По этому поводу американский системолог, разработчик теории системной динамики и сильный математик Джей Форрестер еще в 1969 г., отмечая низкую результативность количественных методов решения проблем и объясняя ее ошибочным подходом исследователей, писал:

«Они уделяют большое внимание математике, а не практике. Большую часть исследований по процессам принятия решений начинали люди, мало знакомые с практикой управления и политического руководства... Но математика слаба, когда сталкивается со всей сложностью и нелинейностью реальных ситуаций; поэтому упрощение исходных предпосылок увело работу в сторону от реальных проблем» [New York, «Times», 1969 January, 11].

Надежды и ожидания от применения математических методов моделирования и имитации с использованием развивающихся в тот период вычислительных средств также не вполне оправдались: социальные системы и их поведение сложнее, чем можно было предполагать, не говоря уж о хаотичных экологических системах.

Именно по этим причинам в исследованиях таких систем в последние десятилетия XX и начала XXI веков проходил процесс переориентации на разработку более всеохватывающей методологии, в которой методы количественного анализа как составная часть методологии исследования систем дополняются иными методами, в том числе и формальными, характерными для формальных наук, к которым можно отнести системное мышление как научное направление (со своими понятийным аппаратом, принципами, приемами, способами и методами).

В научных источниках мышление определено как «высшая ступень человеческого познания процесса отражения объективной действительности» [9].

Как замечательное, уникальное свойство, мышление присуще только человеку, что под-

тверждается определением. Как наука, оно мультидисциплинарно — опирается на достижения психологии, нейрофизиологии, логики, кибернетики и некоторых других неформальных наук.

В последние десятилетия у человека появился опасный конкурент — искусственный интеллект, обладающий способностью мыслить и даже говорить.

Правда, этот конкурент — порождение того же человеческого мышления и его опасность может проявиться только в том случае, если он каким-либо образом выйдет из-под контроля человека.

Немногим ранее искусственного интеллекта, в середине XX века, начался переходный период: от господствующего в течение около шести веков аналитически-редукционистского мышления к системному или, можно назвать, синтетически-аналитическому его виду [1].

В конце XX и начале XXI веков по научному направлению системного мышления и его подвидам (критическому, творческому, нестандартному и и.д.) в печати появился ряд публикаций зарубежных, советских и российских авторов: Аверьянова А.Н., Акоффа Р.Л., Боно Эд., Бутенко А.В., Гараедаги Э., Гвишиани Д.М., Ксенчука П., Махнина В.Л., Медоуза Д., О'Коннора Д., Пола Р., Сенге П. и др.

После предварительного изучения и анализа содержания этих работ, с точки зрения его пригодности для адаптации к специфике военного управления и использования при подготовке реализации требований ФГОС нового поколения в учебном процессе, авторы статьи выбрали в качестве базовых источников работы Акоффа Р.Л., Боно Э., Медоуза Д. и О'Коннора Д. Они — известные ученые и специалисты в областях системологии и менеджмента, психологии и нейрофизиологии, биологии и системного моделирования, нейролингвистического программирования (соответственно порядку перечисления их фамилий), а также являются авторами опубликованных в России книг — «Акофф о менеджменте» и «Искусство решения проблем», «Серьезное творческое мышление», «Азбука системного мышления», «Искусство системного мышления» (соответственно тому же порядку).

С точки зрения потребностей авторов статьи, для перечисленных четырех авторов и их трудов, характерны общие достоинства и, увы,

общий недостаток: все они используют системный подход в исследованиях и изложении их результатов, а их труды направлены на развитие методологии решения проблем в сложных системах; предлагаемые ими приемы, способы и методы действий при решении этих проблем ориентированы преимущественно на потребности бизнеса и менеджмента, и только в незначительной части — экономики и экологии.

Как научное направление, системное мышление и его подвиды относится к формальным наукам, которые изучают абстрактные системы. Абстрактными называют системы, элементами которых являются понятия, а взаимосвязями — постулаты и аксиомы, т.е. нечто очевидное, не требующее доказательств [1]. Мышление, как раз, и оперирует понятиями и их взаимосвязанными структурами — суждениями, умозаключениями и теориями.

Таким образом, системное мышление можно определить как процесс отражения в сознании человека объективной действительности понятиями и методами системного подхода, из состава которых центральными являются следующие.

Объективная действительность окружающего нас мира представляет собой бесконечную по уровням иерархии систему, в которой система любого уровня является частью системы следующего кверху уровня и, одновременно, надсистемой для системы следующего вниз уровня.

Система — это целостность, существование которой обеспечивается взаимосвязями и взаимодействием ее частей (подсистем) для достижения определенной цели. Она существует только тогда, когда функционирует и проявляются ее особые, эмерджентные свойства, обеспечивающие достижение цели, которыми не обладает ни одна из ее частей.

Системы классифицируются по многим признакам, присущих системе в целом и ее частям. Наиболее общая классификация (по целенаправленности или нецеленаправленности) разделяет системы на детерминированные (механизмы), анимационные (живые организмы), социальные, экологические.

Воинские формирования относятся к социальным, сложным, эргатическим системам. Их сложность определяется двумя параметрами: количеством элементов (деталей) и взаимосвязей между ними. У каждого элемента системы

могут быть от двух взаимосвязей и больше. Поэтому в сложных системах количество взаимосвязей может быть во много раз больше количества элементов.

Взаимосвязанные элементы составляют структуры: части (подсистемы), элементы и связи между ними. Структура определяет сложность и поведение (изменение состояния во времени) системы. Поэтому сложность ее делится на детальную и динамическую (соответственно количеству элементов и взаимосвязей). Наибольшее влияние на поведение системы оказывают именно взаимосвязи. Они делятся на: прямые и опосредованные (через другие элементы), обратные, корреляционные (определяющие взаимозависимость объектов), причинно-следственные (обусловленность существования объектов).

Наиболее обобщенное определение обратной связи (далее по тексту — ОС) — энциклопедическое: «воздействие результатов функционирования какой-либо системы (объекта) на характер этого функционирования» [9].

Далее в приведенном источнике объясняется: если влияние ОС усиливает результат функционирования — она положительная и обычно приводит к неустойчивой работе системы; если же ОС ослабляет результат, то она отрицательная и стабилизирует функционирование системы. При этом необходимо уточнение: усиливает — вовсе не означает обязательно рост результата, он может и убывать, и усиление в этом случае будет в направлении сокращения результата.

Из сказанного здесь о взаимосвязях в системе и понимания того, что все элементы системы взаимосвязаны, а изменение в любом элементе передается в модифицированном виде и воздействует на все другие элементы, которые в совокупности воздействуют на функционирование систем в целом и его результат, вытекает: сама система представляет собой замкнутый контур обратных связей с входами и выходами, ее структуру можно представить в виде паутины, узлами которой являются элементы системы, а нитями — взаимосвязи в виде обратных связей. Вспомним, когда ветер дует на паутину, она до определенной его силы не рвется, а выгибается. А если ветер прекратился, то паутина занимает прежнее положение. Системы таким же образом реагируют на возмущения. Они склонны к стабильным состояниям.

На основе приведенных выше и других теоретических положений в публикациях Д.Медоуза [6] и Д.О'Коннора [7] разработаны способы моделирования поведения систем — организаций (объектов) и систем — проблемных ситуаций во времени.

Модели поведения систем-организаций (объектов) [6] — в форме двух-координатных графиков изменения уровней (количества) запасов в системе в зависимости от изменения скоростей (частот) входящих и исходящих потоков материально-технических и нематериальных (например, информации) ресурсов, потребляемых системой для достижения цели ее функционирования. При этом: запас — количество накапливающегося в системе ресурса, а поток — мера изменения количеств входящего в систему и исходящего из нее ресурса [6]. И поскольку запас (уровень), например, боеготовности или боеспособности — это синтез нескольких разных ресурсов (личного состава, образцов вооружений и техники, электроэнергии, ГСМ и т.п.), то графическое моделирование может оказаться довольно громоздким, требующим соответствующих баз данных и непрерывных расчетных операций. Поэтому его целесообразно осуществить на компьютерах. Особенно при исследовании таких сложных систем, какими являются воинские формирования уровня частей, соединений и выше.

Поведение систем — проблемных ситуаций PS можно моделировать другим способом — системного причинно-следственного моделирования, предложенного в [7], базовыми элементами которого являются контуры усиливающей и уравнивающей (балансирующей) обратных связей в виде диаграмм двух или нескольких коррелирующих факторов влияния на развитие проблемных ситуаций.

Графически системная диаграмма в виде замкнутого контура усиливающей обратной связи

коррелирующих факторов влияния на PS представлена на рис. 1.

Причинно-следственная модель в целом также будет представлять замкнутый контур обратных связей, построение и анализ которого осуществляются по правилам [7]:

- если при изменении одного фактора следующий за ним (по часовой стрелке) изменяется в том же направлении (прибавляет или убывает, увеличивается или уменьшается), то первый усиливает второго (знак «плюс»);

- если при изменении одного фактора следующий за ним изменяется в другом направлении, то первый уравнивает второго и это уравнивающая обратная связь (знак «минус»);

- тип (характер) контура любого уровня иерархии и сложности (количества звеньев — элементов) зависит от количества отрицательных (уравнивающих) ОС: если оно четное, то контур ОС — усиливающий, если оно нечетное — контур, в целом, уравнивающий;

- знаки связей между двумя одинаковыми элементами (запасами или потоками) всегда положительные («плюсы»), а между элементами «запас-поток» или «поток-запас» — всегда отрицательные («минус»);

- любой элемент (фактор влияния), в зависимости от ситуации и места в системе, может выступать в роли как запаса, так и потока.

Причинно-следственные модели на базе диаграмм, как будет показано на рисунках статьи, способны по результатам их факторно-динамического анализа предоставить исследователю достоверную информацию о поведении системы проблемных ситуаций в будущем и концептуальные идеи решения проблем.

Приведенные выше теоретические положения системного мышления представляются достаточными для достижения цели этой статьи. Но, как было уже отмечено, в проектах ФГОС

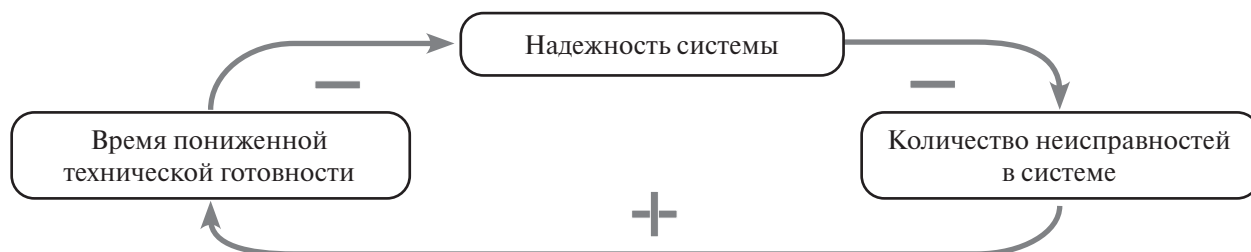

Рис. 1. Системная диаграмма в виде замкнутого контура усиливающей обратной связи коррелирующих факторов влияния на PS

нового поколения речь ведется и о других подвигах системного мышления, имеющие свои цели, принципы, приемы и способы. Представляется поэтому необходимыми хотя бы определения этих процессов.

Творческое мышление — это отраженный в сознании человека процесс поиска, основанных на методологии системного подхода, новых идей создания (достижения) выдающихся уникальных произведений (результатов). По [5] этот процесс подразделяют на 4 этапа: 1) постановка и уяснение творческой проблемы по результатам анализа проблемной ситуации; 2) поиск основной идеи ее решения — центральный этап, осуществляемый посредством использования как формально-логических (индукции, дедукции), так и интуитивно-логических методов (абстракции, аналогии, сравнения, интуиции, воображения, догадки — озарения); 3) разработка творческой идеи — ее уточнение и обоснование, очищение от ложных элементов, повышение вероятности ее результативности; 4) реализация творческих результатов на практике. Особенностью военного творчества на этом этапе является субъектное единство замысла и организации исполнения.

Критическое мышление — это отраженный в сознании человека процесс анализа и оценки необходимой в жизнедеятельности информации с точки зрения ее достоверности и пригодности для дела, ответы на вопросы: «Чему доверять?» и «Как в этом случае поступать?».

Авторы статьи полагают, что перечисленные в ней системное мышление и его подвиды (критическое и творческое) как научные направления имеют непосредственное отношение к методологии решения проблем, возникающих в сложных системах, к которым относятся воинские формирования, и их включение в содержание первой группы универсальных компетенций, необходимых специалистам, относящимся к укрупненной группе специальностей 55.00 «Военное управление», обоснованно и своевременно.

Однако важны не столько названия изучаемых дисциплин (модулей), сколько их содержание, место и значение в учебных планах и образовательных программах вузов, организация и методика их усвоения.

Литературы, отражающей их теории и практики, в мире предостаточно, а в нашей стра-

не — достаточное количество, преимущественно переводной, с языков западных стран и, естественно, ориентированной на потребности бизнеса и менеджмента. А специфика военных управления и деятельности такова, что многие из предложенных в этих источниках принципы, способы и даже методы мало пригодны для их условий, особенно в том, что касается ограничений в действиях, неопределенности обстановки и требуемой оперативности, не говоря уж о физических и психических нагрузках. Поэтому необходимы тщательный отбор содержания дисциплин (модулей), подходящих способов действий и методов, а также разработка новых или адаптированных к специфике войсковых условий методов.

Другой аспект этой проблемы — кто и как будет обучать (направлять в освоении программы) слушателей и курсантов: представители гуманитарных кафедр (судя по содержанию УК-1) или специалисты военного управления?

Пока не известно, каким будет решение этого вопроса, но мы убеждены в том, что практику по освоению использования методов системного мышления в управленческой деятельности должны возглавить специально подготовленные, имеющие значительный войсковой опыт службы на командно-штабных должностях, военные управленцы. Это убеждение особенно актуально в подготовке магистров и адъюнктов — будущих командиров частей и соединений, научных сотрудников и преподавателей вузов.

Исходя из этого убеждения, в ВА РВСН имени Петра Великого ведется работа по подготовке научно-методических материалов реализации ФГОС нового поколения, в которой участвуют и авторы статьи. В частности, ими разработан ряд методов, основанных на теоретических положениях перечисленных выше источников по системному и творческому мышлению.

К ним относятся адаптированные к специфике военного управления взаимосвязанные методы осуществления основных функций процесса подготовки и принятия решений проблем: факторно-динамического анализа проблемных ситуаций; поиска и формирования альтернативных вариантов решения проблем; сравнительного анализа, оценки (ранжирования) и выбора оптимального или пригодного варианта.

Перечисленные методы разработаны путем анализа, оценки и развития (адаптации к специфике военно-управленческой деятельности), синтеза и алгоритмизации понятий, принципов и способов (формальных методов) источников, на которые делаются ссылки.

Экспериментальная проверка достоверности, достоинств и возможностей этих методов

осуществлялась путем реконструкции известных авторам по собственному управленческому опыту проблем и успешных их решений, сравнения содержания последних с полученными результатами применения к старым проблемам разработанных новых методов.

При проверке представленного в этой статье метода факторно-динамического анализа в

Структура факторно-динамического анализа (ФДА) проблемных ситуаций

I. Основные понятия

Проблемная ситуация – наблюдаемое отклонение фактических значений $N_m^{\text{факт}}$ каждого m -го параметра цели (результата функционирования) объекта управления от желаемых (эталонных) значений $N_m^{\text{эт}}$

$$PS = N_m^{\text{эт}} - N_m^{\text{факт}}, \text{ мсМ} \gg [3]$$

и неопределённость в выборе способа его устранения.

Факторный анализ – метод исследования, который позволяет определить влияние той или иной переменной на развитие проблемной ситуации, а также понять взаимосвязи между факторами, влияющими на итог деятельности (функционирования) [12].

Динамический анализ – метод, с помощью которого прослеживается траектория перехода системы от одного состояния равновесия к другому [10].

Факторно-динамический анализ – управленческий метод анализа и моделирования коррелирующих факторов влияния и обратных связей между ними в проблемных ситуациях,

II. Формулировка и описание PS

1. Содержание формулировки: наименование параметра (-ов), фактическое значение которого (-ых) отклонилось от желаемого (эталонного) и возможные последствия этого отклонения.
2. Структура содержания описания PS : её формулировка; соответствующие PS сведения о состоянии факторов внутренней и внешней сред объекта управления (системы S_{ou}); пространственные и временные границы исследования PS ; возможные последствия в развитии

III. Разработка системной причинно-следственной модели PS

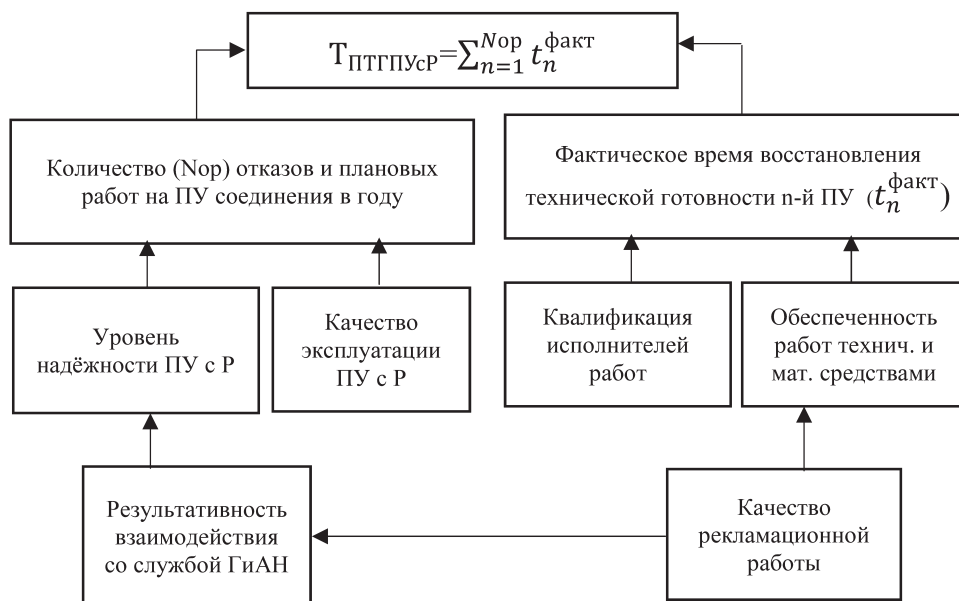
1. Определение цели причинно-следственного моделирования проблемной ситуации P_s , пространственных и временных границ исследования.
2. Анализ коррелирующих факторов влияния на PS , характер их корреляции в иерархии системных диаграмм (рис. 3).
3. Разработка причинно-следственной модели системы «проблемная ситуация» для прогнозирования её (P_s) развития (существования проблемы), определение типов обратных связей между её элементами (рис. 4). Динамический анализ работы модели.
4. Динамический анализ и определение возможных изменений в элементах модели с целью приведения её функционирования и его результатов в требуемое для решения проблемы состояние равновесия (рис. 5).

IV. Содержание выводов по результатам ФДА PS

1. О степени достижения цели ФДА PS .
2. О результате проверки факта возникновения или отсутствия проблемы в системе объекта управления.
3. О наиболее целесообразном способе обращения с возникшей проблемой: игнорирование, поиск любого удовлетворительного решения, выбор оптимального решения, устранение проблемы путем изменения структуры объекта управления.
4. О замысле решения проблемы или действий с целью её устранения (содержаниях их концепций).

Рис. 2. Структура факторно-динамического анализа проблемных ситуаций

Результаты анализа и иерархия коррелирующих факторов влияния на проблемную ситуацию (PS)

Проблемная ситуация: тенденция роста суммарного годового времени ($T_{ПТГ}$) нахождения части ПУ с Р соединения в пониженной технической готовности до значений, превышающих нормативное (эталонное) значение, рассчитанное с учётом гарантированного уровня надёжности этой системы:

$$T_{ПТГПУсР}^{факт.} \geq T_{ПТГПУсР}^{эталон.}$$

- ПУ с Р - пусковая установка с ракетой;
 $t_n^{факт}$ - фактическое время восстановления технической готовности n-й ПУ с Р при проведении плановых (регламентных) работ и устранении неисправностей;
 СГ и АН - служба гарантийного и авторского надзора.

Рис. 3. Результаты анализа и иерархия коррелирующих факторов влияния на конкретную проблемную ситуацию PS

качестве объекта реконструкции было выбрано имевшее в 90-х годах прошлого века в одном из ракетных соединений отклонение суммарного времени (за год) понижения технической готовности нескольких пусковых установок ($T_{ПТГ}$) от допустимого, расчетного, исходя из гарантированного уровня надежности системы.

Проблемная ситуация заключалась в том, что: отклонение было минимальным и не было ясности – случайность это или реальная проблема, закономерная тенденция роста отклонившегося параметра; если имеет место закономерная тенденция, то какие следовало принять меры в существующей тогда реальной обстановке, воз-

никшей в результате сложной экономической ситуации в стране, сильно урезанного финансирования оборонной промышленности и войск. В силу этих обстоятельств предприятия оборонной промышленности, служба гарантийного и авторского надзора, а также деморализованные в определенной степени войска, с трудом справлялись с задачей поддержания уровня надежности сложных систем вооружения в заданных пределах. В первую очередь проблема касалась соединений, в которых гарантированный срок эксплуатации БРК подходил к концу.

На рис. 2, 3, 4 и 5 представлены: на рис. 2 – структура факторно-динамического анализа

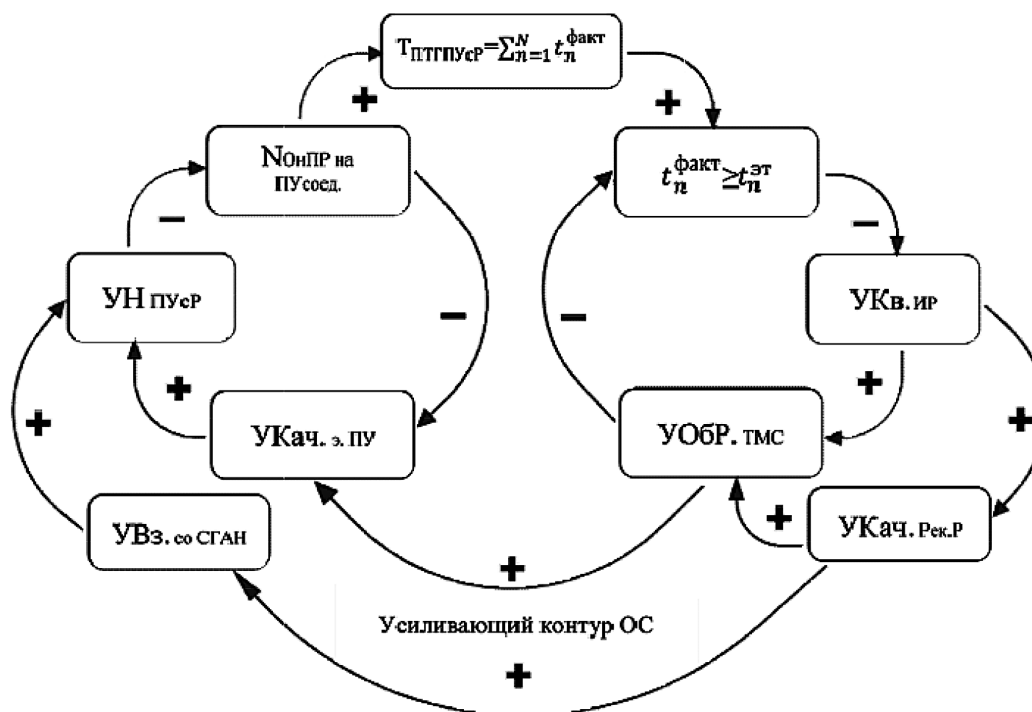
(ФДА) проблемных ситуаций; на рис. 3 – результаты анализа и иерархия коррелирующих факторов влияния на проблемную ситуацию (конкретную, приведенную выше в качестве предмета экспериментальной проверки метода ФДА); на рис. 4 – системная причинно-следственная модель проблемной ситуации – ее состояние на стадии подтверждения факта наличия проблемы в объекте управления; на рис. 5 – системная причинно-следственная модель проблемной ситуации на стадии определения «точек приложения рычага (усилий)» – концептуальных идей решения возникшей проблемы.

Усиливающий контур ОС модели $\mathcal{PS}$ (Рис. 4) – результат I этапа исследования – подтверждает наличие в соединении проблемы, поскольку работа модели показывает усиливаю-

щий характер ОС в системе $\mathcal{PS}$ и, следовательно, продолжение отклонения суммарного годового $T_{\text{ПТГПусР}}$ соединения от расчетно-допустимого.

Уравновешивающий контур ОС модели $\mathcal{PS}$ (рис. 5) – результат II этапа исследования – подтверждает: из показанных поведением системы $\mathcal{PS}$ двух точек приложения рычага (№ 1 и № 2) – качество эксплуатации и минимизацию $t_n^{\text{факт}}$ путем повышения уровня квалификации исполнителей работ мы выбираем последний, поскольку с первой точкой приложения рычага связаны факторы влияния не вполне подконтрольные командованию соединения (факторы в большей степени подконтрольные руководству оборонной промышленности).

Таким образом, достоинство системного мышления и его подвидов (творческого, крити-

$T_{\text{ПТГПусР}}$	– время понижения технической готовности части ПУ соединения в течение года;
NOиПР на ПУсоед.	– количество отказов и плановых работ на этих ПУ за тот же год;
$t_n^{\text{факт}}$	– время устранения неисправности (проведения работ и восстановления готовности) n-й ПУ;
УН ПУсР	– уровень надежности ПУ и ракет;
УКач. э. ПУ	– уровень качества эксплуатации РВО в соединении;
УОБР. тмс	– уровень обеспечения работ техническими и материальными средствами;
УКв. ир	– уровень квалификации исполнителей работ;
УВз. со СГАН	– уровень результативности взаимодействия со службой гарантийного и авторского надзора;
УКач. Рек.Р	– уровень качества рекламационной работы;
ОС	– обратная связь.

Рис. 4. Системная причинно-следственная модель $\mathcal{PS}$. Усиливающий контур ОС модели $\mathcal{PS}$
 «Тенденция роста Тптг нахождения части ПУ соединения в пониженной технической готовности до значений, превышающих нормативное»

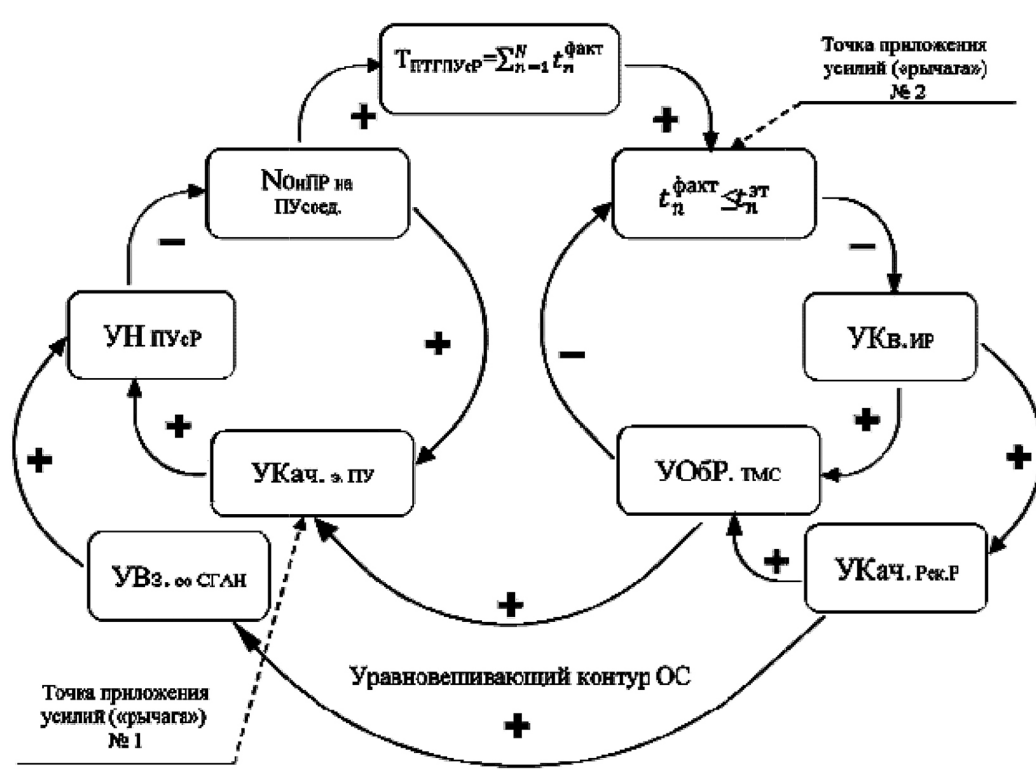

Рис. 5. Системная причинно-следственная модель *PS*.
Уравновешивающий контур ОС модели *PS* «Тенденция роста Тптг нахождения части ПУ соединения в пониженной технической готовности до значений, превышающих нормативное»

ческого) заключается в том, что они позволяют дополнить количественные методы системного анализа иными, формальными методами, которые не всегда столь же однозначны, как математические, но в случаях сложных и нелинейных проблемных ситуаций могут стать единственным средством обоснованного и оперативного принятия решений. Разумеется, при наличии у ЛПР достаточных опыта и навыков работы с ними.

Преимущества системного мышления заключаются еще в том, что его применение в совокупности с критическим позволяет им самосовершенствоваться, развиваться, поскольку одним из важнейших принципов является требование подвергать сомнению наши иногда беспомощные ментальные модели, то есть даже некоторые свои убеждения.

Представленный в статье метод факторно-динамического анализа проблемных ситуаций дает возможность: подготовить данные для моделирования сложной проблемной ситуации; разработать саму ее причинно-следственную модель; убедиться в существовании проблемы и прогнозировать ее развитие; определить «точки

приложения рычага (усилий)» для ее решения и, на этой основе, сформулировать его концепцию (замысел; сформировать «веер концепций» [2], лежащий в основе разработки следующего метода — поиска и формирования альтернативных вариантов решения проблемы. А эти варианты решения станут объектом анализа, оценки (ранжирования) и выбора оптимального или пригодного варианта.

По существу, эти взаимосвязанные по цели и научным основам методы составляют единый научно-методический аппарат подготовки и принятия решений.

Системное мышление иногда называют контурным. Название вполне правомерное потому, что мысль исследователя, пробегая по контурам отдельных диаграмм и их системы в целом, может получить ответы не только на вопросы с чего начинать и что в системе изменить. Но, при условии хорошего знания технологий функционирования объекта управления, анализ поведения модели проблемы ответит также на вопросы, какими способами осуществить эти изменения.

Разумеется, инновационный потенциал системного мышления и его подвидов не может реализоваться одним лишь вводом в действие ФГОС нового поколения. Не менее важным в

его реализации являются организационные и научно-методические усилия вузов по обеспечению высокого качества и полноты выполнения требований этих стандартов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Акофф Р.Л. Акофф о менеджменте / Пер. с англ. Под ред. Л.А. Волковой. СПб.: – Питер, 2002.
2. Боно Эд. Серьезное творческое мышление / Пер. с англ. Д.Я. Оноцкая. Мн.: – Попурри, 2005.
3. Дехтяренко В.А. Системное мышление в управлении организациями: учебно-методическое пособие. – Мн.: БНТУ, 2013.
4. Маркитан Р.В., Доронин А.В., Котов А.А. Комплексная задача по управлению повседневной деятельностью частей и соединений РВСН / Учебное пособие. – М.: ВА РВСН, 2015.
5. Махнин В.Л. Основы военно-научных исследований / Учебное пособие. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2020.
6. Медоуз Д. Азбука системного мышления / Пер. с англ. Д. Романовского [Науч. ред. А.Савкина] – М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2018
7. О'Коннор Д.В. Искусство системного мышления (необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем) / Д.О'Коннор и И. Макдермот. – М.: Альпин Бизнес Букс, 2006.
8. Письмо Департамента государственной политики в сфере ВО Минобрнауки России № МН-5/169012 от 02.05.2023. О разработке ФГОС нового поколения.
9. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет / А.М. Прохоров (пред.) – М.: Советская энциклопедия, 1981.
10. Словарь по экономике /Пер. с англ. П.А. Ватника/– М., 1988.
11. Ходос Е.А., Бутенко А.В. Критическое мышление: метод, теория, практика. Учебно-методическое пособие. – Красноярск, 2002.
12. <https://finzz.zu/faktorny-i-analiz-metody-vidy-i-modeli.html>.

V.P. GERASIMOV,
A.P. STEPANOV,
YU.F. SHLYK

В.П. ГЕРАСИМОВ,
А.П. СТЕПАНОВ,
Ю.Ф. ШЛЫК

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВОЕННЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**MAIN DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF EDUCATIONAL
ACTIVITIES IN UNIVERSITIES OF THE MINISTRY OF DEFENSE
IN MODERN CONDITIONS**

В статье актуализирована потребность совершенствования деятельности военных образовательных организаций высшего образования Министерства обороны Российской Федерации, раскрыта система образовательной деятельности, представлены основные направления ее совершенствования.

The article updates the relevance of improvement of the activities of military educational organizations of higher education of the Ministry of Defense of the Russian Federation, reveals the system of educational activities and presents the main directions of its improvement.

Ключевые слова: обучение, воспитание, образование, подготовка военных кадров, образовательная деятельность, методическая деятельность, научная (научно-исследовательская) деятельность.

Keywords: training, upbringing, education, training of military personnel, educational activities, methodological activities, scientific (research) activities

В соответствии с положениями Военной доктрины Российской Федерации повышение качества подготовки кадров и военного образования, а также наращивание военно-научного потенциала определены в качестве основных приоритетов развития военной организации государства [1]. Необходимость совершенствования деятельности военных образовательных организаций высшего образования Министерства обороны Российской Федерации (далее вузов) определяется новыми условиями функционирования Вооруженных Сил, которые характеризуются:

- развязыванием против России гибридной войны, созданием очагов военных конфликтов вокруг ее границ;
- проведением специальной военной операции на Украине, масштабным ведением боевых действий, внедрением новых приемов и способов выполнения боевых задач и массовым применением новых образцов вооружения, военной и специальной техники (далее ВВСТ);
- реализацией подходов к управлению войсками и оружием с использованием информационных технологий;
- планируемым увеличением боевого состава Вооруженных Сил.

Кроме того, современные достижения науки, техники и технологий обуславливают возможность разработки и внедрения в учебный процесс вузов новых средств обучения, обеспечивающих эффективное освоение учебного материала.

Подготовка военных кадров осуществляется в вузах Министерства обороны, которые являются основным источником восполнения потребности Вооруженных Сил в военных кадрах.

Успешному ведению образовательной дея-

тельности в вузах препятствует определенное объективное противоречие между расширением объема содержания обучения и его усложнением — с одной стороны, и снижением возможностей по освоению этого содержания — с другой.

Наличие данного противоречия, его проявление в образовательном процессе вузов описывалось в некоторых источниках [2–5]. Одна сторона данного противоречия — увеличение объема содержания обучения и его усложнение — обусловлена научно-техническим прогрессом и современной военно-политической обстановкой. В ходе проведения специальной военной операции российская армия противостоит научно-техническому потенциалу более чем 50 стран. Появление новых средств ведения боевых действий, таких как беспилотные летательные аппараты (БПЛА) и робототехнические комплексы (РТК), управляемые дистанционно, средства связи и автоматизированные системы управления (АСУ) войсками и оружием, внедрение в системы военного назначения искусственного интеллекта, обуславливает появление новых приемов и способов выполнения боевых задач. Интересно проследить динамику интенсификации внедрения новых образцов ВВСТ наиболее развитыми странами в ходе вооруженных конфликтов (табл. 1).

Вполне естественно, что и увеличение объема содержания обучения, и его усложнение предполагают соответствующее увеличение времени на его освоение.

Рассмотрим другую сторону данного противоречия — снижение возможностей по освоению содержания обучения. Это снижение проявляется двояко. Во-первых, как относительное уменьшение времени на освоение содержания обучения. Это уменьшение времени обусловле-

Таблица 1

Тенденция повышения количества новых образцов ВВСТ и интенсивности их внедрения при ведении военных конфликтов

№ п/п	Название военного конфликта	Исторический период	Количество новых образцов ВВСТ
1.	Корейская война (Северная Корея и Южная Корея)	с 1950 по 1953 г.	9
2.	Вьетнамская война	с 1959 по 1975 г.	25
3.	Ирано-иракская война (Иран, Ирак, Кувейт)	с 1980 по 1988 г.	30
4.	Война в Ираке (США-Ирак)	с 2003 по 2011 г.	более 100
5.	Военная операция ВС РФ в Сирии	с 2015 по 2017 г.	более 300

но тем обстоятельством, что появление нового элемента содержания обучения (новой учебной дисциплины или новой учебной темы, нового образца оружия) неизбежно вынуждает уменьшать время на остальные предметы и темы в рамках данной организации учебного процесса в вузе.

Во-вторых, появление нового, более сложного вооружения, как правило, требует определен-

ного уровня подготовленности личного состава, обеспечивающего способность к освоению ВВСТ, в связи с тем, что личный состав с недостаточным уровнем образования объективно не способен освоить более сложное содержание обучения в установленное время [5].

Данное противоречие практически всегда присутствует и в образовательной деятельности вузов, и в процессе боевой подготовки войск.

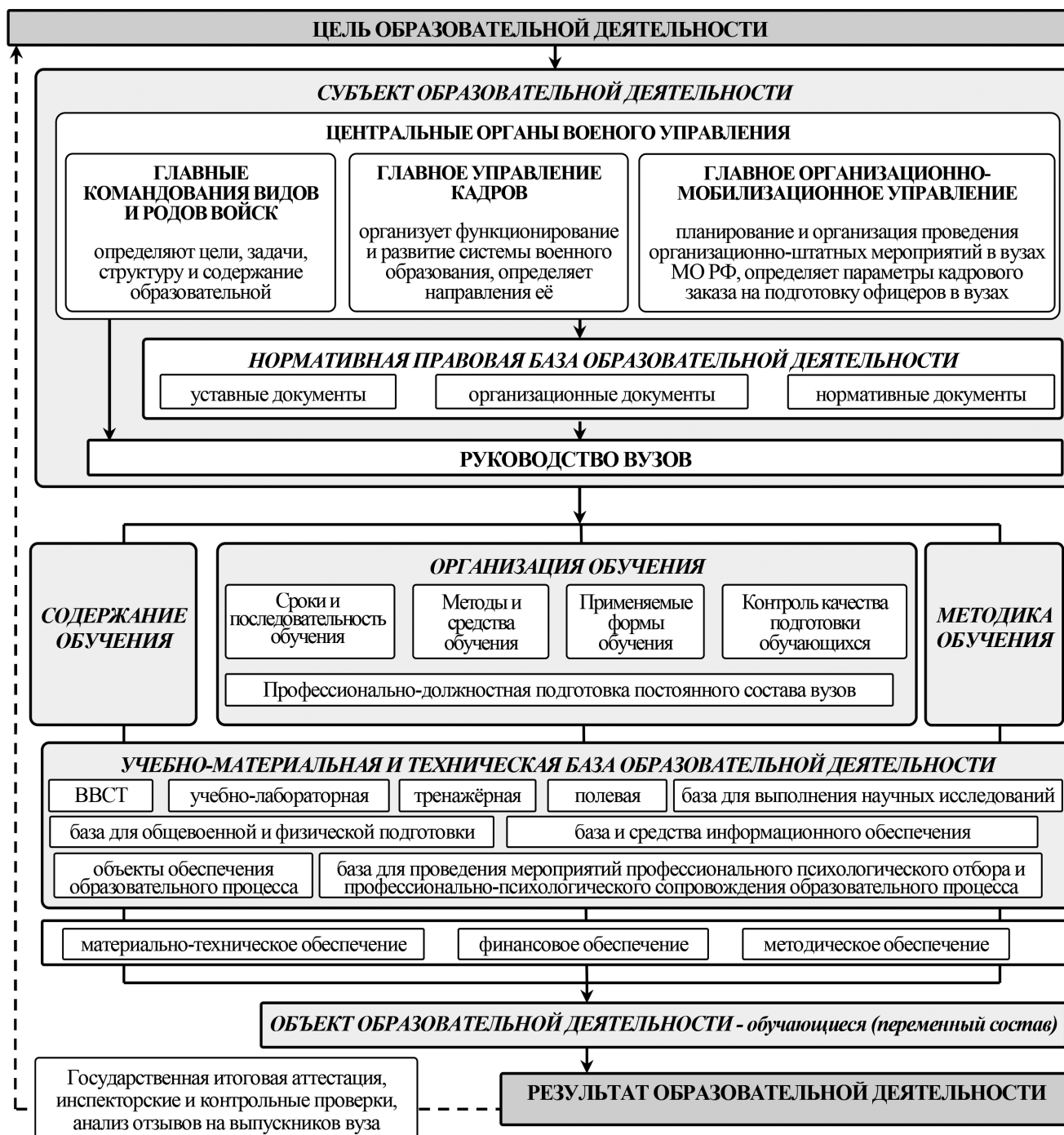

Рис. 1. Система образовательной деятельности

Однако нарастание этого противоречия рано или поздно вынуждает находить пути его решения.

В интересах определения наиболее эффективных направлений совершенствования образовательной деятельности вузов рассмотрим ее с позиции системного подхода, который позволяет последовательно и детально изучить совокупность элементов, образующих систему образовательной деятельности как целостную структуру, служащую достижению целей обучения. Анализ нормативных правовых актов Российской Федерации [6–9] и проведенные ранее исследования [2–5] позволили представить образовательную деятельность вузов как систему (рис. 1).

Рассмотрим наиболее перспективные, на взгляд авторов, направления совершенствования образовательной деятельности вузов.

В качестве первого направления следует выделить комплекс мероприятий по совершенствованию содержания обучения, которое представляет собой совокупность дидактических единиц (компетенций), отраженных в федеральных государственных образовательных стандартах, квалификационных требованиях, учебных (рабочих) программах дисциплин (практик), уставах, наставлениях, руководствах, курсах стрельбы и вождения, сборниках нормативов, овладение которыми позволяет выпускнику вуза эффективно выполнять должностные обязанности при назначении на первичные офицерские воинские должности.

В современных условиях при совершенствовании содержания обучения необходимо строго руководствоваться принципом практической направленности — в военной терминологии: «Учить тому, что необходимо на войне». Будущие офицеры должны быть максимально подготовлены к выполнению задач по руководству подчиненными подразделениями в условиях современной войны, а не учиться в ходе выполнения боевых задач.

Сбор, анализ, обобщение и внедрение опыта боевых действий в практику подготовки будущих офицеров, младших специалистов и войск на сегодняшний день является одной из самых актуальных задач развития Вооруженных Сил России в целом и совершенствования образовательной деятельности вузов в частности.

Говоря о внедрении боевого опыта, в ходе выступления на заседании коллегии Министерства обороны 19 декабря 2023 года Президент Российской Федерации указал: «такого опыта ведения современной вооруженной борьбы, как армия России, в мире никто не имеет. Но этот опыт реально нужно использовать для дальнейшего совершенствования подготовки военных кадров» [10].

Система обобщения и внедрения боевого опыта, созданная в Вооруженных Силах, должна обеспечивать сокращение времени от выявления положительных моментов в практике выполнения боевых задач отдельными военнослужащими (применения отдельных образцов ВВСТ), эффективного боевого применения подразделений до появления этого опыта (уже «обработанного») на страницах учебников, учебных пособий, рекомендаций, руководств, наставлений, справочников и т.д. На выполнении данной задачи должны быть сосредоточены усилия всех научных и научно-педагогических коллективов вузов.

Одной из проблем в данном направлении является то, что не во всех вузах Министерства обороны имеются научные подразделения, обеспечивающие выполнение данных задач, а деятельность преподавательского состава достаточно жестко регламентирована: на научную работу офицерам отводится до 10% от бюджета служебного (рабочего) времени (табл. 2).

С учетом всей совокупности задач, выполняемых вузами в современных условиях, обеспечить качественное выполнение задачи обобщения и внедрения боевого опыта достаточно проблематично.

Вторым направлением совершенствования образовательной деятельности представляется введение новых воинских должностей (должностей гражданского персонала Вооруженных Сил), новых военно-учетных специальностей (ВУС).

Вводимые в вузах должности научно-педагогических работников по новым военно-учетным специальностям должны обеспечивать возможность подготовки курсантов к ведению боевых действий с учетом наличия в войсках новых образцов ВВСТ, при этом их введение должно осуществляться достаточно оперативно.

С первых дней ведения специальной военной операции стало понятно, что в современных

Таблица 2

Соотношение различных видов деятельности в годовом бюджете служебного (рабочего) времени преподавательского состава

№ п/п	Виды деятельности	Примерное соотношение видов деятельности для различных категорий преподавательского состава в годовом бюджете служебного (рабочего) времени, процентов			
		Гражданский персонал Вооруженных Сил		Офицеры	
		Высшее и дополнительное профессиональное образование	Среднее профессиональное образование	Высшее и дополнительное профессиональное образование	Среднее профессиональное образование
1	Учебная работа	20–61	40–61	20–56	30–56
2	Методическая работа	25–45	20–30	20–40	20–30
3	Научная работа	5–20	До 15	До 10	До 5
	Итого	75–95*		45–70	
4	Воспитательная работа	До 10		До 10	
5	Другие виды деятельности (ПДП, несение службы в наряде, физическая подготовка, командировки и др.)	5–25		30–55	
	Всего	100		100	

Таблица составлена на основании источников [7, 9].

условиях эффективное выполнение любой боевой задачи трудно представить без применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Однако в массовом порядке подготовка специалистов, способных обеспечивать боевое применение БПЛА, и доподготовка командиров (всех степеней), способных эффективно использовать данные, получаемые от БПЛА, организована только спустя 1,5–2 года.

Кроме того, авторы не сомневаются, что в скором будущем в состав мотострелковых и танковых подразделений будут введены подразделения робототехнических комплексов военного назначения, для обеспечения боевого применения которых потребуются соответствующие специалисты, мы не имеем права опоздать с организацией их подготовки [11].

Третьим направлением является подготовка профессорско-преподавательского состава, которая в соответствии с требованиями времени должна непрерывно совершенствоваться. Данную работу необходимо проводить и в системе профессионально-должностной подготовки, и

в рамках повышения квалификации (переподготовки), и путем самостоятельной работы, и созданием условий для подготовки и защиты диссертаций. При этом темы диссертационных работ должны нести прикладную направленность и обеспечивать развитие системы знаний по преподаваемым учебным дисциплинам, актуальным вопросам воинского обучения и воспитания. Преподаватели должны непосредственно участвовать в объяснении, описании и систематизации новых процессов и явлений.

Четвертое направление — непосредственно совершенствование учебного процесса в вузе. Путем реализации данного направления должно стать развитие всех дидактических компонентов: содержания обучения, его организации, методики, учебно-материальной и технической базы. Кратко обозначим некоторые из них. Возьмем организацию обучения в высших военных командных училищах Сухопутных войск (ВВКУ). Программа специалитета в соответствии с ФГОС, рассчитанная на 5 лет, осваивается курсантами в течение 4-х лет. Требования,

определенные федеральным законодательством, касающиеся образования, выполняются. Однако «встроить» требуемый объем зачетных единиц возможно только за счет планирования учебных занятий в часы самостоятельной подготовки. Данное обстоятельство практически лишает курсантов возможности самостоятельно закреплять полученные знания и перегружает распорядок дня. Вследствие этого существенно снижается качество подготовки выпускников ВВКУ, что неоднократно отмечалось руководством Вооруженных Сил.

Переход на реализацию программы специалитета в соответствии с требованиями ФГОС в течение 5 лет (было бы лучшим вариантом) в современной военно-политической обстановке вряд ли возможен, а увеличивающийся объем содержания обучения процесс необратимый, следовательно, требуется пересмотреть подходы к построению учебного процесса, организации и методике проведения учебных занятий и практик.

Совершенствование организации и методики обучения как элементов системы образовательной деятельности вуза рассматриваются как единое направление в связи с тем, что преобразование процесса обучения, выявление новых связей и отношений происходит в тесной взаимосвязи с совершенствованием применяемых при этом форм и методов.

В современных условиях целесообразно, на взгляд авторов, рассматривать возможность применения модульного принципа представления содержания образовательной программы и построения учебных планов, комплексирования учебных занятий, использования соответствующих форм и методов обучения и воспитания курсантов. Реализация данного принципа предполагает:

- выделение основных направлений деятельности выпускников вуза, которыми, как правило, являются боевая, организационно-управленческая, военно-техническая (эксплуатационная) и методическая (педагогическая). Перечисленные направления деятельности должны стать основными направлениями подготовки курсантов;

- проработку содержания модулей с учетом необходимости формирования требуемых компетенций для эффективного выполнения

должностных обязанностей после окончания вуза;

- подчинение основному предмету обучения как средству выполнения основных практических задач профессиональной деятельности всех учебных дисциплин, входящих в состав модуля;

- выстраивание структурно-логической схемы подготовки курсантов по военной специальности с учетом последовательности привития командно-методических навыков на разных уровнях управления (экипаж, взвод, рота, батальон). На основании этой схемы выстраивает учебный план и содержание учебных дисциплин.

Безусловно, важным элементом, обеспечивающим совершенствование учебного процесса, является учебно-материальная и техническая база. Речь, прежде всего, о различных тренажерах. В настоящее время разработано существенное количество различных типов тренажеров. Вместе с тем и их качество, и практика применения далеки от совершенства. Развитие электронно-вычислительной техники, нанотехнологий, применение в системах военного назначения искусственного интеллекта, других направлений научно-технического прогресса предоставляют широкие возможности по созданию средств обучения нового поколения, обеспечивающих эффективное освоение учебного материала [12].

Отдельно стоит сказать об уровне подготовленности кандидатов на поступление в военные училища и их мотивации. Необходимо отметить, что с каждым годом набор в вузы Министерства обороны становится все сложнее, данное положение дел отражает состояние нашего общества в целом. В связи с этим пятым направлением совершенствования образовательной деятельности вузов необходимо рассматривать повышение готовности обучающихся к освоению образовательных программ. В данном аспекте необходимо усиливать работу по участию вузов в допризывной подготовке граждан к военной службе, проведении мероприятий государственного-патриотического воспитания молодежи, менять подходы при выполнении задач военно-профессиональной ориентации.

В целом логика совершенствования образовательной деятельности вузов видится следующей:

— с поступлением на вооружение новых образцов ВВСТ, появлением новых приемов и способов выполнения боевых задач, прежде всего, уточняется содержание обучения;

— организуется подготовка (переподготовка, доподготовка) преподавательского состава и инструкторов;

— на основе достижений научно-технического прогресса создаются новые средства обучения;

— для эффективного использования этих

средств по освоению нового содержания обучения совершенствуются существующие или разрабатываются новые формы и методы обучения;

— эти новые формы «встраиваются» в учебный процесс — тем самым совершенствуется организация обучения.

Таковы, на взгляд авторов, основные направления совершенствования образовательной деятельности вузов Министерства обороны Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Военная доктрина Российской Федерации [Утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976] // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения 22.11.2020).
2. Зыков А.Н. Подготовка военных кадров в военных образовательных организациях высшего образования Министерства обороны Российской Федерации в военное время: дис. ... д-ра воен. наук: 20.01.06 / Зыков Александр Николаевич. — М., 2021. — 303 с.
3. Караваев И.Н. Развитие системы профессионально-педагогической подготовки руководящего и преподавательского состава военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации: дис. ... докт. воен. наук. — М.: ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», 2012. — 311 с.
4. Определение квалификационных требований к подготовке личного состава, эксплуатирующего безэкипажную (дистанционно-управляемую) технику, при проведении роботизации вооружения и военной техники Сухопутных войск на период до 2030 года: отчет о НИР шифр «Квалификация-РТК-ВУНЦ СВ». — М.: ВУНЦ СВ, 2021. — 126 с. Инв. 856283. (промежуточный этап 2)
5. Шлык Ю.Ф. Проблемные вопросы освоения вооружения, военной и специальной техники, поступающей на оснащение подразделений общевойсковых соединений и воинских частей / Ю.Ф. Шлык А.П. Степанов // Вестник Академии военных наук. — 2020. — № 2 (71). — С. 75-83.
6. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 27.02.2023).
7. Приказ Министра обороны РФ от 30 мая 2022 г. № 308 «Об организации образовательной деятельности в федеральных государственных организациях, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства Обороны Российской Федерации». — М., 2022. — 134 с.
8. Порядок проведения проверок военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования Министерства обороны Российской Федерации. [Утвержден и введен в действие приказом Министра обороны Российской Федерации 28.07.2020 г. № 365].
9. Примерные нормы времени по видам учебной деятельности, включаемым в учебную нагрузку педагогических работников образовательных организаций Министерства обороны, и иным выполняемым ими видам деятельности [указания статс-секретаря — заместителя Министра обороны Российской Федерации от « 4 » ноября 2017 г. № 205/2/513].
10. Расширенное заседание коллегии Министерства обороны (19.12.2023) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/73035> (дата обращения 08.10.2024).
11. Дульнев П.А. Проблемные вопросы выбора оружия для ударных робототехнических комплексов / П.А. Дульнев В.В. Кораблин // Вестник Академии военных наук. 2019. № 1(66). — С. 128–134.

S.A. ZOLOTOV,
A.YU. MOSHIN,
V.A. SHUMAEV

С.А. ЗОЛОТОВ,
А.Ю. МОШИН,
В.А. ШУМАЕВ

ПОВЫШЕНИЕ МОБИЛЬНОСТИ ОВС НАТО ПОСРЕДСТВОМ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ В ЕВРОПЕ

INCREASING THE MOBILITY OF NATO'S JOINT TROOPS BY FORMING MILITARY TRANSPORT CORRIDORS IN EUROPE

В статье вскрыты проблемы мобильности объединенных вооруженных сил НАТО в Европе и предпринимаемые для устранения этого действия. Подробно описан проект «Военная мобильность» — его участники, цель и назначение. Дано определение понятия «Военно-транспортные коридоры» и представлена предполагаемая схема их направлений в Европе. Проведен анализ проводимых мероприятий в рамках проекта «Военная мобильность» на фоне проведения специальной военной операции.

The article reveals the problems with the mobility of NATO's joint armed forces in Europe and the actions taken to achieve this. The Military Mobility project, its participants, goal and purpose are described in detail. The definition of the concept of Military Transport Corridors is given and a proposed scheme for their directions in Europe is presented. An analysis of the activities carried out within the framework of the Military Mobility project is conducted against the background of a special military operation.

Ключевые слова: мобильность, НАТО, Евросоюз, международные транспортные коридоры, военно-транспортные коридоры, постоянное структурированное сотрудничество, транспортная инфраструктура, европейский оборонный фонд, анализ мероприятий.

Keywords: mobility, NATO, EU, international transport corridors, military transport corridors, permanent structured cooperation, transport infrastructure, European defense fund, analysis of activities.

Мобильность (от лат. *mobilis* — подвижный) — это способность войск (сил) быстро перебрасываться (передвигаться), перемещаться, развертываться (в предбоевой, боевой порядок) и вести боевые действия в высоком темпе в различных условиях обстановки. Она способствует внезапности, быстрому осуществлению маневра и перегруппировок войск (сил) [1].

По мнению выступившего с официальным заявлением 23 ноября 2023 года генерал-лейтенанта Александра Соллфранка, командующего Объединенным командованием тыла ОВС НАТО (г. Ульм, Германия), мобильность объединенных вооруженных сил блока в Европе необходимо срочно повышать созданием правового механизма, позволяющего оперативно перебрасывать их через границы стран-союзниц еще

до активизации статьи 5 Североатлантического договора, а также достижением необходимого технического уровня использующихся для этого объектов транспортной инфраструктуры [2].

Сама идея, получившая название «Военный Шенген», была предложена несколько лет назад командующим сухопутными войсками США в Европе (с 2014 по 2017 годы) генерал-лейтенантом Беном Ходжесом. В настоящее время на фоне проведения специальной военной операции на Украине Вооруженными Силами Российской Федерации она приобрела особую актуальность.

Анализ документов и материалов, затрагивающих в том числе вопросы, связанные с мобильностью ОВС НАТО [3, 4], показал, что одной из основных проблем трансграничных перевозок

личного состава и ВВТ по территории Европы является несоответствие фактически затраченного на это времени и технически возможно. По мнению специалистов Центра изучения стратегического планирования ИМЭМО РАН, поставка танков из США в европейскую страну, у которой отсутствует выход к морю, технически возможна в течение 48 часов, а фактически будет занимать несколько недель [5], так как необходимо предварительное уведомление стран, по чьей территории будет осуществляться перевозка, а также учет особенностей их национального законодательства и состояния объектов транспортной инфраструктуры, участвующих при построении маршрута движения. Несмотря на то, что в случае задействования механизмов, предусмотренных статьей 5 Вашингтонского договора, НАТО может перебросить войска быстрее, в мирное время для крупных перевозок личного состава и техники требуется предварительное уведомление. Например, о перемещении американских войск из Польши в Германию Штатам требуется сообщать обеим странам за пять суток до начала операции.

В некоторых случаях, например, для перемещения боеприпасов через европейские границы, требуются специальные разрешения, которые получаются от различных министерств в разных странах, а иногда и в разных регионах одной страны.

Состояние транспортной инфраструктуры зачастую также влияет на рост временных издержек. Так как большинство ее объектов имеет гражданское назначение, на текущий момент множество дорог и мостов не может выдержать вес бронетехники, тоннели слишком малы для крупногабаритных образцов ВВТ, мосты расположены низко и не позволяют воинским колоннам и эшелонам проехать под ними, а некоторые взлетно-посадочные полосы (ВПП) не имеют возможности принимать стратегические и тактические военно-транспортные самолеты, такие как С-5М «Супер Гэлакси», С-17А «Глоубмастер-3», А.400М «Атлас» и др.

Например, немецкий железнодорожный перевозчик «Немецкие железные дороги» («DeutscheBahn») способен одновременно перевезти только полторы танковые бригады — около 4000 военнослужащих, 90 танков и 150 бронемашин. А в материалах международного агент-

ства новостей и финансовой информации «Рейтер» (Reuters) [6] утверждается, что у воинского эшелона с французскими танками «Леклерк» («Leclerk»), направлявшегося через Германию в Румынию для усиления своего подразделения в 2022 году, были сложности с перемещением через границу, поскольку его вес превышал установленные в ФРГ ограничения.

Не менее важно, что в некоторых странах Евросоюза (Латвии, Литве, Польше, Словакии, Финляндии и Эстонии) эксплуатируются железные дороги с широкой колеей (1520 мм), что не соответствует размерам «стандартной» европейской колеи (1435 мм), а пересадка тысяч солдат и перегрузка техники с одного поезда на другой во время войны сделает эту задачу еще более трудоемкой.

Существуют проблемы и с трубопроводным транспортом. Так, центрально-европейская трубопроводная система (CEPS — Central Europe Pipeline System), построенная в конце 1950-х годов на территории Бельгии, Германии, Люксембурга, Нидерландов и Франции, не охватывает нынешний «восточный фланг» НАТО, что может повлечь длительные задержки в поставках топлива (в основном авиационного, дизельного и бензина).

Таким образом, анализ вскрытых проблем позволил выявить две основные группы причин, из-за которых руководство НАТО планирует проводить мероприятия по повышению мобильности:

- бюрократические барьеры;
- недостаточная адаптация транспортной инфраструктуры европейских стран под военные нужды.

Ввиду отсутствия у НАТО полномочий изменять законодательство европейских стран и мотивировать их создавать фонды денежных средств, деятельность которых будет направлена в том числе на строительство и модернизацию объектов транспортной инфраструктуры, руководством стран Европы принято решение проводить мероприятия по внедрению «Военного Шенгена» под эгидой Евросоюза.

Первые усилия в этом направлении отмечены еще в сентябре 2017 года во время встречи глав оборонных ведомств Евросоюза в Таллине, где министр обороны Литвы Раймундас Кароблис призвал руководство ЕС создать так называемую

«военную Шенгенскую зону» [7] — организовать перемещение личного состава и военной техники по территории Европы аналогично существующему безвизовому перемещению людей и коммерческих товаров в Шенгенской зоне¹. Для реализации этого замысла и ряда других идей были созданы две организации — «Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны» (ПСС, PESCO — Permanent Structured Cooperation) и Европейский оборонный фонд (ЕОФ, EDF — European Defence Fund). Эту инициативу поддержали многие государства Европы, а ее практическая реализация стала важна как для ЕС, так и для НАТО. Свое одобрение такого замысла выразила и Европейская комиссия, которая отстаивала идею учреждения фонда, из которого могли бы финансироваться проекты по наращиванию и развитию военных мощностей и соответствующей инфраструктуры.

11 декабря 2017 года главы МИД государств-членов Евросоюза в Брюсселе одобрили расширение военного сотрудничества в Европе в рамках программы ПСС. Соответствующее соглашение подписали министры 25 стран (Австрии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Ирландии, Испании, Италии, Кипра, Латвии, Литвы, Люксембурга, Нидерландов, Польши, Португалии, Румынии, Словакии, Словении, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Швеции и Эстонии). ПСС включает в себя все государства ЕС кроме Дании и Мальты.

25 июня 2018 года в рамках одного из направлений ПСС «Стратегические средства готовности и наращивания сил» (Strategic Enablers & Force Multipliers) был запущен проект «Военная мобильность». На официальном сайте ПСС указано, что цель проекта состоит в следующем [8]:

«В соответствии с заключением Совета ЕС от 25 июня 2018 года проект «Военная мобильность» обязывает государств-участников упростить и стандартизировать процедуры трансграничных военных перевозок. Он предназначен для организации обеспечения беспрепятственного перемещения личного состава, ВВТ и других

военных грузов в пределах границ Евросоюза. Это предусматривает ликвидацию длительных бюрократических процедур при их перемещении по территории государств-членов ЕС железнодорожным, автомобильным, воздушным или водным транспортом».

Почти все страны, состоящие в ПСС, принимают участие в проекте (Франция изначально является лишь наблюдателем). Его координируют Нидерланды. Канада, Норвегия и США подали заявки на участие в проекте «Военная мобильность» и получили разрешение в мае 2021 года от ЕС. Великобритания подала заявку на присоединение к проекту в июле 2022 года, и в ноябре уже стала участником. В настоящее время еще две страны (Турция и Швейцария) обратились с просьбой присоединиться к проекту.

В 2018 году Еврокомиссия разработала «План действий по повышению военной мобильности», в соответствии с которым предусмотрена реализация программы оптимизации передвижения войск и вооружений по странам ЕС, основанной на создании «многоразовых» разрешений. Также разработан единый стандарт заявки, требуемой для получения такого разрешения. Инициаторами плана стали Германия и Нидерланды. В совместном заявлении ЕС и НАТО 10 января 2023 года его совершенствование объявлено одним из приоритетных направлений укрепления их сотрудничества [5]. Кроме того, Нидерланды как координатор проекта в январе 2021 года приняли отдельный «Национальный план повышения военной мобильности».

Работа по продвижению проекта ведется не только в области создания правового поля «Военного Шенгена». ЕОФ разработал финансовую программу на 2021–2027 годы, которая предусматривает инвестиции в размере 1,69 млрд евро в транспортную инфраструктуру двойного назначения (т.е. используемую и для гражданских, и для военных нужд).

В соответствии с программой ЕОФ финансирует 57 проектов в 18 государствах-членах: 35% касаются железных дорог, 28% автомагистралей, 21% инфраструктуры аэропортов, 16% инфраструктуры морских портов.

«Планом действий по повышению военной мобильности» определены и другие мероприятия по разработке упрощенного правового механизма, обеспечивающего передвижение войск

¹ Шенгенская зона — это пространство из 29 европейских государств, присоединившихся к нормам Шенгенского законодательства Европейского союза и отменивших пограничный контроль между собой.

Рис. 1. Схема направлений военно-транспортных коридоров Европы

(сил) по территории Европы без лишних временных затрат на оформление документов, а также по подготовке для этого инфраструктуры. Это позволит сформировать военно-транспортные коридоры (ВТК) – транспортные артерии на территории регионального объединения зарубежных стран², предназначенные для оперативной переброски личного состава, вооружения, военной техники и военных грузов. Преимущественно основой европейских ВТК являются маршруты, пролегающие по железнодорожным

² Региональное объединение (региональная интеграция) зарубежных стран – это территориальное образование соседних государств, возникшее в результате заключения ими соответствующего соглашения с целью улучшения сотрудничества посредством общих институтов и правил [9].

путям и автомагистралям. А исходными точками поставок, например, из США в Европу, уже сейчас выступают морские порты и аэродромы двойного назначения.

Предположительно, фундаментом для формирования ВТК является трансъевропейская транспортная сеть (ТЕН-Т, TEN-T – Trans-European Transport Network), состоящая из девяти международных транспортных коридоров (МТК). Это обусловлено высокой инвестиционной привлекательностью ее объектов (а следовательно – их значительными транспортными возможностями).

На основе анализа отечественных и зарубежных открытых источников [10–14] была составлена схема направлений шести планируемых

военно-транспортных коридоров в Европе, представленная на рис. 1. Фактически все они находятся в стадии разработки, но в разной степени готовности.

В условиях проведения специальной военной операции тема «Военного Шенгена» получила новый импульс развития. Так, в конце января 2024 года Германия, Нидерланды и Польша подписали соглашение о создании военно-транспортного коридора. Парламентский статс-секретарь министерства обороны ФРГ Зиёмтё Меллер заявила, что коридор обеспечит повышение военной мобильности «на пути к настоящему Военному Шенгену» [14].

Как видно из рисунка 1, коридор «Нидерланды-Германия-Польша» не единственный проект, что очевидно, так как наличие одного логистического маршрута нерационально — в случае военного конфликта с участием НАТО по его объектам сразу же будет нанесен удар. Именно поэтому аналитическими центрами блока прорабатываются предложения по созданию разветвленных цепей поставок ВВТ и других военных грузов к восточным границам Европы, что существенно усложнит оперативное уничтожение путей снабжения ОВС НАТО. Помимо Нидерландов, в сеть войдут морские порты Германии, Турции, Италии, Норвегии, Греции и других стран.

В этой связи, помимо голландско-германско-польского коридора, планируется сформировать следующие маршруты поставок ВВТ и других военных грузов, а также перемещений личного состава — «Италия-Словения-Хорватия-Венгрия», «Греция-Болгария-Румыния», «Турция-Болгария-Румыния», «Норвегия-Швеция-Финляндия» и «Германия-Польша-Литва-Латвия-Эстония-Финляндия». Последние два ВТК стали возможны только благодаря расширению НАТО на северо-восток.

Причины, по которым первым открылся именно ВТК «Нидерланды-Германия-Польша», определены интересами США как ключевым членом НАТО. С учетом географического положения через порты Нидерландов проходят основные логистические пути из США в Европу (голландский морской порт Роттердам является одним из крупнейших по грузообороту в мире — около 450 млн т за 2023 год). Германия обладает одними из наиболее боеспособных во-

оруженных сил среди других европейских стран. При этом подразделения сухопутных войск Нидерландов осуществляют тесную интеграцию с бундесвером. Польша же является удобным местом сосредоточения войск (сил) и наиболее вероятным театром военных действий (ТВД) в случае боевого столкновения на «восточном фланге» НАТО. Поэтому нельзя исключать, что блоку необходимо заблаговременно обеспечить логистику³ своих вооруженных сил именно в этом районе. В дополнение к этому Польша, имеющая все виды транспорта, является «хабом» (транспортным узлом) НАТО, который активно используется для поставок Украине западных ВВТ.

Не случаен выбор и других маршрутов планируемых ВТК. Во-первых, он объясняется ролью Румынии в милитаризации Восточной Европы. Как минимум, эта страна граничит с Украиной, а, значит, с большой вероятностью используется для решения вопросов поставок ВВТ и военных грузов, топлива, ремонта техники, обучения личного состава и эвакуации раненных. Кроме того, в Румынии строится крупнейшая в регионе база НАТО. Площадь объекта составляет почти 3 тыс. Га, периметр — около 30 км, стоимость строительства превышает 2,5 млрд долл., а максимальная вместимость — 10 тыс. военнослужащих. Для строительства объекта была выделена выведенная из эксплуатации авиабаза «Михаил Когэлничану» в Констанце — в ближайшее время будет достроена современная ВПП. Помимо этого, Румыния как конечный узел двух ВТК обладает выходом в Черное море с запада [13]. Во-вторых, в одном из ВТК конечный пункт Венгрия — страна, также граничащая с Украиной. В-третьих, формирование ВТК «Норвегия-Швеция-Финляндия» подчеркивает повышенный интерес стран НАТО к Северному морскому пути и Арктическому региону.

Анализ проводимых мероприятий странами НАТО по повышению мобильности ОВС показал, что их целью является, в том числе, развитие трех основных направлений — сокращение времени переброски сил быстрого реагирования блока, подготовка европейского ТВД и обеспечение оперативных поставок ВВТ и военных

³ Логистика — управление движением материальных средств, в том числе транспортом и транспортной инфраструктурой [15].

грузов на Украину в рамках межгосударственного военно-экономического сотрудничества.

Это подтверждается и проведением с апреля по май 2024 года учения ОВС НАТО «Большая квадра 2024» (Grand Quadriga 2024) с участием вооруженных сил Германии, Нидерландов, Франции и Литвы, в ходе которого отрабатывалась переброска двух дивизий из центрального региона Европы на «восточный фланг» НАТО.

Фактически в настоящее время в Европе прорабатываются вопросы использования в военных целях гражданской транспортной инфраструктуры («Военный Шенген»). Значительную роль в модернизации ее объектов двойного назначения, входящих в состав формируемых ВТК, помимо ЕОФ играет фонд ЕС «Коннектин Юроп Фасилити» (КЮФ, Connecting Europe Facility), в рамках проекта «Военная мобильность». С учетом специфики этого фонда, основанного в 2014 году, из трех перечисленных целей основной упор делается на адаптацию транспортной инфраструктуры Европы для оперативных поставок Украине продукции военного назначения на фоне специальной военной операции. Благодаря этому, постепенно достигаются и две другие цели, что делает такие инвестиции еще выгоднее для НАТО и ЕС.

Уже начата реконструкция железной дороги Чоп-Ужгород (Украина) под евроколею (1430 мм). Работы на украинском участке – часть проекта фонда КЮФ, предусматривающего до конца 2027 года модернизацию транспортной инфраструктуры для увеличения объемов перемещаемых по территории Европы грузов.

Фонд КЮФ взял на себя 50% расходов (от 128,2 млн евро) на модернизацию трех железнодорожных пограничных переходов (ЖДПП) между Венгрией, Словакией и Украиной, двух ЖДПП на польско-украинской границе и одного – на румыно-украинской. Предусмотрены работы на железных дорогах Украины: от железнодорожной станции (ЖДС) Чоп до ЖДС Черна-над-Тисоу (Словакия) и Захонь (Венгрия), а также участке Батьево-Боржава-Виноградов-Дьяково. Планируется реконструкция автомобильных пограничных переходов Лужанка (Украина)-Берегсураны (Венгрия), Захонь-Чоп и Сирет (Румыния)-Порубное (Украина).

С марта 2022 года расширяется терминал «ИНТЕРПОРТ» (INTERPORT) на ЖДС

«Ханиске-при-Кошице» (Словакия) на сумму 53 млн евро (завершение в 2026 году). Начата реконструкция двух ВПП (700 и 1800 м) и польского аэропорта «Жешув-Ясенка» на сумму 16,5 млн евро (2024–2025 годы), через аэродром которого еженедельно доставляются тысячи тонн военных грузов для Украины. Его модернизация позволит принимать военные самолеты круглосуточно. В мае 2023 года начата реконструкция инфраструктуры сортировочной ЖДС «Валу-луй-Траяне» (Румыния) и ЖДС в морском порту «Констанца» (Румыния) на сумму 43,5 млн евро (2025–2026 годы). [17]

Таким образом, с учетом поэтапного расширения НАТО на восток, страны-члены вынуждены в интересах повышения мобильности объединенных вооруженных сил осуществлять модернизацию существующей транспортной системы блока, оптимизировать правовые механизмы и адаптировать объекты гражданской транспортной инфраструктуры для обеспечения потребностей вооруженных сил.

В этих целях Евросоюзом реализуется программа «Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны», в рамках которой создан проект «Военная мобильность» (или «Военный Шенген»). Финансирование проекта осуществляется в основном из средств Европейского оборонного фонда и фонда ЕС «Коннектин Юроп Фасилити».

Главным практическим результатом деятельности стран-участниц в рамках проекта является формирование шести военно-транспортных коридоров, которые, по мнению военного руководства европейских стран НАТО, должны обеспечить повышение мобильности их соединений и частей, а также оперативность поставок продукции военного назначения в рамках межгосударственного военно-экономического сотрудничества и переброски резервов на «восточный фланг» блока.

В условиях проведения специальной военной операции на Украине Вооруженными Силами Российской Федерации один из этих шести коридоров уже начал функционировать на основе подписанного в 2024 году соглашения между Нидерландами, Германией и Польшей. Его использование позволяет сократить время поставок военных грузов из голландских морских портов до польских распределительных центров с не-

скольких недель до нескольких часов. Кроме того, активность фонда ЕС «Коннектин Юроп Фасилити» по модернизации объектов транспортной инфраструктуры на приграничной территории Украины и ЕС вовлекает Украину в проект «Военная мобильность» как неофициального участника.

Следует ожидать, что запуск остальных пяти коридоров расширит географию оперативных поставок и диверсифицирует нагрузку на транспортную систему НАТО. В этом случае вдоль этих шести коридоров «Военного Шенгена» мо-

гут появиться новые военно-промышленные объекты и военные базы НАТО, что будет способствовать повышению деловой активности населения, увеличению численности занятых в близлежащих населенных пунктах и улучшению экономической ситуации в целом в Евросоюзе за счет инвестиций в его милитаризацию. Однако, с другой стороны, это может вызвать обострение военно-политической обстановки в регионе и усложнить постконфликтное урегулирование разногласий между Западом и Российской Федерацией.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Военный энциклопедический словарь / Пред. Гл. ред. комиссии А.Э. Сердюков. – М.: Воениздат: 2007. – 832 с.
2. NATO urges members to build military Schengen. <https://www.euractiv.com/section/defence-and-security/news/nato-urges-members-to-build-military-schengen/> (электрон. ресурс. 30.09.2024).
3. Carol V. Evans. Enabling NATO's Collective Defense: Critical Infrastructure Security and Resiliency. NATO COE-DAT Handbook 1. – Strategic Studies Institute: 2022. – 446 с.
4. Сборник руководств ОБСЕ по лучшей практике в области обычных боеприпасов. <https://www.osce.org/files/f/documents/5/6/33375.pdf>. (электрон. ресурс. 01.10.2024).
5. И. Лакстыгал. Зачем в НАТО говорят о введении «военного Шенгена». <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/11/24/1007634-kremle-ideyu-voennogo-shengena>. (электрон. ресурс. 02.10.2024).
6. Sabine Siebold, Anthony Deutsch and Andrius Sytas. Red tape, potholes and politics hamper NATO's defence efforts as the Russia threat rises. <https://www.reuters.com/investigates/special-report/ukraine-crisis-europe-defence/> (электрон. ресурс. 03.10.2024).
7. А. Ганга. Литва предложила Евросоюзу ввести «военный Шенген». <https://iz.ru/export/google/amp/643049>. (электрон. ресурс. 04.10.2024).
8. PESCO PROJECTS: MILITARY MOBILITY (MM). <https://www.pesco.europa.eu/project/military-mobility/> (электрон. ресурс. 05.10.2024).
9. Lindberg, Leon N., and Stuart A. Scheingold. Regional Integration: Theory and Research. Cambridge: Harvard University Press. ISBN 978-0-674-75326-6.
10. Информационное агентство ТАСС. НАТО создает план переброски войск США на случай конфликта с РФ. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20987789/amp>. (электрон. ресурс. 07.10.2024).
11. Е. Поздняков. НАТО создает новые логистические маршруты на случай войны с Россией. <https://vz.ru/amp/politics/2024/6/5/1271559.html>. (электрон. ресурс. 08.10.2024).
12. Joe Barnes. NATO maps out plan to block Russian invasion. <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2024/06/04/nato-land-corridors-us-troops-european-war/> (электрон. ресурс. 09.10.2024).
13. Е. Федоров. «Военный Шенген»: НАТО упрощает войну с Россией. <https://topwar.ru/244784-voennyj-shengen-nato-uproschaet-voynu-s-rossiej.html> (электрон. ресурс. 10.10.2024).
14. Anchal Vohra. The «Military Schengen» Era Is Here. <https://foreignpolicy.com/2024/03/04/europe-military-autonomy-nato-schengen/> (электрон. ресурс. 11.10.2024).
15. Шумаев В.А. Логистика как эффективный инструмент управления и развития экономики страны: Монография / В.А. Шумаев. – М.: Издательство «Онтонпринт»: 2020. – 146 с.
16. Rail Baltica – Project of the Century. <https://railbaltica.org>. (электрон. ресурс. 11.10.2024).
17. Развитие логистики двойного назначения на восточном фланге НАТО / тлг-канал «Два майора». (электрон. ресурс. 12.10.2024).

D.N. FILIPPOVYKH

Д.Н. ФИЛИППОВЫХ

ДОРОГА НА БЕРЛИН. УЧАСТИЕ 79-Й ГВАРДЕЙСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ВИСЛО-ОДЕРСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

THE ROAD TO BERLIN. PARTICIPATION OF THE 79TH GUARDS RIFLE DIVISION IN THE VISTULA-ODER STRATEGIC OFFENSIVE OPERATION

Статья посвящена участию 79-й гвардейской стрелковой Запорожской ордена Ленина Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии в Висло-Одерской стратегической наступательной операции, которая проводилась советскими войсками на правом фланге советско-германского фронта 12 января — 3 февраля 1945 года. На основе архивных документов показан боевой вклад воинов дивизии в успешное проведение одной из самых стремительных стратегических наступательных операций Красной армии в годы Великой Отечественной войны.

The article is devoted to the participation of the 79th Guards Rifle Zaporizhia Order of Lenin, the Red Banner Order of Suvorov and Bogdan Khmel'nitsky division in the Vistula-Oder strategic offensive operation, which was conducted by Soviet troops on the right flank of the Soviet-German front on January 12 — February 3, 1945. Based on archival documents, the military contribution of the division's soldiers to the successful conduct of one of the most rapid strategic offensive operations of the Red Army during the Great Patriotic War is shown.

Ключевые слова: Висло-Одерская стратегическая наступательная операция, Варшавско-Познанская операция, 79-я гвардейская стрелковая дивизия, освобождение Польши.

Keywords: Vistula-Oder strategic offensive operation, Warsaw-Poznan operation, 79th Guards Rifle Division, liberation of Poland.

Стремительное наступление советских войск на правом фланге советско-германского фронта в начале 1945 г. вошло в историю Великой Отечественной войны как Висло-Одерская стратегическая наступательная операция. Она проводилась войсками 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова и 1-го Украинского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев.

В своей книге «Записки командующего фронтом», вспоминая о событиях, связанных с подготовкой и проведением Висло-Одерской стратегической наступательной операции, И.С. Конев отмечал: «Сроки наступления приближались. Нам предстояло пройти от Вислы до Одера на глубину до пятисот километров. Противник заблаговременно подготовил на этом пути семь оборонительных полос. Большая часть их проходила по берегам рек Нида, Пилица, Варта, Одер,

которые сами по себе являлись преградами. Три из этих полос обороны занимали войска неприятеля. За спиной врага был Берлин: выбора уже не оставалось. Не устоять — значит подписать себе смертный приговор. Мы понимали это, и твердая решимость, несмотря ни на что, опрокинуть противника сказывалась на тщательности нашей подготовки к наступлению» [1, с. 366].

О тщательности подготовки к Висло-Одерской наступательной операции рассказывал в своих мемуарах и Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. «В своих расчетах мы исходили из того, что нам придется драться с упорным и пока еще сильным противником, которого мы уже хорошо знали, — отмечал Георгий Константинович. — Мы много думали над тем, как лучше организовать артиллерийскую и авиационную подготовку, чтобы осуществить прорыв обороны на всю ее тактическую глубину, быстрее ввести в прорыв танковые войска, на которые делалась основная ставка.

ВИСЛО-ОДЕРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1945 г.

Командующий войсками
1-го Белорусского
фронта
Маршал
Советского Союза
Жуков
Георгий Константинович

Командующий войсками
1-го Украинского
фронта
Маршал
Советского Союза
Конеv
Иван Степанович

В процессе подготовки операции были проведены дезинформационные мероприятия, чтобы скрыть масштаб предстоящего наступления и направления ударов, особенно главного удара. Мы пытались создать у противника впечатление о сосредоточении основных сил фронта против Варшавы и восточнее ее» [2, с. 186].

В легендарном наступлении советских войск участвовала и прославленная сибирская 79-я гвардейская стрелковая Запорожская ордена Ленина Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизия, сформированная в декабре 1941 г. в Томске как 443-я стрелковая дивизия. В январе 1942 г. она была переименована в 284-ю стрелковую дивизию, а 1 марта 1943 г. преобразована в 79-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

В Донесении от 16 июля 1945 г. о боевом пути 79-й гвардейской стрелковой дивизии за период с октября 1944 г. по 3 мая 1945 г., подготовленном командиром дивизии гвардии генерал-майором Вагиным Л.И. и начальником штаба дивизии гвардии полковником Пантелеевым Г.И. о событиях конца 1944 — начала 1945 гг. отмечалось: «На Висловском плацдарме дивизия, ведя оборонительные бои, ...занималась боевой подготовкой, инженерно-оборонительными работами по подготовке новых рубежей в районе плацдарма. В результате напряженной работы по боевой подготовке дивизия получила сколоченные подразделения, хорошо знакомые со сложными видами современного боя, получила бойцов, умело владеющих своим

Командир 79-й гвардейской стрелковой дивизии ордена Ленина Запорожской Краснознаменной орденов Суворова II степени и Богдана Хмельницкого II степени дивизии гвардии генерал-майор Вагин Л.И.

оружием в любых условиях и хорошо знакомых с полевой фортификацией. Перед общим наступлением были проведены полковые учения с боевой стрельбой с выводом полков из района плацдарма в район Домброво, юго-западнее Гарволин.

С января началось новое наступление...» [3].

Висло-Одерская стратегическая наступательная операция началась 12 января 1945 г.

14 января главная группировка войск 1-го Белорусского фронта в ходе операции перешла в наступление, нанося удары с магншевского и пулавского плацдармов.

79-я гвардейская стрелковая Запорожская Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизия участвовала в Висло-

Одерской операции (12 января — 3 февраля) и ее составной части — Варшавско-Познанской операции (14 января — 3 февраля) в составе 28-го гвардейского стрелкового Люблинского Краснознаменного ордена Суворова корпуса 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта.

В Варшавско-Познанской операции 79-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Вагина Л.И., действуя с Магнушевского плацдарма, наносила удар в обход Варшавы с юга в направлении городов Рава-Мазовецка, Скерневице, Лович, отрезая варшавскую группировку противника от глубокого тыла.

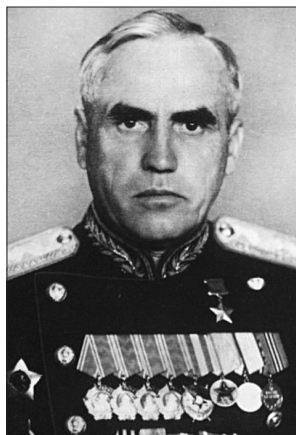
Дивизия прорвала три полосы немецкой современной обороны по рубежу реки Варта.

В первой полосе обороны огневые точки были подавлены полностью, во второй и третьей — на 70–80 процентов. Оставшиеся узлы сопротивления подавлялись огнем танков и артиллерии, поддерживавших в наступлении пехоту.

Скупые строки архивного документа так передают эти события: «Дивизия прорвала сильно укрепленную оборону противника в районе Цецилювка, южнее Варка, развивает успех в общем направлении Лодзь, Пнево. Преследуя отходящего противника, уничтожает на пути разрозненные группы и гарнизоны противника» [3].

Под ударами войск 8-й гвардейской армии немецкие части и соединения спешно отступали. 79-я гвардейская стрелковая дивизия в составе 28-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта А.И. Рыжова перешла к преследованию врага. 17 января был взят город Рава-Мазовецка, 18 января начались бои за город Лодзь и 19 января город был освобожден от немецких захватчиков.

Стремительное преследование отходивших сил вермахта велось непрерывно, войска 8-й гвардейской армии продвигались в сутки на 25–30 километров. 26 января, форсировав реку Варта, и обойдя с севера город Познань, они двинулись к Мезерицкому оборонительному

**Командир
28-го гвардейского
стрелкового корпуса
Герой Советского Союза
генерал-лейтенант
Рыков
Александр Иванович**

району. 29 января соединения 28-го гвардейского стрелкового корпуса форсировали реку Обра, затем прорвали Мезерицкий оборонительный район и вышли к реке Одер севернее города Франкфурт-на-Одере.

За три недели наступления корпус с непрерывными боями прошел 300 километров. Частями и соединениями корпуса было уничтожено до 9 тысяч солдат и офицеров противника, 69 танков, 83 орудия. 1300 солдат и офицеров противника, 41 танк и 36 орудий были захвачены. За умелое руководство войсками генерал-лейтенанту А.И. Рыжову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 10 часов утра 30 января 1945 г. передовой отряд 2-го гвардейского стрелкового батальона 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии первым перешел границу Германии.

В тот же день отличились бойцы 227-го гвардейского стрелкового полка дивизии с приданными артиллерийскими подразделениями численностью не более тысячи человек. Они разгромили отступавшую к реке Одер колонну немецких войск. На поле боя осталось до 500 убитых солдат и офицеров противника, более 200 было взято в плен, а еще 2000 рассеяно.

Командир 79-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерал-майор Вагин Л.И. сообщал начальнику штаба 28-го гвардейского стрелкового корпуса гвардии полковнику Мамчину Я.Г. о событиях тех дней: «В районе Дроссен (ныне — город Осьно-Любуске, Польша, ред.) противник сильно сопротивлялся, особенно активничала авиация, охотничала за нашими колоннами пехоты и артиллерии, имея задачу приостановить наше наступление и не дать возможности нашим частям форсировать реку Одер.

Дивизия до реки Одер дошла с небольшими потерями. Этот боевой путь был пройден дивизией за 16 дней. Каждым офицером и бойцом руководила одна мысль: быстрее добраться до фашистского логова — Берлина» [3].

В Варшавско-Познанской наступательной операции особо отличились воины 220-го гвар-

дейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии. Звания Героев Советского Союза были удостоены командир полка гвардии полковник Шейкин Михаил Степанович, офицер разведки полка гвардии старший лейтенант Субботин Ефим Федорович, командир стрелкового взвода гвардии лейтенант Стрелец Дмитрий Лаврентьевич, командир минометного взвода гвардии младший лейтенант Зубенко Павел Васильевич, помощник командира стрелкового взвода 7-й стрелковой роты гвардии сержант Тибуа Шота Платонович, пулеметчик 6-й стрелковой роты гвардии рядовой Мостовой Сергей Андреевич.

Командир 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковник Шейкин Михаил Степанович особо отличился в Варшавско-Познанской наступательной операции. В ходе наступления с магнусевского плацдарма с 22 января по 3 февраля 1945 г., действуя со своим полком в качестве передового отряда 28-го гвардейского стрелкового корпуса в районе города Познань (Польша), «одним батальоном форсировал реку Варта, отбросив противника, прикрывавшего западный берег. Этим самым создал условия для переправы на западный берег частей дивизии и корпуса. Впоследствии переправа превратилась в армейскую переправу», — отмечалось в представлении от 30 января 1945 г. к присвоению гвардии полковнику Шейкину М.С. звания Героя Советского Союза, подписанном командиром 79-й гвардейской стрелковой Запорожской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии гвардии генерал-майором Вагиным Л.И.

В этом же представлении командир 28-го гвардейского стрелкового Люблинского Краснознаменного ордена Суворова корпуса гвардии генерал-лейтенант Рыжов А.И. 10 февраля 1945 г. оставил следующую запись: «Полк под командованием гвардии полковника Шейкина прорвал оборону противника южнее Варка на всю тактическую глубину, являясь передовым отрядом корпуса. Форсировал трижды реку Варта, затем реку Одер. Полк героически дерется по

**Герой Советского Союза
гвардии полковник
Шейкин
Михаил Степанович**

удержанию плацдарма. Полковник Шейкин достоин присвоения звания Героя Советского Союза» [4].

Офицер разведки 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии старший лейтенант Субботин Е.Ф. особо отличился в ходе Висло-Одерской стратегической наступательной операции и ее составной части — Варшавско-Познанской наступательной операции. При прорыве обороны противника с магнусевского плацдарма 14 января 1945 г. и в последующих боях умело руководил разведкой полка. В ночь на 26 января Субботин Е.Ф. полу-

чил приказ командования «с группой стрелков и автоматчиков форсировать реку Варта, захватить плацдарм и удерживать его до подхода основных подразделений полка.

Несмотря на сильный обстрел со стороны противника, тов. Субботин с группой бойцов скрытно форсировал реку, с боем продвинулся вперед на 3 км, занял на высоте один населенный пункт и удерживал его до подхода подразделений полка.

Противник пытался переходить в контратаки с целью ликвидировать плацдарм, но, благодаря умелому командованию группой со стороны Субботина, плацдарм был удержан, что дало возможность продолжать дальнейшее наступление полку и дивизии» [5].

**Герой Советского
Союза гвардии старший
лейтенант Субботин
Ефим Федорович**

**Герой Советского Союза
гвардии лейтенант
Стрелец
Дмитрий Лаврентьевич**

Командир стрелкового взвода 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии 28-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта гвардии лейтенант Стрелец Д.Л. проявил отвагу и мужество в период проведения Висло-Одерской стратегической наступательной операции. В начале советского наступления с 14 по 15 января 1945 г. отличился при уничтожении немецкого плацдарма на левом берегу Вислы. Его взвод первым ворвался в расположение немецких войск. В этом бою бойцами гвардии лейтенанта Стрельца Д.Л. был уничтожен один станковый и три ручных вражеских пулемета, а также более 50 гитлеровцев. Когда выбыл из строя командир роты, командир взвода Стрелец принял командование на себя, заменив его в бою.

Продолжая стремительное наступление, рота гвардии лейтенанта Стрельца 25 января 1945 г. с ходу форсировала реку Варта в районе города Познань (Польша) и, преследуя отходившего противника, продвинулась на 3 километра. Бойцами было занято польское село. Основательно укрепив свои позиции, бойцы уверенно отразили несколько контратак противника, не отступив ни на шаг и способствуя успешной переправе на плацдарм основных сил полка. В этом бою силами личного состава роты было истреблено до 80 немецких солдат [6].

Командир минометного взвода 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии Павел Васильевич Зубенко особо отличился в ходе Варшавско-Познанской наступательной операции. 25 января 1945 г. он во главе минометного взвода одним из первых переправился через реку Варта в районе города Познани и прикрывал огнем переправу стрелковой роты. Минометчики под командованием Зубенко П.В., «перейдя в наступление совместно с ротой заняли населенный пункт и удерживали его до подхода подразделений полка. Немцы переходили в неоднократные контратаки, тов. Зубенко, умело корректируя огонь минометов, отразил все попытки противника занять населенный пункт».

**Герой Советского Союза
гвардии сержант
Тибуа
Шота Платонович**

**Герой Советского Союза
гвардии рядовой
Мостовой
Сергей Андреевич**

Отражая контратаки противника, минометный взвод под командованием Зубенко П.В. уничтожил до 80 гитлеровцев и способствовал переправе через реку Варта основных сил полка [7].

Помощник командира стрелкового взвода 7-й стрелковой роты 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии сержант Тибуа Ш.П. особо отличился в ходе Висло-Одерской стратегической наступательной операции, участвуя в боях при прорыве обороны противника на плацдарме левого берега реки Висла 14 января 1945 г. Когда выбыл из строя командир взвода, гвардии сержант Тибуа Ш.П. принял на себя командование взводом и первым ворвался в траншею противника, уничтожив при этом две огневые точки и до взвода живой силы врага.

**Герой Советского
Союза гвардии старший
лейтенант
Зубенко
Павел Васильевич**

В ходе дальнейшего наступления взвод под командованием гвардии сержанта Тибуа Ш.П. в числе первых 25 января 1945 г. форсировал реку Варта в районе города Познань, захватил позицию противника, отразил несколько контратак и удержал захваченный рубеж до подхода подразделений полка, чем обеспечил выполнение поставленной полку боевой задачи [8].

Пулеметчик 6-й стрелковой роты 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта гвардии рядовой Сергей Андреевич Мостовой

особо отличился в ходе Варшавско-Познанской наступательной операции. При прорыве обороны противника на магнушевском плацдарме 14 января 1945 г. подобрался со своим расчетом к переднему краю противника и огнем пулемета уничтожил три неприятельских огневых точки, обеспечив успешную атаку пехоты на своем участке. В ночь с 24 на 25 января 1945 г. Мостовой в числе первых переправился через реку Варта в районе Познани и принял активное участие в боях за захват и удержание плацдарма на ее западном берегу, лично уничтожив автомашину с боеприпасами, две огневые точки и до 15 солдат и офицеров противника [9].

Маршал Советского Союза В.И. Чуйков отмечал в своих мемуарах: «В роте Савельева... отличался сказочной храбростью наводчик станкового пулемета гвардии рядовой Сергей Андреевич Мостовой, бывший колхозник Калачевского района Воронежской области.

Когда мне его представили, я не мог им налюбоваться. Ростом великан, в плечах, как говорится, кося сажень. Наверняка потомок тех воронежских богатырей, что носили на себе огромные корабельные сосны и на глазах Петра Первого гнули на своих плечах полозья для саней.

В бою за высоту 81,9 Сергей Мостовой все время был рядом с командиром роты. Отражая вражескую контратаку, он израсходовал восемь пулеметных лент. Когда кончились патроны, пустил в дело гранаты. Но вот не стало и гранат, а немцы продолжали насаждать. Тогда боец разъединил пулемет, взял в одну руку станок, в другую — лопату и, поднявшись во весь рост, бросился вперед. Раскрутив над головой пулеметный станок, он им разметал себе дорогу среди немецких автоматчиков, а лопатой крошил черепа тем, кто оставался у него под ногами. При виде русского богатыря немцы опешили и покатались обратно в овраг» [10, с.160].

В период проведения Висло-Одерской операции войска 1-го Белорусского фронта освободили Центральную Польшу, к началу февраля вышли на рубеж севернее Флатов, Меллентин, (иск.) Пиритц и далее по восточному берегу реки Одер, захватив плацдармы севернее и южнее города Кюстрина (ныне — город Костшин-над-Одрой, Польша, авт.) укрепленного оборонительного узла, который 25 января 1945 г. Гитлер объявил фестунгом, т.е. городом-крепостью,

а немецкое командование не без оснований называло «воротами в Берлин».

Части 79-й гвардейской стрелковой дивизии, продолжая наступление, обошли Кюстрин с юга, со 2 на 3 февраля 1945 г. форсировали реку Одер и повели ожесточенные бои за расширение плацдарма на ее левом берегу.

В ходе Висло-Одерской стратегической наступательной операции были освобождены города Варшава — 17 января 1945 г., Радом — 16 января 1945 г., Лодзь — 19 января 1945 г., Бромберг (Быдгощ) — 23 января 1945 г. и блокированы немецкие гарнизоны в городах Познань и Шнайдемюль (Пила) общим количеством 60 тыс. человек.

С выходом войск 1-го Белорусского фронта на реку Одер и захватом плацдармов на ее левом берегу успешно завершилась Висло-Одерская стратегическая наступательная операция. К исходу 3 февраля войска фронта почти полностью очистили от противника правый берег Одера. На этом рубеже 1-й Белорусский фронт закрепился и начал подготовку к штурму Берлина.

Объединения, соединения и части фронта, в том числе и 79-я гвардейская стрелковая дивизия, не только освободили значительную часть Польши, но и лишили нацистскую Германию промышленных районов Силезии, перенесли военные действия на территорию нацистской Германии. Сложно было поверить, что всего 23 дня назад советские войска находились на линии фронта в полутысяче километров от Одера. Причем 1-й Белорусский фронт, захватив ряд плацдармов на левом берегу Одера в районе Кюстрина, оказался в 60 км от столицы третьего рейха.

Висло-Одерская операция по своему размаху и результатам является одной из крупнейших стратегических наступательных операций не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Потеря огромной территории, крупных индустриальных районов, большого количества войск и вооружений сильно ослабила нацистскую Германию и приблизила ее окончательный разгром. Успешные действия советских войск создали условия для ударов по врагу в Померании, Силезии и на берлинском направлении.

В ходе Висло-Одерской операции советские войска в течение короткого времени разгромили группу армий «А» (9-я и 17-я полевые, 1-я и 4-я

танковые армии). Из 70 дивизий, шести бригад и более 15 различных по численности гарнизонов и групп, разновременно участвовавших в боях против советских войск в Висло-Одерской операции, свыше 31 дивизии и пяти бригад были полностью разбиты, до 25 дивизий понесли потери в личном составе свыше 60–70% и были сведены в боевые группы [11, с.331].

Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Г. Гудериан признавал: «Ужасный месяц январь подтвердил все наши опасения в отношении крупного наступления русских... В первые дни февраля наше положение как на восточном, так и на западном фронтах стало роковым» [12, с.566,567].

Огромные потери, которые понесли войска противника, вынудили вражеское командование спешно перебрасывать в Польшу крупные силы и средства, снимая их с западного фронта, а также с других участков советско-германского фронта. Это облегчало решение задач действовавшим там войскам.

1 февраля главнокомандующий войск союзников на Западном фронте генерал армии Д. Эйзенхауэр отдал приказ главнокомандую-

щему сухопутными войсками союзников фельдмаршалу Б. Монтгомери подготовить к 8 февраля для перехода в наступление на северном крыле фронта 21-ю англо-канадскую группу армий и 9-ю американскую армию. В приказе отмечалось: «Русское наступление достигло больших успехов, и противник форсирует отвод войск с западного фронта» [13, с.196].

Действительно, за период с 18 января по 7 февраля немецкое командование перебросило в полосу наступления войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов более 40 дивизий [11, с.331–332].

В ходе Висло-Одерской операции советское командование продемонстрировало возросший уровень военного искусства. Операция характеризовалась созданием значительного количественного и качественного превосходства советских войск в силах и средствах над немецко-фашистскими войсками. Оно обеспечивалось не только наличием общего превосходства, но и искусным массированием сил и средств на направлениях главных ударов советских фронтов. Избранный Ставкой Верховного главнокомандования способ разгрома противника

путем нанесения мощных глубоких, рассекающих ударов полностью соответствовал сложившейся обстановке. Он сорвал замыслы гитлеровского командования последовательной обороной подготовленных между Вислой и Одером рубежей измотать и обескровить советские войска.

Крупная стратегическая группировка врага была разгромлена нанесением глубокого фронтального удара двух взаимодействующих фронтов. В рамках Висло-Одерской операции 1-й Белорусский фронт провел Варшавско-Познанскую, а 1-й Украинский — Сандомирско-Силезскую наступательные операции. Среднесуточный темп наступления советских войск составлял 25 км, а танковых армий в отдельные периоды — даже до 70 км [11, с.332].

«Такая стремительность, — отмечал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, — была достигнута впервые в ходе Великой Отечественной войны» [2, с.207].

«Русское наступление за Вислой развивалось с невиданной силой и стремительностью, — писал генерал-майор танковых войск вермахта Ф. Меллентин. — Невозможно описать всего,

что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи» [14, с.280].

79-я гвардейская стрелковая Запорожская Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизия прошла с боями через всю Польшу, вышла к Одеру. Всего в Висло-Одерской операции воинами дивизии было уничтожено до 10 000 и пленено 1032 солдат и офицеров врага, уничтожено 36 танков, 89 орудий, 90 автомашин, значительное количество иной боевой техники и оружия [15].

Успешное завершение Висло-Одерской наступательной операции спасло поляков от продолжения фашистской оккупации, истребления, голода. Было начато воссоздание польской государственности. Остается только сожалеть о недальновидной политике представителей нынешнего государственно-политического руководства Польши, разрушающих историческую память собственного народа, вымарывая из национальной истории страницы беспримерного подвига советских воинов-освободителей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Конев И.С. Записки командующего фронтом. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. 608 с.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 3. 10-е издание, дополненное по рукописи автора. — М.: Изд-во «Новости» (АПН), 1990. 384 с.
3. ЦАМО. Ф. 1227, Оп. 1. Д. 51. Л. 149.
4. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 54. Л. 443об.
5. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 46. Л. 74.
6. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 45. Л. 229.
7. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 18. Л. 175.
8. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 47. Л. 186.
9. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 29. Л. 344.
10. Чуйков В.И. Конец третьего рейха. — М.: Издательство «Советская Россия», 1973. 304 с.
11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. — М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
12. Гудериан Г. Воспоминания солдата. — Смоленск.: Русич, 1999. 656 с.
13. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. — М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
14. Меллентин Ф.В. Танковые сражения 1939–1945 гг. Боевое применение танков во Второй мировой войне. — М.: Изд-во Иностранной литературы, 1957. 303 с.
15. ЦАМО Ф. 33. Оп. 686046. Д. 170. Л. 335.

**ОПЫТ ПОДГОТОВКИ ВОЙСК И ПРОРЫВА
ГЛУБОКОЭШЕЛОНИРОВАННОЙ ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА
В ВОСТОЧНО-ПРУССКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ
НА ПРИМЕРЕ ДЕЙСТВИЙ 70-Й АРМИИ**

**EXPERIENCE IN TRAINING TROOPS AND BREAKING THROUGH
ENEMY'S DEEP-ECHELON DEFENSES IN THE EAST PRUSSIAN
OFFENSIVE OPERATION USING THE EXAMPLE OF THE ACTIONS
OF THE 70TH ARMY**

В статье рассматривается опыт подготовки войск, ход и результаты боевых действий 70-й армии по овладению крепостями Модлин и Торн и уничтожению «кочующего котла» торненской группировки немецко-фашистских войск в Восточно-Прусской наступательной операции.

The article considers the experience of training troops, the course and results of combat operations of the 70th Army to capture fortresses of Moglin and Torun and destroy «traveling cauldron» of the German-fascist group in the East Prussian offensive operation.

Ключевые слова: Восточно-Прусская операция, 70-я армия, крепость Модлин, крепость Торн, глубокоэшелонированная оборона, «кочующий котел».

Keywords: East-Prussian operation, 70th army, fortress of Modlin, fortress of Torun, deep-layered defense, «travelling boiler».

С целью разгрома группировки немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии и Северной Польше 13 января 1945 г. началась Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция Красной Армии. К операции привлекались войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов, 43-я и 3-я воздушные армии 1-го Прибалтийского фронта при содействии Балтийского флота и др.

2-й Белорусский фронт под командованием Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского получил задачу развивать наступление вдоль южной границы Восточной Пруссии с выходом к побережью Балтийского моря в районе Мариенбург — Эльбинги с целью отсечь группу армий «Центр» от остальной части вермахта.

14 января 1945 г. войска 2-го Белорусского фронта перешли в наступление. На левом крыле фронта действовала 70-я армия, которая была сформирована из войск НКВД в 1943 г. Основу армии на начало января 1945 г. составляли 47-й стрелковый корпус (71-я, 136-я и 162-я стрелковые дивизии), 96-й стрелковый корпус (38-я гвардейская, 1-я и 165-я стрелковые дивизии), 114-й стрелковый корпус (76-я гвардейская, 160-я и 200-я стрелковые дивизии) и другие части и подразделения. Следует отметить, что к началу 1945 г. из шести дивизий войск НКВД, в 70-й армии воевала только одна — переформированная из Среднеазиатской стрелковой

дивизии войск НКВД 162-я стрелковая дивизия, остальные пять дивизий по завершению Курской битвы в августе 1943 г. были переданы в другие армии.

Войска 70-й армии под командованием генерал-полковника В.С. Попова начали наступление на фронте протяженностью 13 км с большим перевесом в численности личного состава, техники и вооружения [1. Л. 2].

В полосе наступления 70-й армии немцами была выстроена долговременная глубокоэшелонированная оборона, которую усиливали старые крепости Модлин и Торн (ныне — Торунь).

В целом выделяются следующие периоды действий 70-й армии [2. Л. 1]:

1. Подготовительный период;
2. Прорыв долговременной полосы обороны противника западнее р. Нарев (14—18 января 1945 г.) и овладение крепостью Модлин¹;
3. Преследование противника и форсирование р. Вислы (19—31 января 1945 г.);
4. Овладение крепостью Торн² и бои на уничтожение прорвавшейся из крепости группировки противника (1 января — 9 февраля 1945 г.).

¹ Модлин крепость XIX—XX веков, в 30 километрах от Варшавы, в месте слияния трех рек — Вислы, Нарев и Вкры.

² Торн — крепость XIX—XX веков на р. Висле в Польше, одна из крупнейших крепостей в Центральной и Восточной Европе.

Первый период. Система боевой подготовки войск строилась на основе учета опыта боев, проведенных армией в полосе внешнего обвода Варшавского укрепленного района в сентябре-октябре 1944 г. Занятия строились с таким расчетом, чтобы обеспечить личному составу войск минимум знаний и главное практических навыков, необходимых для успешного проведения предстоящей операции по прорыву заранее подготовленной и глубокоэшелонированной обороны противника.

Со штабами корпусов, дивизий и полков проводились штабные игры по прорыву позиционной обороны и организации боя в глубине оборонительной системы противника. Ввиду того, что 96-му и 114-му стрелковым корпусам предстояло совершить марш в новые районы сосредоточения, в войсках были проведены дневные и ночные тренировки по проведению марша [2. Л. 3].

В ходе боевой подготовки частей армии особое внимание было уделено организации и ведению ночного боя. В каждом стрелковом полку один батальон готовился специально для ночных действий.

При подготовке офицеров-артиллеристов в первую очередь уделялось внимание развитию у них навыков, необходимых для командования артиллерийскими подразделениями во время боя в глубине обороны противника.

Для развития необходимых навыков взаимодействия пехоты с артиллерией широко практиковались совместные тактические учения. Для проведения этих занятий, обычно заканчивавшихся боевыми стрельбами, в расположении каждой дивизии были оборудованы специальные учебные поля — полигоны. На полигонах были отрыты траншеи полного профиля, устроены ДЗОТы, расставлены макеты танков, орудий, пулеметов, установлены мишени, обозначающие пехоту противника [2. Л. 43].

В проведенных тактических учениях приняли участие все дивизионы и батареи дивизионной артиллерии (ДА) и артиллерийские подразделения стрелковых полков. В некоторых занятиях участвовали и армейские артиллерийские полки. При проведении совместных занятий особое внимание уделялось действиям спаренных орудий прямой наводки и сопровождения. Была также проведена большая работа по подготовке

к взаимодействию пехоты с экипажами самоходных орудий.

На основе опыта боев 1944 г. в дивизиях были проведены батальонные показательные учения на тему: «Движение пехоты за огневым валом» [2. Л. 4]. В целях обучения пехоты устройству и разграждению минно-взрывных заграждений были организованы передвижные минные классы, инструкторы которых провели занятия во всех частях армии. В результате этих занятий стрелковые подразделения в ходе январской операции неоднократно сами, без помощи саперов, обезвреживали встречавшиеся им минные поля.

В ходе перегруппировки войск и выхода их в исходное положение марш частей и соединений совершался скрытно, исключительно в ночное время. Днем запрещалось всякое движение войск и автотранспорта в сторону фронта. В дневное время на всех дорогах поддерживался обычный порядок и тот же режим движения, который практиковался до 4 января 1945 г. Все приказания на марш отдавались только устно. Никаких документов по организации марша в штабах корпусов, дивизий, полков не отрабатывалось и в войсках не спускалось. Всякие переговоры по телефону по вопросам, так или иначе связанным с передвижением и перегруппировкой войск, были категорически воспрещены. Информация и передача распоряжений осуществлялись через офицеров связи.

Организованная в исходных районах и армейском позиционном районе артиллерии комendanтская служба полностью обеспечивала маскировку войск, скрывая их от воздушного и наземного наблюдения противника.

Пристрелка, проведенная методом ПОР (пристрелочных орудий), проводилась по единому, составленному штабом артиллерии армии, плану, который предусматривал, что общий расход боеприпасов за каждый отдельный день пристрелки не должен превышать расхода в дни, предшествовавшие пристрелке. Широко применялась в этот период стрельба кочующими орудиями.

Второй период. 14 января 1945 г. части 70-й армии, закончив перегруппировку, после полуторачасовой артиллерийской подготовки перешли в наступление под прикрытием огневого вала (на главном направлении).

Оборона противника представляла собой глубоко эшелонированную позиционную оборону, состоящую из четырех полос (каждая в 3–4 траншеи). Передний край его оборонительной полосы был плотно прикрыт инженерными заграждениями и минными полями. Подступы к р. Вкра прикрывались тет-де-поном³, состоящим из двух траншей и шести фортов крепостной системы Модлин. В органической связи с оборонительными позициями Наревского плацдарма находился укрепленный район крепости Модлин, который был центром всей оборонительной системы на этом участке фронта и представлял крупный узел сопротивления немцев в районе слияния рек Нарев и Вислы. Укрепленный район крепости Модлин имел внешний и внутренний обводы фортов, расположенных концентрически в радиусе 6–9 км (внешний обвод) и 3–4 км (внутренний обвод) от города Модлин. Вся система насчитывала до 20 фортификационных сооружений долговременного типа, дополненных сооружениями полевого типа — траншеи, противотанковые рвы, заграждения всех видов. Вблизи фортов, как правило, были отрыты пулеметные площадки. Форты соединялись между собой линиями траншей и ходами сообщения. Используя форты для укрытия резервов, немцы предпочитали вести оборонительные бои, опираясь по преимуществу на сооружения полевого типа [2. Л. 3]. Всего перед фронтом армии оборонялось до 16 000 солдат, 430 орудий и минометов, 50 танков и самоходных орудий противника.

К 17 января 1945 г., после упорных боев, наши войска прорвали главную полосу позиционной обороны противника, продвинувшись на 10–12 км. Прорвав затем с ходу вторую полосу неприятельской обороны — на р. Вкра, впадающей в р. Нарев, войска армии овладели крепостью Модлин [2. Л. 6].

Несмотря на хорошо проведенную предварительную подготовку, части 70-й армии в течение первых трех дней операции не выполнили поставленной задачи. Практика боев 14–16 января 1945 г. показала, что темпы прорыва глубокоэшелонированной позиционной обороны противника во многом зависят от степени взаимодействия подразделений, частей и соединений, их

маневрирования в глубине обороны противника. К числу причин, значительно снизивших темпы прорыва позиционной обороны противника, были отнесены «маневробоязнь» и несвоевременный ввод в бой командирами полков и дивизий своих вторых и третьих эшелонов [3. Л. 19].

С положительной стороны в период прорыва отмечалось широкое использование ночных операций, ряд которых был проведен в крупных масштабах, причем все они были успешными. Ночные действия, обеспечивая непрерывность наступления в течение полных суток, сыграли значительную роль в прорыве позиционной обороны противника. Положительным опытом было и применение во время ночных действий самоходной артиллерии для непосредственной поддержки пехоты. Самоходки, двигаясь за передовыми цепями пехоты без света, невидимые для противника, в упор расстреливали его огневые точки.

Управление войсками при прорыве осуществлялось с наблюдательного пункта командующего 70-й армией. Контроль за действиями войск, выполнением приказов и распоряжений осуществлялся посылкой в подчиненные штабы и части офицеров штаба армии и штабов корпусов. В дивизии, действующие на главном направлении, были выделены офицеры вышестоящих штабов с задачей — постоянно следить за обстановкой. Для облегчения связи этим офицерам были выделены специальные телефоны, не связанные с внутренней линией дивизии. Связь при прорыве была в основном проводная.

В то же время наблюдались значительные недостатки в организации управления мелкими подразделениями в звене батальон—рота—взвод. Командиры батальонов не всегда ставили задачи командирам рот, а командиры рот — командирам взводов. Движение боевых порядков рот, а иногда и батальонов нередко было хаотичным; расчеты станковых пулеметов перемещались одновременно со стрелками вместо того, чтобы поддерживать движение последних огнем. Командиры батальонов, а иногда и полков забывали о поддерживающей их артиллерии, бросали ее, не содействовали ее продвижению [2. Л. 9].

Третий период. Прорвав главную полосу обороны противника и овладев крепостью Модлин, части 70-й армии с 18 января 1945 г. перешли к преследованию разбитых немецких частей и подразделений.

³ Тет-де-пон — (предмостное) укрепление, для охраны и обороны переправ.

Немецкое командование, израсходовав на контратаки все имевшиеся в его распоряжении полковые и дивизионные резервы, пытаясь оторваться от наших преследующих частей, отводило войска через промежуточные рубежи обороны в западном направлении, прикрываясь арьергардами. Организованная им на промежуточных рубежах оборона носила очаговый характер.

В целях преследования противника в каждой дивизии был сформирован подвижный передовой отряд в составе от стрелкового батальона до полка, от батареи до дивизиона ДА и дивизиона самоходных орудий. В состав передовых отрядов входили также батареи 120-мм минометов и по одной роте 82-мм минометов. Личный состав передовых отрядов и их вооружение перебрасывались на автомашинах (за счет автотранспорта дивизии) и трофейных транспортерах. Артиллерия и минометы были обеспечены хорошей автотягой.

За передовыми отрядами 38-й гвардейской и 165-й стрелковых дивизий, наносивших главный удар, следовало по одному дивизиону 325-го гвардейского минометного полка реактивных систем («катюш»), которые по необходимости без промедления открывали огонь одной-двумя установками по отдельным очагам сопротивления противника [2. Л. 10].

Главные силы дивизий двигались походным порядком в колоннах с мерами охраны и в готовности в случае сопротивления противника атаковать его с ходу, развернув часть сил и не замедляя темпов движения. В большинстве случаев преследование велось «в хвост» — наши преследующие подразделения двигались по пятам отходящего противника. Метод параллельного преследования применялся реже, хотя, как правило, он давал более значимые результаты [3. Л. 26]. В период преследования командиры всех степеней практиковали маневр значительно чаще и более решительно, чем в период прорыва. Используя отсутствие сплошного фронта, очаговый характер обороны противника на промежуточных рубежах и более или менее изолированное движение его отходящих колонн, передовые отряды армии нередко выходили во фланг или на тыловые коммуникации немцев, окружая их опорные пункты и отходящие части.

Так же, как и во втором периоде, важную роль сыграли смелые и решительные действия ночью,

специально подготовленными для этой цели батальонами, что обеспечивало непрерывность операции по круглосуточному преследованию противника [3. Л. 27]. Сами действия советских частей и подразделений, как правило, велись отдельными небольшими группами, строившими свой боевой порядок углом вперед, поскольку в этом случае можно было лучше обеспечить фланги, удобнее управлять боем и увереннее двигаться в темноте. Местность во время ночных действий периодически освещалась ракетчиками, выделенными от каждой роты, которые освещали объекты атаки и тем самым обеспечивали целеуказание наступающей пехоте, приданным и поддерживающим средствам.

Во многом способствовали успеху операции по преследованию и захвату плацдарма на западном берегу р. Вислы организованная и своевременная переброска артиллерии и действия дивизионов самоходных орудий.

Управление при преследовании осуществлялось командирами корпусов и дивизий, которые вместе со своей оперативной группой следовали в непосредственной близости за войсками. Основным средством связи при преследовании было радио.

23 января 1945 г. части 47-го стрелкового корпуса, развивая преследование разбитых частей противника, форсировали р. Древнеца и захватили выдвинутые к ее западному берегу передовые укрепления, входившие в систему крепости Торн. 24 и 25 января 1945 г. частями 47-го стрелкового корпуса был прорван внешний обвод торненских укреплений. 27 января с выходом наших частей на западный берег р. Вислы было завершено полное окружение крепости. Фронт окружающих советских частей проходил примерно по линии внутреннего крепостного обвода [2. Л. 13].

Несмотря на успешные в целом результаты частей и соединений 70-й армии, организация преследования страдала многими серьезными недочетами: полковые колонны нередко не имели надежного прикрытия с флангов; командиры полков и батальонов не имели резерва; разведка была недостаточной, как правило, сведения о противнике были крайне скудными и единственным своим источником имели показания пленных, отмечалась плохая работа связи вследствие недостаточно продуманного распределе-

ния радиоволн (чрезмерное количество станций работало на одних и тех же волнах). В целях предупреждения подобных ошибок штабом 70-й армии было издано распоряжение от 25 января 1945 г. № 1/0045 по устранению недостатков в управлении войсками [4. Л. 11, 12].

Для блокирования и уничтожения торненской группировки противника, оказавшейся к исходу января 1945 г. в глубоком тылу армии, был сформирован отряд в составе 136-й стрелковой дивизии и 126-го стрелкового полка 71-й стрелковой дивизии. Главные силы армии одновременно продолжали наступление на западном берегу р. Вислы и расстояние, отделявшее их от крепости Торн, возрастало с каждым днем.

Считалось, что 136-я стрелковая дивизия, наступая на г. Торн с северо-востока и востока, сможет двумя полками сжать кольцо окружения и овладеет городом, а 126-му стрелковому полку придется лишь, действуя методом активной обороны, не допустить, чтобы остатки разбитых в городе и деморализованных частей противника отошли из города в северо-западном и западном направлениях.

Эти предположения оказались ошибочными, так как командование армии не имело достаточно полных разведанных о силах торненского гарнизона. По сведениям наших разведорганов, гарнизон Торн насчитывал не более 8 000 человек. С 26 по 30 января 1945 г. 136-я стрелковая дивизия несколько раз переходила в наступление, но каждый раз противник огнем и контратаками отбивал все ее попытки овладеть крепостью.

Основная причина отсутствия успеха заключалась в том, что вопреки первоначальным расчетам противник имел большое превосходство как в живой силе, так и в технике. Это наглядно показывает следующая таблица соотношения сил [5. Л. 7]:

Единица расчета	Свои войска	Противник	Соотношение
Людей	5634	30 000	1:5
Минометов	60	50	1,2:1
Орудий разных калибров	74	223	1:3
Самоходных орудий	8	20	1:1,5

Таким образом, противник имел трехкратное превосходство в технике и пятикратное — в живой силе.

При подобном соотношении советские части, находившиеся в районе Торн, не могли сдерживать противника, когда он 31 января 1945 г. прорвался из крепости, оставив там часть гарнизона в качестве прикрытия. Прорвавшиеся части двинулись на северо-запад в направлении р. Вислы, и на тыловых коммуникациях армии возник, таким образом, «кочующий котел» противника.

Четвертый период. Крепость Торн имела два кольца оборонительных сооружений. Внешний обвод, состоявший из фортов, железобетонных ДОТов и сооружений полевого типа, проходил в 4–5 километрах от внутреннего оборонительного кольца. Внутренний оборонительный пояс проходил непосредственно по окраинам города Торн, состоял из фортов, ДОТов, противотанкового рва и заграждений всех видов. Кроме двух обводов в самом городе в центре внутреннего кольца была цитадель, также подготовленная к обороне. На перекрестках улиц в городе были построены долговременные огневые точки из железобетона. Следует отметить, что как форты, так и железобетонные ДОТы почти не были использованы для обороны. В фортах немецкое командование устраивало главным образом склады, использовало их в качестве убежищ для резервов и в меньшей степени пользовалось ими как огневыми сооружениями. Точно так же, как и в Модлин, в Торне немцы предпочитали вести оборонительный бой с открытых полевых позиций, которые всюду были сооружены в районах фортов и ДОТов, а также в промежутках между ними, и которые в конечном счете оказались обеспечивающими не только несравненно большую свободу маневра, но и более действительную защиту от огня [5. Л. 5].

Утром 1 февраля 1945 г., после короткого артоналета, части 136-й стрелковой дивизии с востока и севера начали штурм внутреннего обвода крепости и до 12.30 полностью овладели городом и крепостью Торн. Одновременно в ночь на 1 февраля один полк 136-й стрелковой дивизии начал преследование группировки, прорвавшейся из крепости.

Отходивший из крепости противник в течение всего периода боев с 31 января по 9 февраля двигался тремя колоннами, имея впереди малокалиберную артиллерию и пулеметы, которыми он расчищал свой путь. Следует отметить также широкое применение противником «фаустпа-

тронов», которые он использовал не только против советских танков и самоходных орудий, но и против пехоты.

Встречая сопротивление на своем пути, противник обычно с фронта наносил удар огневыми средствами, а главными силами пытался обойти преградившие ему путь части. Когда это не удавалось, он, не считаясь с потерями, прибегал к лобовым атакам с целью прорыва через боевые порядки советских войск.

Успех в боях по уничтожению «кочующего котла» противника был обеспечен высокой активностью советских войск, умелым маневрированием соединений, которые своевременно сосредотачивали свои основные силы в нужном направлении, дробили части противника на мелкие группы и каждый раз, когда противнику удавалось вырваться из окружения, вновь отрезали ему пути отхода. С положительной стороны отмечались инициатива и умение командиров полков и батальонов 70-й армии действовать самостоятельно, а также действия самоходных установок.

Значительную роль в ликвидации торненской группировки сыграла артиллерия. По показаниям пленных, части противника наибольшие потери понесли от огня артиллерии в районах переправ через р. Вислу [2. Л. 14].

К недостаткам, проявившимся в ходе боев по уничтожению торненской группировки противника, следует отнести: слабые действия разведки; недостаточную организованность управления в батальонах и ротах; отсутствие проводной связи из-за частых порывов и работу радиосвязи с перебоями; громоздкость обзоров частей и слишком большое их приближение к боевым порядкам [5. Л. 27].

Следует отметить, что потери в стрелковых корпусах 70-й армии в период с 14 января по 1 февраля 1945 г. составили 11 070 человек (19,6% от численности личного состава), что почти в два раза меньше расчета предполагаемых потерь на 10 дней, который был подготовлен заместителем

начальника санитарного отдела 70-й армии накануне операции, — 22 680 (36%) человек от 63 000 личного состава соединений [6. Л. 137; 7. Л. 73].

Таким образом, с 14 по 31 января, за 17 дней наступательных боев, войска армии, прорвав оборону противника западнее р. Нарев, продвинулись на 300 с лишним километров, овладели 3257 населенными пунктами и 18 городами, среди которых были такие важные узлы сопротивления противника, как крепость Модлин, Кульм, Фордон, важный речной порт на р. Висле — Плоцк и другие. За 17 дней боев было уничтожено 14 650 и взято в плен 1900 солдат и офицеров противника; уничтожено и захвачено огромное количество техники и военного имущества [2. Л. 14].

В ходе дальнейшего наступления, в результате десятидневных боев по уничтожению торненской группировки противника с 31 января по 9 февраля 1945 г., было взято в плен около 12 000 солдат и офицеров, убито до 15 000; уничтожено и захвачено у противника 270 орудий, свыше 700 пулеметов, 1200 автомашин, большое количество боеприпасов. Захвачено также 183 склада с вооружением и боеприпасами, 19 продовольственных и интендантских складов (в крепости Торн). В ходе боев разгромлены 73-я и 337-я пехотные дивизии противника, уничтожены 31-я пехотная дивизия, 340-я фольксгренадерская дивизия, 152-я запасная пехотная дивизия, 86-я и 137-я дивизионные группы, 4-я офицерская школа, 1-я запасная бригада и другие части и подразделения противника [2. Л. 15].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 г. «за хорошо разработанный и проведенный план операций по разгрому войск противника, за умение руководить войсками в бою», командующему 70-й армией генерал-полковнику Василию Степановичу Попову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [8].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ЦАМО. Ф. 427. Оп. 32311. Д. 1.
2. ЦАМО. Ф. 427. Оп. 2394. Д. 1612.
3. ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2394. Д. 1196.
4. ЦАМО. Ф. 427. Оп. 16437. Д. 1.
5. ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2394. Д. 1611.
6. ЦАМО. Ф. 427. Оп. 71946. Д. 1, 2.
7. ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2394. Д. 1118.
8. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 38.

ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ ЗА ГОСПОДСТВО В ВОЗДУХЕ И ЕЕ РЕШЕНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ THE PROBLEM OF THE STRUGGLE FOR AIR SUPREMACY AND ITS SOLUTION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

В статье рассматриваются виды, способы и формы борьбы советских Вооруженных Сил за господство в воздухе в период Великой Отечественной войны.

The article considers types, ways and forms of struggle of the Soviet Armed Forces for air supremacy during the Great Patriotic War.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, борьба за господство в воздухе, тактика ВВС, воздушный бой, воздушные операции, истребители, бомбардировщики, штурмовики, аэродромы, люфтваффе.

Keywords: Great Patriotic War, struggle for air supremacy, air force tactics, air combat, air operations, fighters, bombers, attack aircraft, airfields, Luftwaffe.

По предвоенным советским военно-теоретическим взглядам считалось, что господство в воздухе является одним из главных условий успешного ведения операций и войны в целом. Для разгрома авиации противника и завоевания господства в воздухе предполагалось привлекать не только все виды и рода Военно-воздушных сил Красной армии, Войска ПВО, но и силы и средства сухопутных войск и Военно-Морского Флота.

Борьбу за господство в воздухе рекомендовалось вести по единому плану, на широком фронте путем уничтожения авиации противника в воздухе и на земле (на аэродромах).

В определенных условиях предусматривались специальные воздушные операции по уничтожению авиационных группировок, учебных центров ВВС и авиационной промышленности противника.

Опыт Великой Отечественной войны подтвердил правильность этих взглядов. Но оперативное искусство отечественных ВВС не остановилось на этом. Теория и практика борьбы за господство в воздухе продолжает развиваться и совершенствоваться, в том числе в специфических условиях современной специальной военной операции (СВО).

ВИДЫ БОРЬБЫ ЗА ГОСПОДСТВО В ВОЗДУХЕ

В ходе Великой Отечественной войны одной из важнейших и наиболее сложных задач советской авиации было завоевание господства в воздухе. На выполнение этой задачи было затраче-

но фронтовой авиацией — 35,2%, АДД¹ — 9,6%, ВВС ВМФ — 55,2% и истребительной авиацией ПВО страны — 83,8% всех произведенных боевых вылетов [1, с. 438].

Под господством в воздухе понималась такая воздушная обстановка, созданная активными действиями ВВС при участии других видов вооруженных сил, при которой сухопутные войска, Военно-воздушные силы, Военно-Морской Флот и тыл страны могли успешно, без существенных помех со стороны вражеской авиации выполнять поставленные задачи, в то время как противник под воздействием советских ВВС был бы лишен такой возможности.

В ходе Великой Отечественной войны борьба за господство в воздухе велась на всем советско-германском фронте. Она характеризовалась огромным размахом, небывалым ожесточением и напряженностью боевых действий. И это было не случайно. Господство в воздухе являлось одним из важных условий победы не только в операциях, но и в войне в целом.

В зависимости от целей и количества привлекаемых сил и средств борьба за господство в воздухе осуществлялась в стратегическом, оперативном и тактическом масштабах. Соответственно этому, господство в воздухе подразделялось на виды: стратегическое, оперативное и тактическое.

Борьба за стратегическое господство в воздухе велась под общим руководством Ставки ВГК² на всем советско-германском фронте в интере-

¹ Авиация дальнего действия — прим. автора.

² Верховное главное командование — прим. автора.

сах войны в целом и преследовала цель — разгромить основные силы ВВС противника. Для решения этой задачи привлекались все виды вооруженных сил, однако главную, решающую роль в этой борьбе играли Военно-воздушные силы.

В ходе начального периода Великой Отечественной войны авиации противника удалось овладеть стратегической инициативой в воздухе и обеспечить тем самым наиболее благоприятные условия для наступления своих сухопутных войск. Советские Вооруженные Силы оказались в крайне тяжелых условиях.

Германское командование, чтобы разгромить советскую авиацию и завоевать господство в воздухе, привлекло более 50% своей авиационной группировки. При этом так же, как при нападении на Польшу, Францию и другие европейские государства, главными объектами воздействия были военные аэродромы.

Утром 22 июня немецкая авиация одновременно атаковала 66 аэродромов. На них базировалось до 70% авиационных полков четырех западных приграничных округов. Причем в первую очередь были подвергнуты ударам те аэродромы, на которых располагались авиационные полки, оснащенные самолетами новых типов [1, с. 29].

В течение дня военно-воздушные силы приграничных округов не смогли организованно отразить массированные налеты вражеской авиации и потеряли около 1200 самолетов, в том числе 800 — на аэродромах [2]. И все же, несмотря на трудности и сложности обстановки, наши летчики мужественно вступили в борьбу с авиацией противника. В первый день войны совершили около 6 тыс. самолето-вылетов и уничтожили в воздушных боях более 200 вражеских самолетов [3].

Обращает на себя внимание тот факт, что наименьшие потери (23 самолета) понесли военно-воздушные силы Одесского военного округа. Причина этого заключалась в том, что командование округа, располагая данными о готовящемся нападении врага, по своей инициативе вечером 21 июня отдало приказ вывести войска и штабы из населенных пунктов, частям прикрытия занять свои оборонительные районы, а авиационным полкам и дивизиям рассредоточиться на запасных аэродромах, в истребитель-

ных авиационных полках выделить дежурные звенья.

Продолжая наращивать удары по нашей авиации, ВВС Германии к середине июля 1941 г. вывели из строя более 50% самолетов советских ВВС приграничных округов. При этом потери летного состава были не значительными.

Большие потери авиационной техники обуславливались рядом причин. Главными из них были следующие:

1. При нападении на наши аэродромы противник использовал фактор внезапности. Телеграмма наркома обороны о приведении войск в полную боевую готовность и рассредоточении авиации по полевым аэродромам, направленная в ночь на 22 июня (за 4 часа до вторжения), не была своевременно доведена до авиационных частей и исполнена. Внезапность была достигнута и вследствие слабой бдительности и недостаточной боевой готовности ВВС округов.

2. Ограниченность аэродромной сети затрудняла маневр частей и соединений ВВС. Авиация базировалась скученно — на многих аэродромах по 100—120 и более самолетов. Некоторые аэродромы располагались в непосредственной близости от границы и были обстреляны артиллерией противника в первые часы вторжения. На ряде аэродромов не были оборудованы укрытия для личного состава, самолеты не рассредоточивались и не маскировались. В то же время районы базирования советской авиации (аэродромы) не достаточно прикрывались средствами ПВО.

3. Против опытного врага советским летчикам пришлось сражаться, в основном, на устаревших самолетах. Сказалось также отсутствие навыков по отражению внезапных массированных ударов вражеской авиации.

4. Сравнительно низкий уровень боевой подготовки советских летчиков, которым пришлось вести борьбу с летным составом немецких ВВС, обладавшим почти двухлетним опытом боевых действий. Сказалось и отсутствие наиболее опытных руководящих кадров, погибших в ходе репрессий 1937—1939 гг.

5. Некоторые полки имели по два комплекта боевых машин: новых, которые осваивались летным составом, и устаревших, законсервированных и подготовленных для отправки в тыл. Из-за невозможности эвакуации значительная

часть этих самолетов была уничтожена при отступлении.

Господство в воздухе авиации противника ставило советские сухопутные войска, ВВС и ВМФ в очень тяжелое положение и явилось одной из важнейших причин неудач Красной армии в первом периоде Великой Отечественной войны (22.06.1941 г. — 18.11.1942 г.). Авиация противника серьезно препятствовала нашим сухопутным войскам в решении боевых задач. Она подчас безнаказанно действовала на поле боя, наносила чувствительные удары по объектам нашего оперативного тыла, варварски уничтожала мирное население в городах и селах.

Фальсификаторы истории всячески преувеличивают первоначальный успех люфтваффе. Так, генерал-фельдмаршал А. Кессельринг в своей послевоенной книге: «Солдат до последнего дня», опубликованной в 1953 г. и переведенной на несколько языков, пытается убедить читателей будто — первый сокрушительный удар по русской авиации способствовал тому, что она смогла оправиться только к концу войны. В действительности же все было несколько иначе. И, несмотря на огромные потери, советскому командованию удалось принять необходимые меры по усилению и укреплению своей авиации.

Наиболее ожесточенная борьба за господство в воздухе развернулась на важнейших стратегических направлениях, где сухопутные войска решали главную задачу. В конце осени и зимой 1941 г. это был центральный участок советско-германского фронта. Советское командование под Москвой сосредоточило дальнебомбардировочную авиацию, авиационные группы, 6-й истребительный авиационный корпус, а также усилило резервами ВВС Западного фронта и общевойсковых армий. В итоге к переходу войск в контрнаступление советские ВВС под Москвой насчитывали около 1200 боевых самолетов и в два раза по численности превосходили противника [4]. Странной забывчивостью страдает бывший командующий 2-м воздушным флотом. А ведь кому, как не ему известно, что еще в конце 1941 г. советская авиация под Москвой завоевала господство в воздухе. Хотя господство в воздухе было завоевано на московском направлении, но это было важнейшее стратегическое направление и при этом люфтваффе

не имели превосходства в воздухе ни под Ленинградом, ни под Ростовом.

Завоевание господства в воздухе советскими ВВС под Москвой явилось одним из важнейших условий разгрома немецко-фашистских войск в Московской битве и проведения наступательных операций Красной армии.

К концу первого периода Великой Отечественной войны воздушная обстановка стала постепенно менять в нашу пользу, что объяснялось, с одной стороны, значительными потерями немецкой авиации на советско-германском фронте, а с другой — ростом сил советских ВВС, повышением мастерства нашего летного состава, совершенствованием теории и практики боевого применения советской авиации.

Труженики авиационной промышленности значительно увеличивали выпуск боевых самолетов. Если в январе 1942 г. авиационные заводы СССР произвели только 760 боевых самолетов, то в октябре 1942 г. — 2200, т.е. почти в три раза больше. За год (с 1 января 1942 г. по 1 января 1943 г.) численность самолетов фронтовой и дальней авиации возросла в полтора раза, а бомбовый залп фронтовой дневной бомбардировочной авиации увеличился более чем в 3,5 раза.

Вместе с количественным ростом улучшилось качество авиационной техники. На вооружение советской авиации начали поступать новые истребители Ла-5, Як-7б, Як-9, которые по своему качеству не уступали однотипным самолетам Германии, а по некоторым летно-техническим характеристикам даже превосходили их. Намного расширилось производство бомбардировщиков Пе-2 и штурмовиков Ил-2. К началу второго периода войны удельный вес устаревших самолетов составил только 6,6% (без учета По-2 и Р-5), т.е. к концу 1942 г. было почти закончено перевооружение ВВС на новую авиационную технику.

В результате количественного и качественного роста советской авиации увеличился масштаб борьбы за господство в воздухе. Эта борьба стала принимать более решительный характер. Возросли роль и значение ВВС в операциях и войне в целом.

Все это предопределило коренной перелом в борьбе за стратегическое господство в воздухе, который начался в контрнаступлении под Сталинградом, усилился в воздушных сражениях

на Кубани и был завершен летом 1943 г. в битве под Курском и с выходом советских войск на рубеж р. Днепр. В операциях зимней и летне-осенней кампаний 1943 г. советские ВВС последовательно нанесли один за другим ряд мощных ударов по авиации противника и разгромили ее важнейшие группировки на советско-германском фронте. При этом было уничтожено более 20 тыс. самолетов и истреблены лучшие, наиболее подготовленные и опытные кадры летного состава противника [1, с. 439].

Восполнить такой урон, особенно в летном составе, командование люфтваффе в короткий период времени было уже не в состоянии. Немецкие авиационные школы и училища не успевали готовить кадры требуемой квалификации.

В результате огромных потерь численность боевых самолетов немецкой авиации на советско-германском фронте с начала войны до 1 июля 1943 г. сократилась с 5000 до 3000, т.е. уменьшилась в 1,7 раза. Резко снизились морально-боевые качества ее летчиков. Сила вражеской авиации заметно ослабла. После Курской битвы стратегическое господство в воздухе на всем советско-германском фронте полностью и безповоротно перешло на сторону нашей авиации.

Фальсификаторы истории Второй мировой войны пытаются доказать, что главной причиной снижения боеспособности немецкой авиации были налеты англо-американских бомбардировщиков на авиационные заводы Германии. Но факты опровергают это утверждение. До 1943 г., когда решалась судьба борьбы за стратегическое господство в воздухе, англо-американская авиация почти не действовала по немецким авиационным заводам, а наносила удары по городам и другим объектам Германии. Бомбовый груз, сброшенный американско-английской авиацией в 1943 г. на заводы авиационной промышленности противника, составлял только 2% от общего тоннажа примененных бомб. Убедительным доказательством малой эффективности этих налетов был также рост производства самолетов Германии в 1942–1944 гг. (в 1942 г. было выпущено 15 409, в 1943 г. — 24 365 и в 1944 г. — 40 482 [1, с. 441] самолетов). Следовательно, резкое снижение боеспособности немецкой авиации объяснялось не столько недостатком самолетов, сколько не-

хваткой летных кадров, которые были истреблены главным образом на советско-германском фронте. Всего за время Второй мировой войны англо-американские ВВС уничтожили около 33 тыс. немецких самолетов, т.е. в 2,3 раза меньше, чем потеряла авиация Германии на советско-германском фронте.

С завоеванием стратегического господства в воздухе советским сухопутным войскам и Военно-Морскому флоту были созданы благоприятные условия для ведения операций, а Военно-воздушным силам — для активных наступательных действий. Немецкая же авиация, наоборот, перешла к оборонительным действиям и уже до конца войны не могла оказывать серьезного влияния на развитие операций своих войск.

В данной связи А. Кессельринг признает, что: «В последующие годы войны в России роль немецкой авиации постепенно снижалась, так что к концу войны она могла быть использована только в качестве «пожарной команды» для борьбы на наиболее «горячих» участках фронта... Авиация уже не удовлетворяла потребностей сухопутной армии... Маневренная война с ее многочисленными возможностями, ввиду отсутствия достаточно сильной бомбардировочной авиации ближнего действия, была обречена на провал. О переходе авиации снова к решению задач оперативного характера в сложившейся обстановке думать больше не приходилось» [5, с. 206, 208].

С завоеванием стратегического господства в воздухе сократились потери нашей авиации, а урон противника увеличился. Если в 1941 г. на один потерянный советский самолет в среднем приходилось 32 самолето-вылета, в 1943 г. — 72, то в 1945 г. — 165 самолето-вылетов. У противника, наоборот, в 1942 г. на один уничтоженный самолет приходилось 25,5, в 1943 г. — 22,5, а в 1945 г. — 11 самолето-пролетов [6]. Вместе с тем советская авиация из года в год увеличивала количество самолето-вылетов, в то время как ВВС Германии их уменьшали. Если в 1942 г. авиация противника в среднем совершала ежемесячно на советско-германском фронте 41 090 самолето-вылетов, то в 1943 г. — 39 288, а в 1945 г. — 15 622, т.е. в 2,6 раза меньше.

Переход немецких ВВС к оборонительным действиям наглядно демонстрируется также

изменением удельного веса родов авиации. В начале войны в составе ВВС Германии преобладали бомбардировщики (52,5%).

На долю истребителей приходилось только 32% самолетного парка. К концу 1944 г. удельный вес немецких бомбардировщиков снизился в 4 раза. А истребителей увеличился более чем в два раза и составлял 68%. Это свидетельствовало о переходе немецких войск и авиации к стратегической обороне, об огромных потерях бомбардировочных эскадр и трудностях их восполнения, а главное — было наглядным доказательством возрастания активности советских ВВС и завоевания ими господства в воздухе.

Таким образом, для завоевания стратегического господства в воздухе советской авиации потребовалось два года напряженной борьбы с ВВС противника на всем советско-германском фронте.

Борьба за оперативное господство в воздухе велась на важнейших операционных направлениях в интересах операций Сухопутных войск, Военно-Морского Флота и ВВС. Она осуществлялась авиацией фронтов, участвовавших в операциях, с привлечением соединений АДД, военно-морской авиации, части сил сухопутных войск и ПВО страны. Оперативное господство в воздухе достигалось разгромом и подавлением противостоящих группировок немецкой авиации. Обычно эта цель достигалась уже в первые дни операции путем уничтожения самолетов противника в воздухе и на аэродромах.

В наступательных операциях борьба за оперативное господство в воздухе наиболее напряженный характер принимала при прорыве обороны противника, вводе в прорыв (сражение) подвижных групп фронта или армий и при отражении контрударов противника, а в оборонительных операциях — в ходе борьбы за удержание тактической зоны обороны и при нанесении по нашим войскам контрударов.

Борьба за оперативное господство в воздухе планировалась и организовывалась командующими войсками фронтов и воздушных армий, а усилия фронтов, АДД и ВВС флота (на приморских направлениях) при решении этой задачи координировались Ставкой ВГК.

Между стратегическим и оперативным господством в воздухе существовала тесная связь и взаимозависимость. Успех в борьбе за опера-

тивное господство в воздухе содействовал победе в стратегическом масштабе. В свою очередь, наличие стратегического господства в воздухе облегчало завоевание оперативного господства. Однако это не означало, что завоевание стратегического господства в воздухе освобождало нашу авиацию от борьбы за оперативное господство. Опыт показывает, что даже при наличии стратегического господства в воздухе на стороне противника советским ВВС удалось периодически завоевывать оперативное господство в воздухе на отдельных направлениях в интересах важнейших операций сухопутных войск. Так было, например, при обороне на ближних подступах и в контрнаступлении под Москвой, а также в контрнаступлении под Сталинградом, где ставка ВГК привлекала (за счет ослабления ВВС на других участках фронта) более крупные силы советской авиации, которые и завоевали оперативное господство в воздухе.

Иногда бывало и наоборот. Так, в некоторых операциях 1944 г., когда стратегическое господство в воздухе уже принадлежало нашей авиации, противнику все же удавалось на короткий промежуток времени захватывать оперативное господство в воздухе, особенно на заключительной стадии наступления в Белорусской и Львовско-Сандомирской операциях.

Тактическое господство в воздухе завоевывалось в интересах боя частей или соединений (при нанесении контратак, форсировании водных преград сухопутными войсками, при осуществлении ударов силами бомбардировочной авиации и т.д.). Оно достигалось в небольших районах на короткий промежуток времени путем уничтожения, подавления или вытеснения авиации противника, главным образом, силами истребительной авиации и войсковой ПВО.

СПОСОБЫ БОРЬБЫ ЗА ГОСПОДСТВО В ВОЗДУХЕ

В борьбе за господство в воздухе советская авиация применяла различные способы:

- уничтожение авиации противника в воздушных боях;
- уничтожение авиации противника на аэродромах;
- вывод из строя взлетно-посадочных полос;
- разрушение складов ГСМ, боеприпасов и других средств МТО;

— уничтожение и подавление средств ПВО, органов управления авиацией противника и др.

Важнейшими из этих способов являлись первые два — уничтожение авиации противника в воздушных боях и на аэродромах.

Из 57 тыс. самолетов, уничтоженных советской авиацией на советско-германском фронте, более 44 тыс. (77%) были сбиты в воздушных боях и 13 тыс. (23%) выведены из строя на аэродромах. Таким образом, решающее значение в разгроме авиации противника в годы Великой Отечественной войны имели воздушные бои и сражения. В уничтожении вражеской авиации в воздухе принимали участие истребители, штурмовики и бомбардировщики, но решающая роль принадлежала истребительной авиации. Истребители уничтожали самолеты противника при решении задачи по прикрытию своих сухопутных войск, а также при обеспечении действий бомбардировщиков, штурмовиков и разведчиков. Наиболее активно истребители вели борьбу с вражеской авиацией в воздухе во время прикрытия сухопутных войск. В первый год войны для решения этой задачи выделялись истребительные авиационные полки, позже — истребительные авиационные дивизии, а начиная с Курской битвы выделялись уже истребительные авиационные корпуса.

Самая напряженная борьба в воздухе велась на тех направлениях, где разворачивались решающие сражения сухопутных войск. Особенно большой размах и упорный характер она принимала в первые дни операции. Нередко воздушные бои перерастали в воздушные сражения, когда с обеих сторон участвовало до 200 самолетов одновременно (Кубань и Курск 1943 г.). Исход воздушных боев и сражений оказывал значительное влияние на эффективность действий сухопутных войск и других родов авиации.

В воздушных боях одновременно уничтожались и самолеты, и летные кадры противника. На советско-германском фронте люфтваффе потеряли 66% летного состава от общего количества потерь летного состава за все годы второй мировой войны. На советско-германском фронте закончили свою карьеру многие асы Геринга (Ган, Коганек, Иоппенен, Бек, Гофман и др.). Уничтожение подавляющего числа летных кадров авиации нацистской Германии на советско-германском фронте сыграло решающее

значение в разгроме люфтваффе, т.к. подготовка летчиков была сопряжена с большими трудностями, чем строительство самолетов.

Было приложено много сил для обеспечения победы нашей авиации в воздухе.

В годы Великой Отечественной войны были улучшены летно-тактические характеристики самолетов всех родов авиации. Увеличена максимальная скорость полета, улучшен вертикальный маневр и усилена мощность огневых средств советских истребителей. Самолеты Ла-5 фн, Як-9, Як-3, Ла-7 превосходили в скорости, скороподъемности и маневренности немецкие истребители. Пулеметы ШКАС калибра 7,62 мм были заменены крупнокалиберными пулеметами и пушками 20-, 23- и 37-мм калибров.

Самое серьезное внимание уделялось повышению летной и боевой выучки, формированию высоких морально-политических качеств у авиационных кадров. Достигалось это совершенствованием летной подготовки курсантов в авиационных школах, улучшением боевой подготовки летчиков в запасных и строевых авиационных частях, накоплением боевого опыта в ходе войны и широким применением разнообразных форм и методов партийно-политической работы.

В ходе войны совершенствовалась тактика родов авиации и особенно тактика истребительной авиации. Достигалось это применением наиболее активных способов действий, более маневренных боевых порядков, широким внедрением радио в управление боевыми действиями истребителей, переходом к вертикальному маневру в воздушном бою. Победа над противником в воздухе достигалась большим упорным трудом, высоким уровнем военного искусства, проявлением бесстрашия и массового героизма воинов-авиаторов. Все это создало предпосылки для завоевания господства в воздухе советскими ВВС.

С первых дней войны наши летчики применяли такой способ борьбы за господство в воздухе, как уничтожение авиации противника на аэродромах. В ответ на массированные удары немецкой авиации по аэродромам западных военных округов наши ВВС произвели ряд налетов на вражеские аэродромы. Уже 22 июня 1941 г. народный комиссар обороны Союза ССР

в своем приказе № 2 поставил задачу перед советскими ВВС: «Мощными ударами штурмовой и бомбардировочной авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника...».

Но действия нашей авиации по аэродромам противника в начале войны были ограниченными, т.к. командование фронтов в основном использовало авиацию для борьбы с танковыми и моторизованными войсками противника.

К действиям по аэродромам привлекалась бомбардировочная, штурмовая и истребительная авиация. В основе организации и осуществления ударов по аэродромам была внезапность действий, стремление в кратчайшее время нанести противнику наибольшие потери. Налету на аэродром предшествовала воздушная разведка. При этом изучались режим деятельности авиации противника на данном аэродроме, расположение стоянок самолетов, складов ГСМ и боеприпасов, направление взлетно-посадочной полосы, ПВО аэродрома.

Удары по аэродромам осуществлялись преимущественно в утренние и вечерние часы, когда противник находился в пониженной боевой готовности. Действия велись в составе различных групп, от звена, эскадрильи до полка и более. Удары наносились как в составе смешанных групп, так и действиями одного рода авиации.

Аэродромы противника обычно имели хорошее прикрытие зенитными средствами и истребительной авиацией. Истребители прикрывали аэродромы патрулированием или дежурством на аэродроме в трехминутной готовности к вылету. В районе аэродрома была хорошо налажена служба оповещения. Все это требовало больших усилий для преодоления ПВО противника.

Действия мелких групп были основаны на внезапности. Выбиралось выгодное время нанесения удара, полет осуществлялся на малых высотах и с соблюдением других мер маскировки, удар наносился с одного или максимум двух заходов, главное внимание уделялось уничтожению самолетов на стоянках и на взлетной полосе. Примером таких действий может служить удар группы истребителей по аэродрому Анапа на рассвете 4 июля 1943 г. (4-я воздушная армия). Из 13 самолетов 8 наносили удар по стоянке самолетов, 3 подавляли зенитные точки, 2 осуществляли контроль. Действия были внезапными для противника. На земле было уничтоже-

но и повреждено 10 самолетов. Наши истребители потерь не имели. Если же удар наносился крупными силами, то при его осуществлении, наряду с внезапностью действий, большое внимание уделялось подавлению ПВО противника, так как полет большой группы самолетов трудно было скрыть от наблюдателей и разведчиков люфтваффе. При действиях смешанных групп бомбардировщики и штурмовики уничтожали вражескую авиатехнику на земле, истребители подавляли зенитную артиллерию противника, препятствовали взлету его самолетов с аэродрома и сковывали боем истребителей противника, находившихся в воздухе. Действия смешанных групп также были успешными при тщательной подготовке налета. По показаниям пленного немецкого летчика фельдфебеля Артура Бета, 8 августа 1942 г. в результате удара советских штурмовиков и истребителей по аэродрому Тунг-Озеро в Финляндии, почти все самолеты 7-го отряда 5-й истребительной эскадры были уничтожены или выведены из строя.

Удары по аэродромам являлись экономным способом борьбы за господство в воздухе. В годы Великой Отечественной войны в среднем для уничтожения одного вражеского самолета на аэродроме затрачивалось 5 самолето-вылетов, в то время как на один сбитый самолет в воздухе расходовалось в среднем 30 самолето-вылетов.

Но этот способ борьбы за господство в воздухе имел и свои слабые стороны:

- при ударах по аэродромам уничтожалась в основном материальная часть, а летный состав противника нес незначительные потери;
- противник имел возможность значительную часть поврежденных самолетов восстанавливать, производя небольшой ремонт, или использовать их агрегаты, детали в качестве запасных частей.

Таким образом, уничтожение авиации противника на аэродромах не стало главным способом борьбы советских ВВС за господство в воздухе.

Наше командование планировало удары по вражеским аэродромам в ограниченных масштабах ввиду недостаточных возможностей бомбардировочной авиации, сложности организации и осуществления налетов на вражеские аэродромы и некоторой недооценки этого способа борьбы за господство в воздухе.

ФОРМЫ БОРЬБЫ ЗА ГОСПОДСТВО В ВОЗДУХЕ

Советские ВВС борьбу за стратегическое и оперативное господство в воздухе вели в двух формах. Наиболее характерной формой была повседневная борьба с авиацией противника в рамках операций сухопутных войск. Другая форма — проведение специальных воздушных операций по уничтожению или ослаблению наиболее крупных группировок авиации противника.

Главной формой являлась первая. В ходе повседневных действий в рамках операций сухопутных войск было уничтожено свыше 55 тыс. самолетов противника (96,5% от потерь, нанесенных противнику действиями советской авиации).

На завоевание господства в воздухе воздушные армии затрачивали 35–45% всех самолетов-вылетов, производившихся в операциях, т.к. велась эта борьба, прежде всего в интересах сухопутных войск.

Особенно ожесточенная борьба за господство в воздухе развивалась на направлении главных ударов войск фронтов. Район большинства воздушных боев и сражений ограничивался полем боя. Наиболее напряженные периоды борьбы за господство в воздухе совпадали с выполнением наиболее важных задач в операциях. Так, в оборонительных операциях под Курском удельный вес воздушных боев и сбитых самолетов противника распределялся соответственно следующим образом: при борьбе за удержание тактической зоны обороны 65% и 70%, а при нанесении контрударов — 30% и 25% [7].

Воздушные операции как форма борьбы за господство в воздухе в годы войны проводились эпизодически. Однако они позволяли в короткий срок, с затратой минимальных сил и средств наносить значительные потери тем или иным авиационным группировкам противника, что быстро сказывалось на улучшении воздушной обстановки.

В ходе воздушной операции наносилось несколько одновременных или последовательных ударов по аэродромам противника. Одновременно велись воздушные бои (сражения) с вражеской авиацией. И то и другое было объединено единым замыслом и планом и было на-

правлено на уничтожение (ослабление) авиационной группировки противника. Всего за время войны советская авиация провела девять таких операций.

Воздушные операции проводились на широком фронте с участием нескольких воздушных армий (ВВС фронтов), сил АДД, а на приморских направлениях ВВС флотов. Организовывала операции, как правило, Ставка ВГК. Боевые действия велись от трех, до шести суток.

В первом периоде войны ввиду недостатка сил и средств, отсутствия опыта воздушные операции проводились редко и имели ограниченный масштаб и результаты. За исключением массированного удара ВВС Северного фронта по аэродромам Финляндии и Северной Норвегии, на которых вывели из строя более 130 самолетов; наша авиация боевых потерь не имела.

Во втором периоде войны, когда возможности советских ВВС выросли в количественном и качественном отношении, воздушные операции приняли большой размах. Они проводились при подготовке или перед началом стратегических и фронтовых операций, чтобы облегчить завоевание оперативного господства.

Весной 1943 г. с 17 по 29 апреля — 4-, 8-, 17-я воздушные армии, ВВС Черноморского флота и авиации дальнего действия провели воздушную операцию по уничтожению вражеской авиации на аэродромах Крыма и юга Украины.

Наиболее характерные воздушные операции по уничтожению авиации противника были проведены в мае и июне 1943 г. Еще 12 апреля 1943 г. Военный совет Воронежского фронта обратился в Ставку ВГК со следующим предложением: «Как показывает опыт, противник по-прежнему наступает, главным образом, авиацией, танками и мотопехотой. Поэтому необходимо теперь же разработать план крупной воздушной операции по уничтожению авиации противника на аэродромах и своевременно начать выполнение этого плана. Должно быть предусмотрено тесное взаимодействие авиации Воронежского, Юго-Западного, Южного и Центрального фронтов, а также авиации дальнего действия для уничтожения авиации противника и его живой силы, особенно главной группировки».

Предложение Военного совета Воронежского фронта было принято Ставкой. При подготовке воздушной операции большое внимание

уделено воздушной разведке, чтобы вскрыть основную группировку авиации противника и достичь внезапности действий. Операция готовилась скрытно. Ее разрабатывал ограниченный круг лиц. Командующие воздушными армиями конкретные задачи получили только за сутки до ее проведения. Операцию намечалось провести с 6 по 16 мая.

В воздушной операции участвовали 1-, 15-, 16-, 17- и 8-я воздушные армии. Операция была проведена с 6 по 8 мая на фронте 1200 км на глубину 200 км. Всего было нанесено четыре удара: 6 мая — два, 7 и 8 мая — по одному. Удары днем дополнялись ночными действиями легких бомбардировщиков У-2³. С каждым днем увеличивалось противодействие авиации противника и его зенитной артиллерии, возрастали потери нашей авиации и уменьшались потери противника. По решению Ставки Верховного Главнокомандования 9 мая воздушная операция была прекращена.

Всего за трое суток было произведено 1392 самолето-вылета. Ударам подверглись 19 вражеских аэродромов (73 самолето-вылета на один аэродром). Было уничтожено около 500 самолетов, свои потери составили 122 самолета.

Вторая воздушная операция была проведена с 8 по 10 июня силами 1-, 2- и 15-й воздушной армий, а также авиацией дальнего действия — ударам подверглось 28 аэродромов, уничтожено 223 самолета. В дальнейшем воздушные операции по уничтожению авиации противника на аэродромах не проводились.

Воздушные операции, проведенные весной и летом 1943 г., характеризовались единством замысла, большим размахом, целеустремленностью действий, силой ударов, взаимодействием родов и видов авиации. Их продолжительность была в пределах 2–3-х суток. Наиболее эффективными были первые удары. Действия в последующие дни снижали потери противника и увеличивали свои ввиду прекращения влияния фактора внезапности удара. Воздушная разведка и скрытность подготовки являлись основой успеха воздушных операций. С завоеванием стратегического господства в воздухе летом 1943 г. советские ВВС в этот период не проводили воздушных операций по уничтожению ави-

ации противника на аэродромах, ограничиваясь действиями воздушных армий в полосе фронта.

В третьем периоде войны, надежно владея стратегической инициативой, советские ВВС воздушных операций по разгрому авиационных группировок почти не проводили. Исключением являлась Белорусская стратегическая наступательная операция «Багратион» 1944 г., перед началом которой восемь авиационных корпусов АДД в течение четырех ночей подвергли массированным ударам восемь аэродромов противника, совершив в общей сложности 1472 самолето-вылета. Особенно сильным ударам были подвергнуты аэродромы Брест, Белосток, Барановичи, Бобруйск, Лунинец. Эти удары, объединенные единым замыслом и преследующие цель — разгромить авиацию противника на важнейших базовых аэродромах к началу Белорусской операции, можно рассматривать как воздушную операцию.

Итак, воздушные операции были эффективной формой борьбы за господство в воздухе. Они способствовали завоеванию оперативного и стратегического господства в воздухе на советско-германском фронте. В ходе войны непрерывно улучшалась организация воздушных операций, увеличивался их размах за счет привлечения крупных сил фронтовой, дальней и морской авиации, совершенствовались способы подготовки и нанесения массированных ударов по аэродромам противника. Воздушные операции проводились, как правило, до начала активных действий сухопутных войск, что объяснялось недостатком сил ударной авиации для одновременного решения задач по поддержке сухопутных войск и уничтожения вражеской авиации на аэродромах.

ВЫВОДЫ

Великая Отечественная война убедительно показала, что господство в воздухе не самоцель, а лишь одно из важнейших условий для достижения победы над противником, которую можно одержать только объединенными усилиями всех родов войск и видов Вооруженных Сил, что от исхода борьбы за господство в воздухе в значительной степени зависел успех всей вооруженной борьбы на советско-германском фронте, характер и результативность действий сухопутных войск, авиации и флота в операциях.

³ Самолет У-2 с 1944 г. называется По-2 по фамилии авиаконструктора Поликарпова (1892–1944) — *прим. автора*.

В 1941–1945 гг. Военно-воздушными силами Красной армии, авиацией ВМФ, истребительной авиацией ПВО в воздухе и на аэродромах было уничтожено 57 тыс. немецких самолетов. Общие потери врага на советско-германском фронте составили 77 тыс. самолетов, а на остальных фронтах — почти в два с половиной раза меньше. Следовательно, вражеская авиация была разбита в основном на советско-германском фронте [1, с. 438].

Общие потери СССР в Великой Отечественной войне — 88 300 самолетов, из них 45 тыс. в воздушных боях. Значительную часть утраченных самолетов составляли не боевые потери (поломки, аварии и катастрофы по причинам конструктивно-производственного характера и человеческого фактора). Основные потери наша авиация понесла в первом периоде Великой Отечественной войны, в том числе от бомбежек, артиллерийских обстрелов и в ходе стремительного продвижения наступающих войск противника самолеты были брошены на аэродромах.

В ходе Великой Отечественной войны борьба за стратегическое и оперативное господство в воздухе осуществлялась такими способами и велась в таких формах, которые приводили к разгрому группировок ВВС противника на советско-германском фронте, а не к подрыву их базы воспроизводства. При разгроме авиационных группировок противника советское ко-

мандование, учитывая конкретную обстановку, сочетало проведение воздушных операций с уничтожением ВВС Германии в повседневных боевых действиях, в рамках наступательных и оборонительных операций сухопутных войск.

Великая Отечественная война закончилась полным разгромом ВВС противника. В упорных ожесточенных боях и сражениях советская авиация завоевала господство в воздухе и создала благоприятные условия всем видам Вооруженных Сил для ведения решительных наступательных действий. Борьба за господство в воздухе, как составная и неотъемлемая часть всей вооруженной борьбы, носила огромный размах. В ходе войны не было ни одной крупной операции сухопутных войск, которая закончилась бы успешно без наличия господства в воздухе. Опыт ведения борьбы за господство в воздухе в годы Великой Отечественной войны во многом сохранил свое значение и в современных условиях. Такие вопросы, как поддержание постоянной высокой боеготовности частей и соединений ВВС (ВКС), подготовка резервов и авиационных кадров, широкое использование маневренных качеств авиации, осуществление тесного взаимодействия авиации с войсками в наступательных и оборонительных операциях, обеспечение непрерывного управления и взаимодействия между родами и видами авиации и многие другие вопросы, не утратили своего значения и в настоящее время.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Советские ВВС в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1968. – 452 с.
2. ЦАМО, Ф. 35. Оп. 30802. Д. 32. Л. 4.
3. ЦАМО, Ф. 35. Оп. 225930. Д. 8. Л. 1.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 6. М.: Воениздат, 1965. С. 210.
5. Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. Перевод с немецкого. Изд. иностр. лит., 1957. С. 206, 208.
6. ЦАМО, Ф. 35. Оп. 73965. Д. 4. Л. 164.
7. Тимохович И.В. Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1976. С. 65.

S.V. FEDULOV,
V.E. RUDENKO,
V.V. SOKOLOV

С.В. ФЕДУЛОВ,
В.Э. РУДЕНКО,
В.В. СОКОЛОВ

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ «М-77» И «М-79» НА ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ (1943–1944) SUBMARINES “M-77” AND “M-79” ON LAKE LADOGA (1943–1944)

В ходе битвы за Ленинград в 1943–1944 гг. в акватории Ладожского озера находились и выполняли боевые и учебно-боевые задачи восемь подводных лодок: «М-77», «М-79», «М-90», «М-96», «М-102», «Щ-307», «Щ-309», «Щ-310». При этом подводные лодки типа «М» вели разведку и выполняли боевые задачи, подводные лодки типа «Щ» осуществляли мероприятия боевой подготовки. В статье показано, каким образом были доставлены на Ладожское озеро подводные лодки «М-77», «М-79» и какие задачи они выполняли. Остальные подводные лодки после полного снятия блокады Ленинграда прибыли своим ходом по Неве.

During the Battle of Leningrad in 1943–1944, eight submarines were located and performed combat and combat training tasks in the waters of Lake Ladoga, namely: “M-77”, “M-79”, “M-90”, “M-96”, “M-102”, “Shch-307”, “Shch-309”, “Shch-310”. At the same time, submarines of the “M” type conducted reconnaissance and performed combat missions, submarines of the “Shch” type carried out combat training activities. The article shows how the submarines “M-77” and “M-79” were delivered to Lake Ladoga and what tasks they performed. The remaining submarines, after the complete lifting of the blockade of Leningrad, arrived on their own along the Neva River.

Ключевые слова: Краснознаменный Балтийский флот, Ладожская военная флотилия, Отдел военных перевозок, подводные лодки, Ладожское озеро, транспортировка, разведывательные операции.

Keywords: Red Banner Baltic Fleet, Ladoga Military Flotilla, Military Transportation Department, submarines, Lake Ladoga, transportation, reconnaissance operations.

В Великой Отечественной войне 1943 год по праву считается решающим годом битвы за Ленинград. В результате успешно проведенной операции «Искра» 30 января 1943 года была прорвана блокада города. За 17 дней по освобожденному участку была проложена железнодорожная Шлиссельбургская трасса и 7 февраля 1943 года в Ленинград прибыл первый поезд. Тем самым было открыто железнодорожное сообщение с Большой землей. Ставкой Верховного Главного Командования (ВГК), Военным советом Ленинградского фронта, командованием Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) был разработан план и начали осуществляться мероприятия не только по полному снятию блокады, но и полному освобождению от оккупантов захваченной советской территории.

С 6 по 10 мая 1943 года (всего за четыре ночи) из Ленинграда и Лисьего Носа на Ораниенбаумский плацдарм были переправлены без потерь, незаметно для противника личный состав, боевая техника, вооружение и боеприпасы 98-й стрелковой дивизии и 184-го минометного полка

резерва ВГК [1, с. 292–293]. С 5 ноября 1943 года по 18 января 1944 года из Лисьего Носа на Ораниенбаумский плацдарм силами и средствами КБФ были доставлены части и соединения 2-й ударной армии, которые были задействованы для участия в операции «Январский гром», в результате которой была полностью снята блокада Ленинграда [1, с. 295–296]. Одновременно с обеспечением проведения операций на Финском заливе командованием ВМФ были спланированы и начали осуществляться мероприятия по поддержке Красной армии на Ладожском озере. При этом важная роль отводилась Ладожской военной флотилии под командованием капитана 1-го ранга В.С. Черокова, которая начала пополняться силами и средствами КБФ, в том числе двумя подводными лодками.

14 мая 1943 года командованием КБФ было получено решение наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова «О переводе подводных лодок КБФ «М-77» и «М-79» на Ладожское озеро». В данном решении указано, что в целях разведки обстановки северной части Ладожского озера

разрешить Военному совету (ВС) КБФ перевезти по железной дороге из Ленинграда на Ладожское озеро подводные лодки «М-77» и «М-79». Организация перевозки возлагалась на ВС КБФ. Данное решение было подписано заместителем наркома ВМФ адмиралом Л.М. Галлером [2. Л. 74].

На основании данного решения 25 июня 1943 года командующим КБФ был издан приказ «О передаче подводных лодок КБФ «М-77» и «М-79» в Ладожскую военную флотилию». Приказом предписывалось, во-первых, подводные лодки «М-77» и «М-79» 5-го дивизиона бригады подводных лодок (БПЛ) КБФ передать из состава КБФ в состав Ладожской военной флотилии (ЛВФ), с исключением из бригады подводных лодок КБФ. Во-вторых, перевод подводных лодок осуществлять по плану, утвержденному командующим КБФ. В-третьих, передачу подводных лодок командиру БПЛ после полного монтажа провести по акту в Морье. В-четвертых, подводные лодки «М-77» и «М-79», переданная Ладожской военной флотилии, свести в группу, назначив командиром группы старшего командира подводных лодок, с непосредственным подчинением его командующему ЛВФ [3. Л. 170].

Анализ данных документов позволяет сделать следующие выводы:

- целью использования подводных лодок «М-77» и «М-79» на Ладожском озере являлась исключительно разведка;
- транспортировка подводных лодок «М-77» и «М-79» на Ладожское озеро осуществлялась по железной дороге;
- перед транспортировкой по железной дороге осуществлялась предварительная подготовка подводных лодок, заключающаяся в демонтаже части оборудования (были сняты аккумуляторные батареи и боезапас).

Транспортировка подводных лодок по железной дороге из Ленинграда на Ладожское озеро ВС КБФ возлагалась на Отдел военных сообщений (ВОСО) КБФ. Мероприятия по транспортировке осуществлялись в июне 1943 года. Первоначально предусматривалось доставлять подводные лодки к месту назначения на специальных железнодорожных транспортерах. Однако таковых в блокадном Ленинграде не было. Поэтому вынуждены были прибегнуть

к транспортировке подводных лодок «М-77» и «М-79» на обычных четырехосных платформах [4. Л. 52]. Этому способствовал опыт доставки в 1942 году на Ладожское озеро негабаритных тяжеловесных плавсредств: секций, из которых в бухте Гольсмана собирали железные озерные несамоходные баржи водоизмещением в 600 и 900 тонн; тендеров; буксиров типа «Ижорец» и др.

Произведенные специалистами Отдела ВОСО и железнодорожниками расчеты показали, что перевозка подводной лодки длиной 37,8 м, шириной 3,5 м, возможна на сцепке из двух четырехосных 60-тонных платформ, при условии облегчения ее массы до 145 тонн и равномерном распределении нагрузки на всю площадь платформы. Это было обусловлено тем, что при массе подводной лодки в 145 тонн каждая платформа принимала на себя 72,5 тонн при допустимой сосредоточенности всего лишь 30 тонн [4. Л. 52].

Для равномерного рассредоточения нагрузки по всей площади платформы было сделано дополнительное устройство в виде распределительной площадки. Данное устройство представляло собой деревянный настил площадью 6,3 м², который был уложен в середине платформы и закреплен рядом поперечных стальных двухметровых балок, приваренных сваркой к каждой из четырех рамок каждой платформы. Поверх поперечных балок укладывалось два стальных листа толщиной 20 мм с отверстием посередине для поворотного устройства, причем нижний лист приваривался к балкам, а верхний лист свободно вращался вокруг своей оси на 360°. На верхнем листе размещались два кильблока (по одному на каждую платформу). Таким образом, подводная лодка размещалась на двух вращающихся опорах, передавая нагрузку на каждую ось платформы 24 тонны (145 т — масса лодки, 44 т — масса платформы, 3 т — масса устройства кильблока, деленные на 8 осей двух платформ) [4. Л. 53].

Погрузка каждой подводной лодки осуществлялась плавучим 100-тонным краном на специальных полотнищах. Полотнища заводились под корпус подводной лодки при помощи гилей и двух лебедок. В целях предотвращения смятия корпуса лодки они располагались в местах размещения ее шпангоутов. Крепление подводной

лодки на платформе осуществлялось после осмотра и проверки правильности ее посадки на кильблоки [4. Л. 54].

Транспортировка подводных лодок была затруднена наличием по пути следования высоковольтных линий электропередач, так как к тому времени Ленинград получал электроэнергию от Волховской ГЭС по высоковольтному кабелю, проложенному по дну Ладожского озера [1, с. 189–199]. Поэтому при транспортировке подводных лодок приходилось отключать и снимать линии электропередач, пересекающие железнодорожный путь от станции Дача Долгорукова до станции Ладожское озеро [4. Л. 55].

Перевозка такого негабаритного и ответственного груза требовала специальных организационных межведомственных согласований с управлениями Октябрьской железной дороги и Ленэнерго. Из-за этого транспорты с подводными лодками сопровождали бригады рабочих, представитель Ленэнерго и представитель службы пути и движения Октябрьской железной дороги, что сказалось на скорости движения транспортов с подводными лодками, которая была определена в 5–10 км/ч. В то время, как показала практика, на прямых участках она могла достигать 20 км/ч. Таким образом, транспорты с подводными лодками «М-77» и «М-79» находились в пути следования от 9 до 16 часов. После прохождения первого транспорта с подводной лодкой железнодорожный путь на всем перегоне был тщательно осмотрен, проверен, и только после этого была допущена транспортировка второй подводной лодки [4. Л. 55].

Для спуска подводных лодок на воду в бухте Гольцмана был построен специальный слип рядом со слипом, построенным летом 1942 года для транспортировки пустых железнодорожных цистерн из Ленинграда [5]. За последние месяцы навигации 1942 года по слипу из бухты Гольцмана в Кабону было отбуксировано 98 порожних цистерн [6. Л. 28].

По вновь построенному пути были спущены на воду Ладожского озера и подводные лодки «М-77» и «М-79». Перед спуском первой подводной лодки слип был тщательно проверен специальной комиссией с помощью водолазов. По прибытию транспорта с подводной лодкой «М-77» сразу же была убрана маскировка и сняты крепления. Затем между паровозом и транс-

портом с подводной лодкой были размещены 22 платформы, груженные камнями. Спуск всего состава осуществлялся со скоростью 1–2 км/ч. Весь процесс спуска до всплытия подводной лодки на воду занял 3 часа. С целью скрытности и маскировки работ, недопущения угрозы авиационного налета противника спуск на воду подводной лодки осуществлялся в ночное время. После спуска на воду подводной лодки «М-77» слип тщательно проверили и, только убедившись в его исправности, отдали команду на транспортировку и спуск на воду подводной лодки «М-79» [4. Л. 56]. Таким образом, транспортировка подводных лодок к театру военноморских действий была проведена успешно и незаметно для противника, и они начали проводить, как отмечалось в решении наркома ВМФ, разведку обстановки северной части Ладожского озера.

В составе средств войсковой разведки подводные лодки «М-77» (командир — капитан-лейтенант М.И. Татаринев) и «М-79» (командир — старший лейтенант А.А. Ключкин) занимали особое положение, так как они обеспечивали длительное наблюдение за подходами к базам, коммуникациям, побережью и островами, занятыми противником. Подводным лодкам ставились задачи как по уточнению данных, полученных от авиаразведки, катеров, так и по выявлению элементов обстановки, получение которых от других средств разведки было затруднено или невозможно. Таким образом, осуществлялось взаимодействие всех средств разведки ЛВФ [7. Л. 128].

Особое значение подводные лодки имели для выявления оперативного режима противника, изучения системы навигационного ограждения и длительного наблюдения за интересующими командование ЛВФ участками побережья с целью определения инженерного оборудования, охраны и характера деятельности противника в этих районах. Подводным лодкам ставилась задача скрытого проведения разведки, разрешение пользоваться торпедным вооружением было дано только в конце кампании. В боевом походе командирам подводных лодок разрешалось связываться с командованием флотилии по средствам радиосвязи только при боевых столкновениях, авариях и обнаружении десанта противника [7. Л. 128].

Перед каждым выходом на разведку, наравне с другими задачами, командирам подводных лодок предписывалось брать пленных, находящихся на плавсредствах, хотя во всех случаях при обнаружении кораблей и судов противника указывалось уходить на глубину. Разведку побережья, занятого противником, командиры подводных лодок осуществляли последовательно, по участкам, отходя на ночь для подзарядки аккумуляторных батарей в открытую часть озера. При обследовании побережья допускались минимальные дистанции 8–10 кабельтов (1 кабельтов составлял 185,2 м), в отдельных случаях, например, ночью — 3 кабельтов. В основном подводные лодки вели разведку Ладожского озера до параллели 61°29'. Однако в ноябре 1943 года была проведена разведка самого северного участка озера на подходах к базам Лахденпохья и Сортавала, причем линия островов Валаамского архипелага с целью сохранения электроэнергии форсировалась в надводном положении на дизелях. Подводными лодками в ходе боевых походов были отработаны задачи высадки разведывательно-диверсионных групп на побережье, занятое противником, успешно проведены боевые операции по высадке и съемке разведчиков южных районов Кексгольм и Видлица. Командиры подводных лодок предварительно провели тщательную разведку районов высадки десантов [7. Л. 129].

Вместе с тем эксплуатация подводных лодок затруднялась изношенностью техники и малой емкостью аккумуляторных батарей. Кроме того, долго не плававшему личному составу предстояло пройти необходимую боевую подготовку. Поэтому в боевые походы подводные лодки начали выходить только с 5 августа 1943 года. Напряженность боевой работы была очень высокой. Всего с 5 августа по 24 ноября 1943 года ими было совершено 12 боевых выходов, при этом все поставленные задачи были выполнены [7. Л. 130]. Из них 7 боевых походов совершила подводная лодка «М-77» и 5 — «М-79» [7. Л. 221].

Всего боевых походов, совершенных на Ладожском озере:

«М-77» 1943 г.: 5.08–8.08; 17.08 — 24.08; 17.09 — 23.09; 4.10 — 7.10; 10.10 — 14.10; 3.11 — 8.11; 17.11 — 24.11; 1944 г.: 5.07 — 6.07; 7.07 — 8.07; 17.07 — 20.07; 23.07 — 26.07; 4.08 — 8.08 [8, с. 294];

«М-79» 1943 г.: 29.09 — 2.10; 9.10 — 11.10; 21.10 — 25.10; 18.11 — 24.11; 26.11 — 1.12 [8, с. 295].

Оценка результатов боевой деятельности подводных лодок «М-77» и «М-79» на Ладожском озере позволяет сделать следующие выводы: во-первых, их применение на театре военных действий полностью было оправдано. Во-вторых, в результате разведывательных походов подводных лодок были значительно расширены имеемые сведения о составе сил противника, их базировании, режиме плавания, системе береговой обороны, системе наблюдения и связи на побережье и островах. В-третьих, все боевые задания экипажами подводных лодок были выполнены успешно с высоким качеством. В-четвертых, успех операций подводных лодок был обеспечен качественной подготовкой, правильными действиями командиров и членов экипажей. В-пятых, благодаря принятым командованиями КБФ и ЛВФ мерам противник не догадывался о присутствии подводных лодок на театре военно-морских действий [7. Л. 226].

Вместе с тем опыт показал, что подводные лодки типа «М» 6-й серии не отвечали в полной мере требованиям для боевых действий на Ладожском озере: крайняя ограниченность емкостей аккумуляторных батарей; большие глубины на Ладожском озере, что не позволяло лечь на грунт для экономии электроэнергии.

Тем не менее в 1944 году подводная лодка «М-77» продолжила боевую деятельность на Ладожском озере, совершила четыре выхода с целью разведки и осуществляла прикрытие высадки войск морского десанта в районе Тулоксы. 20 августа перешла по Неве в Ленинград. 19 сентября вновь ушла в Ладожское озеро для боевой подготовки и 25 сентября вернулась в Ленинград. Однако в боевых действиях больше не участвовала и по своему техническому состоянию поставлена на консервацию. После войны разобрана на металл [8, с. 294].

По-иному сложилась деятельность подводной лодки «М-79». 9 марта 1944 года командир подводной лодки «М-79» старший лейтенант А.А. Ключкин убыл к новому месту службы, и лишь 5 июля на его место назначили капитан-лейтенанта З.С. Тращенко. Все лето 1944 года «М-79» простояла в базе. 20 августа 1944 года перешла по Неве в Ленинград. Техническое

состояние подлодки было тяжелое и в сентябре ее поставили на консервацию, а с окончанием войны разобрали на металл [8, с. 295].

Таким образом, проведенная командованием ВМФ специальная операция по транспортировке железнодорожным транспортом и эксплуатации на Ладожском озере подводных лодок «М-77» и «М-79» имела важное значение, которое выражалось в том, что, во-первых, был получен бесценный опыт и найдены уникальные технические решения по доставке к театру воен-

но-морских действий негабаритных, специальных, тяжеловесных грузов (боевых кораблей). Во-вторых, это позволило органично вписать в систему военно-морской разведки деятельность, казалось бы, не предназначенных для этого кораблей. В-третьих, результаты разведки береговой обороны противника на оккупированных побережье и островах, полученных благодаря экипажам подводных лодок, позволили минимизировать потери при высадке морских десантов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Федулов С. В., Половинкин В. Н., Соколов В. В. Водные дороги жизни блокадного Ленинграда: малоизвестные страницы. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2023. 404 с.
2. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота) (далее – Филиал ЦА МОРФ (архив ВМФ)). Ф. 14. Оп. 115. Д. 1.
3. Филиал ЦА МОРФ (архив ВМФ). Ф. 2. Оп. 16. Д. 77.
4. Филиал ЦА МОРФ (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 33. Д. 17.
5. Гущенский Н. О эвакуации цистерн из блокадного Ленинграда. | Музей «История Правобережья Невского района» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-191588286_316 (дата обращения: 28.03.2023).
6. Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 6. Д. 786.
7. Филиал ЦА МОРФ (архив ВМФ). Ф. 505. Оп. 10. Д. 6. Л. 128.
8. Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок. 1941–1945. СПб.: ООО «Издательство «Полигон»», 2004. 592 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.

PSYCHOLOGICAL WARFARE IN THE TERSK REGION AS AN IMPORTANT COMPONENT OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877–1878

Статья посвящена анализу психологической войны, которую вели Российская империя и Османская Порта на территории Терской области в ходе восстания в горной Чечне под предводительством А.-Х. Алдамова в апреле – ноябре 1877 г. Особое внимание автор уделил акциям турецкой пропаганды, нацеленным на формирование новых очагов анти-русского мятежа под исламистскими лозунгами, и мероприятиям командования Кавказской армии, направленным на сужение социальной базы повстанческого движения в тылу российских войск и ликвидацию угрозы Военно-Грузинской и Владикавказской железной дорогам.

The article is devoted to the analysis of the psychological war waged by the Russian Empire and the Ottoman Empire on the territory of the Tersk region during the uprising in mountainous Chechnya led by A.-H. Aldamov in April– November 1877. The author paid special attention to the actions of Turkish propaganda aimed at forming new hotbeds of anti-Russian rebellion under Islamist slogans, and the activities of the command of the Caucasian Army aimed at narrowing the social base of the rebel movement in the rear of Russian troops and eliminating the threat to the Georgian Military and Vladikavkaz railways.

Ключевые слова: психологическая война, пропаганда, информационное воздействие, прокламация, Терская область, мятеж, восстание, Военно-Грузинская дорога, Владикавказская железная дорога, А.П. Свистунов, Гази-Магомед, У.-Х. Дувев, А.-Х. Алдамов, Веденский округ, Аргунский округ.

Keywords: psychological warfare, propaganda, informational impact, proclamation, Tersk region, mutiny, uprising, Georgian Military Road, Vladikavkaz railway, A.P. Svistunov, Gazi-Magomed, U.-H. Duev, A.-H. Aldamov, Vedensky district, Argun district.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., в ходе которой Российская империя с союзными балканскими государствами выступила на защиту христиан Османской Порты, вызвала серьезный резонанс в российских регионах с мусульманским населением. В сравнительно недавно замиренных Чечне и Дагестане, сохранивших живую память о событиях Кавказской войны, часть духовенства и племенной знати восприняла войну как шанс освободиться от владычества «неверных» и провозгласить военно-теократическое государство по образцу Имамата Шамиля.

Сторонники независимости Кавказа от России рассчитывали на военную помощь турецкого султана — «халифа всех мусульман» и видели главой будущего Имамата сына Шамиля Гази-Магомеда, генерал-лейтенанта турецкой армии, получавшего от российской казны пенсию покойного имама. Инсургенты¹ надеялись на вторжение в Чечню и Дагестан османских войск во главе с бывшим генерал-майором Русской Императорской Армии, турецким генерал-лейтенантом М.А. Кундуховым, командиром

кавалерийской бригады, сформированной из кавказских мухаджиров².

Вооруженные выступления горцев в Чечне и Дагестане в 1877 г. рассматриваются в современной историографии в основном как составные части одного антирусского восстания, вызванного русско-турецкой войной. Автор полагает целесообразным осветить отдельно мероприятия психологической войны, осуществленные противоборствующими сторонами при ликвидации мятежа в Терской области, включавшей территорию Чечни. Такое обособление объясняется стратегическим значением региона, по которому проходили Военно-Грузинская и Владикавказская железные дороги, главные линии снабжения русской армии на Малоазиатском театре военных действий. Подобный взгляд может быть обоснован и хронологией событий, практически одновременным с объявлением войны выступлением чеченцев и значительно более поздним началом восстания в Дагестане, где отсутствовали критически важные коммуникации. Провоцируя мятеж в

¹ Инсургенты — участники вооруженного восстания против правительства.

² Мухаджиры — мусульмане Северного Кавказа, переселившиеся в Турцию после Кавказской войны.

Чечне, Турция решала стратегическую задачу блокирования русской армии в Закавказье, дагестанским повстанцам отводилась более скромная роль — оттянуть максимальное количество войск противника с театра военных действий.

Историография восстания в Чечне широко представлена в работах отечественных авторов дореволюционного периода: командующего войсками Терской области наказного атамана Терского казачьего войска генерал-адъютанта А.П. Свистунова [10], консервативного публициста П.И. Ковалевского [6], общественного деятеля, журналиста и публициста Г.К. Градовского [9]. Последовательность событий подробно изложена в «Материалах для описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре» [1, 5], подготовленных штабом Кавказского военного округа, приложениях к этому труду [2, 3, 4], содержащих переписку чинов штаба Кавказской армии и начальников отдельных отрядов, прокламации мятежников и сообщения лазутчиков.

Влияние обстановки на Закавказском и Балканском фронте на активность повстанцев находит отражение в трудах военных историков А.С. Лазинского [8] и А.А. Керсновского [11], а также военного публициста и писателя К.И. Дружинина [12]. Отдельного внимания заслуживает очерк аварского ученого-богослова Хайдарбека Геничутлинского, современника восстания, выражавшего явное сочувствие мятежникам [13].

Необходимо отметить, что применяемые в статье термины «психологическая война» и «пропаганда» были сформулированы значительно позже описываемых событий. Несмотря на это, автор находит возможным говорить о психологической войне между Турцией и Россией, которая велась этими державами на Северном Кавказе в виде комплекса мероприятий информационного воздействия на местное население для оказания выгодного влияния на его психику и поведение.

Османская Порта стремилась спровоцировать вооруженные антирусские выступления горцев под исламистскими лозунгами. Действия российской стороны в основном носили ответный характер и сводились к принуждению горских обществ к покорности, ликвидации социальной и материальной базы мятежа.

Для ослабления политического и военного потенциала Российской империи турецкая сторона широко использовала приемы пропаганды в качестве метода воздействия на психоэмоциональную сферу кавказских мусульман. Действия турок вполне соответствовали классическому определению пропаганды как распространению «политических взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой практической деятельности» [14, с. 95—96]. На территории Терской и Дагестанской областей распространялись идеи джихада³ — «священной войны» против русских, массовой практикой стали восстания горцев в этих регионах.

Администрация Терской области задолго до войны фиксировала проявления османского влияния в регионе, прогнозируя неизбежность вооруженных выступлений чеченцев при столкновении с Портой. Горцы признавали турецкого султана «прирожденным» главой мусульман-суннитов и надеялись избавиться от владычества иноверцев при военной поддержке турок. Проводниками подобных настроений служили местные жители, переселившиеся в Порту в качестве мухаджиров или совершившие паломничество в Мекку, находившуюся на территории Османской империи [1, с. 11—12].

Кавказское наместничество прогнозировало активность османских эмиссаров в регионе на фоне обострения российско-турецких отношений в 1875—1876 гг. и ориентировало местные власти на их розыск и нейтрализацию. При этом без должного внимания была оставлена основная масса протурецких пропагандистов — местные мусульманские паломники, беспрепятственно выезжавшие в Мекку накануне войны и получавшие от потенциального противника «не только личные указания, но и прокламации» [12, с. 26—27].

По мнению профессора П.И. Ковалевского, восстание 1877 г. стало типичным примером использования Османской Портой российских мусульман для решения геополитических задач на Кавказе [6, с. 1].

Туркам при объявлении войны без труда удалось спровоцировать выступления горцев против «русских гяуров», т.к. в течение 17 лет после

³ Джихад — вооруженная борьба за распространение Ислама.

пленения Шамиля они засылали на Кавказ своих эмиссаров и обрабатывали паломников-хаджи в духе вражды и ненависти к России. Кроме того, фабриковались слухи о малочисленности русских войск на Северном Кавказе в связи с их переброской на театр военных действий [6, с. 12–14].

Следует отметить, что подрывная деятельность с использованием исламского духовенства и паломников осуществлялась Портой в предвоенный период не только на Кавказе, но и в других регионах, населенных мусульманами. П. Юдин в статье «Турецкие эмиссары в России перед войной 1877–1878 гг.» сообщал о фактах распространения в Оренбургской и Казанской губерниях прокламаций с призывами к борьбе с «неверными» и слухов о неизбежной победе османов над русскими [7, с. 471–476].

Возникновение главного очага восстания именно в Веденском округе Терской области объясняется его историческими особенностями, географическим положением, а также патриархальностью и высокой религиозностью населения. В недавнем прошлом в округе располагались две столицы Имамата Шамиля — аулы Дарго и Ведено, среди горцев сохранялась живая память о Кавказской войне. Отсутствие русского и казачьего населения исключало хозяйственные и культурные связи, способные смягчить отношения между мусульманами и «неверными». Широкая популярность религиозного учения шейха Кунта-Хаджи Кишиева⁴, который призывал верующих к полному подчинению наставникам-устазам⁵, возродила социальную иерархию недавно поверженного мюридизма. Из богословских школ соседнего Дагестана в Веденский округ проникали религиозно-политические идеи антироссийского характера, в апреле 1877 г. доминирующей идеей стало использование войны для освобождения мусульман от русского владычества [1, с. 11–12].

Волнения в Ичкерии и Аухе начались одновременно с объявлением манифеста о войне с Турцией в апреле 1877 г. Алибек-Хаджи Алдамов (Алибек) из аула Симсир провозгласил себя

имамом Чечни, сжег ставку пристава в ауле Гордали, попытался отбить лошадей Кабардинского пехотного полка. Ближайшей целью имама было блокирование русских коммуникаций между крепостями Ведено и Грозной [1, с. 19]. В дальнейшем планировалось распространить мятеж на равнинную Чечню, для чего в Грозненский округ направились исламские проповедники из окружения Алибека [8, с. 17].

По утверждению Г.К. Градовского, признание чеченцами Алибека имамом стало следствием его личной встречи с Гази-Магомедом в Константинополе во время паломничества в Мекку. Среди горцев распространялись слухи об обнаружении А.-Х. Алдамовым «священного» меча, предназначенного для истребления русских, а также о его миссии развязать религиозную войну, которую должен победно завершить Гази-Магомед [9, с. 4].

Х. Геничутлинский в своем очерке представил Алибека «борцом за веру», открывшим «священную войну против русских многобожников» [13, с. 108]. По свидетельству А.П. Свистунова, жители Большой Чечни почитали А.-Х. Алдамова законным представителем турецкого султана [10, с. 66]. Популярность имама заставила администрацию опасаться перехода на сторону мятежников иррегулярного конного Чеченского полка, полностью экипированного, вооруженного и собранного во Владикавказе для отправки на войну [10, с. 26–27].

Одним из факторов, спровоцировавших выступление горцев, стало сокращение численности войск в Терской области, вызванное мобилизацией запасных и уходом части пехотных батальонов и казачьих полков на фронт. Турецкая пропаганда убеждала чеченцев в готовности властей к уступкам ради сохранения спокойствия в крае, а также в неспособности местных войсковых команд оказать серьезное сопротивление [1, с. 17]. По словам Х. Геничутлинского, с началом войны «неверные оставили лишь незначительные гарнизоны, расквартированные в крепостях» [13, с. 108].

Грозненский кадий и офицеры чеченской милиции предупреждали генерала А.П. Свистунова о возможности мятежа в равнинной Чечне. По их мнению, лояльные горцы, осведомленные о передислокации подразделений на турецкую границу, могли присоединиться к Алибеку «под

⁴ Кунта-Хаджи Кишиев — исламский проповедник, основатель течения Хаджи-мюридия, одного из ответвлений тариката (метода религиозного познания) Кадария.

⁵ Устаз — религиозный учитель, наставник в суфийском Исламе.

страхом разорения» со стороны мятежников [10, с. 39–40]. После возникновения нового очага восстания в Чеберлое лазутчики доносили о готовности крупных аулов Большой Чечни поддерживать более сильную сторону в возникшем противостоянии [1, с. 21].

В сложившейся ситуации начальник Терской области считал любой успех повстанцев, «поражение хотя бы самой ничтожной части войск, уничтожение переправы или даже отбитие какого-либо транспорта» способным привести к всеобщему бунту [1, с. 21].

Главной задачей Алибека, совпадающей с планами османского командования, был прорыв в равнинную часть Чечни с дальнейшим выходом к Военно-Грузинской дороге и Владикавказской железной дороге. Подобный успех имама мог обеспечить достижение стратегической цели турок, состоявшей в блокировании этих двух основных коммуникаций русской армии на Малоазиатском театре военных действий.

Генерал А.П. Свистунов считал распространение мятежа на равнину, сопровождаемое нападениями на казачьи станицы и города, способным вызвать восстание ингушей, осетинских мусульман и кабардинцев. Неизбежное при этом разрушение мостов через реки Терек и Малку могло на длительный срок парализовать военные перевозки русской армии [10, с. 30]. Угроза общего бунта горцев Терской и Дагестанской областей обязывала войска к решительным действиям наступательного характера, чтобы «малейшая неудача, раздутая молвой в полное поражение, не подняла против нас целый край» [1, с. 119].

В апреле 1877 г. произошли столкновения с мятежниками при аулах Маюртуп [8, с. 223] и Шали, последствия которых во многом определили дальнейший ход и конечное поражение восстания. Действия войск в этих боях не привели к полному разгрому восставших, но позволили командованию выиграть время для подхода подкреплений, предотвратить возмущение Большой Чечни и помешать распространению бунта на равнинные территории [1, с. 31]. Серьезные потери Алибека при Маюртупе (до 200 убитых, 69 тел оставлено на поле боя) дали возможность «задержать мятеж в пределах горно-лесной полосы» [10, с. 54].

Необходимым условием для распространения бунта на равнинные районы являлся пере-

ход на сторону Алибека наиболее крупного и богатого аула Шали, занимавшего центральное положение между Большой и Малой Чечней [2, с. 3]. Г.К. Градовский, подчеркивая важность лояльности жителей аула, называл их «родоначальниками чеченцев» [9, с. 5]. По информации лазутчиков, успех имама в Шали мог стать сигналом для общего мятежа горной и равнинной Чечни с перспективой восстания «всех вообще мусульманских провинций Северного Кавказа» [10, с. 58].

В контексте борьбы за ключевой чеченский аул заслуживает внимания эффективность мер информационного воздействия, реализованных начальником Грозненского округа полковником Н.Б. Эристовым через шалинского старшину Борщи́га Ханбатырова.

Полковник убедил Б. Ханбатырова в неизбежном разорении аула в случае присоединения жителей к мятежу. Старшина, в свою очередь, сумел уверить шалинцев в отсутствии у Алибека шансов на победу в связи с появлением русских подкреплений [10, с. 62]. Под предводительством Б. Ханбатырова жители совместно с войсками отразили попытку мятежников захватить аул и приняли участие в их преследовании, за что старшине был пожалован чин прапорщика милиции и пожизненная пенсия [10, с. 66].

Под влиянием неудач А.-Х. Алдамова при Маюртупе и Шали готовые примкнуть к восстанию аулы Автуры, Гельдыген и Курчалой сохранили спокойствие [1, с. 38]. В Веденском округе прокламации имама не встретили прежнего сочувствия, жители отказались принять приближенных Алибека, прибывших для вербовки молодежи в свои ряды [1, с. 44]. По утверждению Г.К. Градовского, вооруженное сопротивление шалинцев лишило мятеж «нравственной опоры», породив кровную месть между жителями аула и повстанцами [9, с. 5–6]. По мнению начальника Терской области, действия войск при Шали и Маюртупе продемонстрировали повстанцам способность русских появляться в любой точке Чечни «в силах, достаточных для уничтожения их сборищ» [1, с. 38].

Развитие событий в Терской области внесло коррективы в намерения русского командования использовать против Алибека местную милицию Чеченского, Ичкерийского и Хасавюртовского округов. На начальном этапе мятежа

предполагалось, что лояльные чеченцы смогут нейтрализовать главарей мятежа «силою или путем нравственного влияния через жителей других аулов» [1, с. 75]. Войска должны были применяться для блокирования очагов сопротивления и огневой поддержки милиционеров. В последующем от этих планов пришлось отказаться в связи с невозможностью «найти в среде благоразумного, преданного своим хозяйственным интересам населения, отважных личностей» [1, с. 75]. Кроме того, стало очевидным, что местное население «если не прямо сочувствует и желает успеха Алибеку, то ...видит в нем несчастного, которому приходится страдать за... святое дело религии» [6, с. 27].

Наглядным свидетельством заинтересованности Порты в успехе восстания стала информация лазутчиков о тайных сношениях жителей Сванетии с турками, целью которых было содействие в переброске османских войск через Большой Кавказский хребет в Терскую область [6, с. 28]. Турецкое командование рассчитывало с помощью местных проводников провести через перевалы Сванетии в Кабарду и Карачай подразделения кавказских мухаджиров для помощи имаму, организации новых восстаний в Кабарде и Малой Чечне, блокирования Военно-Грузинской дороги и Владикавказской железной дороги [1, с. 80].

Лазутчики сообщали о подпольном производстве сванами пороха и складировании провианта на возможных маршрутах выдвижения турок в Терскую область через Большой Кавказ [3, с. 24–25]. Тушинцы, этническая группа грузин, которая контролировала горные перевалы из Кахетии в Большую Чечню и Ингушетию, обещали А.-Х. Алдамову присоединиться к восстанию при первой же его победе над русскими войсками [1, с. 69]. В Терской области циркулировали слухи о турецких рекогносцировках перевалов через Кавказский хребет в Кабарде и Карачае [1, с. 81]. Угроза османского вторжения на Северный Кавказ через Сванетию, Кабарду и Карачай требовала скорейшего подавления восстания в Чечне и надежного прикрытия путей, ведущих к Военно-Грузинской и Владикавказской железной дорогам [1, с. 81].

Необходимо отметить, что наряду с информацией о планах прорыва турок в Терскую область через перевалы, русское командование

располагало сведениями о наличии османских военнослужащих в отрядах повстанцев. В бою у аула Элистанжи в августе 1877 г. войска штурмовали укрепления, сооруженные под руководством турецкого офицера из мухаджиров, известного под именем Аббас-паши, проникшего в Чечню «в числе других агитаторов с поручением от Кази-Магомы и турецкого правительства» [1, с. 139]. На заключительном этапе мятежа Аббас-паша находился в отрядах У.-Х. Дуева⁶, действовавших в долине реки Басс [6, с. 38]. Х. Геничутлинский упоминает о присутствии в окружении Алибека «курьера главы османских войск», мухаджира из Чечни по имени Гитинавас [13, с. 114].

Эффективность акций психологической войны, реализованных мятежниками, в значительной мере определялась такими внешними факторами, как динамика событий на фронтах русско-турецкой войны, ситуация в соседнем Дагестане и активность османской пропаганды на Кавказе. Кроме того, самый незначительный успех Алибека оказывал крайне серьезное влияние на настроения чеченцев и приводил к усилению поддержки повстанцев и росту их численности.

Так, в июне 1877 г. освобождение группы арестованных жителей аула Махкеты при нападении на войсковую колонну восстановило авторитет имама, пошатнувшийся в результате неудачи в бою на высоте Кожельген-дук [6, с. 28]. С появлением в горах и на равнине слухов о якобы имевшем место разгроме крупного армейского подразделения, старшины аулов Чеберлоя, Аргунского округа и Малой Чечни пообещали примкнуть к мятежу при появлении Алибека в управляемых ими селах [1, с. 79].

Говоря о влиянии военных событий на ход восстания, уместно привести мнение К.И. Дружинина, писавшего о подрыве авторитета власти «в глазах кавказского населения» после отступления русских войск с большей части завоеванной турецкой территории в июле 1877 г. [12, с. 185–186]. Такие события, как разблокирование Карса, тактические неудачи под Еске-Загре⁷

⁶ Умма-Хаджи Дуев — один из предводителей Беноевского восстания 1860–1862 гг. в Чечне, добровольно сдавшийся русским и помилованный императором Александром II.

⁷ Сражение под Еске-Загре 19 июля 1877 г. стало тактическим успехом турок, остановивших продвижение русских войск на юг Балканского полуострова.

[18, с. 231] и на Зивинских высотах⁸ [11, с. 250], отступление от Арпачая⁹ [5, с. 253] отозвались в Чечне слухами «о повсеместном отступлении русских и скором занятии турками Тифлиса» [6, с. 29]. После перехвата инициативы турками были озвучены намерения перенести боевые действия в российское Закавказье [11, с. 253], направить конное соединение мухаджиров М.А. Кундухова в глубокий рейд на Тифлис [11, с. 250]. Османские планы нашли свое отражение в «напечатанных золотыми буквами» прокламациях, обещавших скорое появление Гази-Магомеда с турецкими войсками в Терской области [6, с. 29]. Восставшим горцам от имени султана были обещаны казачьи земли и освобождение от налогов, лояльным России — рабство. В июле 1877 г. под влиянием турецких прокламаций в Ичкеринском округе возник новый очаг мятежа под предводительством Сулеймана Центороевского [1, с. 97], ичкеринцы начали активно присоединяться к отрядам А.-Х. Алдамова [1, с. 93].

Новый всплеск активности мятежников совпал с началом восстания в соседнем Дагестане в августе 1877 г. По сообщениям лазутчиков, на фоне этих событий Алибек при содействии «турецких эмиссаров» стремился склонить к возмущению аулы Зандак, Энгеной, горские общества Салатавии и Ауха. Сподвижник А.-Х. Алдамова бывший старшина аула Дзумсой Умма-Хаджи Дуев призывал повстанцев продержаться две-три недели, обещая помощь дагестанцев и турецких войск [1, с. 164]. У.-Х. Дуев пытался письмами склонить технучальского и андийского наибов Дагестанской области к измене, подчеркивал свои связи с Портой, утверждая, что действует по указанию «людей высших», требования которых обязательны для мусульман [4, с. 29]. Кроме того, У.-Х. Дуев акцентировал внимание дагестанцев на своем отказе от высокого положения в русской администрации ради войны против «иноверцев» [4, с. 29–30].

Наряду с информационным воздействием на население средствами пропаганды, мятежники практиковали демонстративные акции устра-

шения. Горцы, ранее примкнувшие к Алибеку и потерявшие веру в успех восстания, не спешили являться с повинной, опасаясь имама, каравшего отступников смертной казнью [1, с. 120–121]. Так, в сентябре 1877 г. Алибек сжег аулы Чечель-Хи и Даттах, жители которых изъявили покорность и публично казнил осудившего его действия муллу из Чечель-Хи [1, с. 164]. Следует отметить низкую эффективность подобного террора, т.к. из-за военных поражений имама чеченцы стали искать защиты у русского командования как у более сильной стороны конфликта [6, с. 40].

Мероприятия психологической войны, осуществленные российским командованием, следует рассматривать в контексте озвученного генералом А.П. Свистуновым тезиса о важности «психического элемента» при ликвидации мятежа. «Для решительной победы не столько важно нанести противнику потери ...сколько расстроить его нравственно, подавить его энергию и готовность вступить в новое состязание», — утверждал начальник Терской области [10, с. 6].

При вручении делегатами Малой Чечни адреса, направленного императору по случаю начала войны с Турцией, А.П. Свистунов увязал это подтверждение присяги с ответственностью за безопасность телеграфных проводов и транспортных коммуникаций. Генерал предупредил чеченских делегатов, что порча линий связи и нападения на проезжающих будут расцениваться как измена и наказываться выселением близлежащих аулов [10, с. 36–37].

Для опровержения слухов о малочисленности войск в Чечне начальник Терской области организовал в Грозном торжественную встречу прибывших из Владикавказа батальонов 20-й пехотной дивизии с участием мусульманского духовенства и офицеров милиции. Распространенная приглашенными чеченцами в горах информация о подкреплениях удержала аулы Большой Чечни от присоединения к мятежу [10, с. 57].

Занятие русскими войсками родового аула Алибека Симсир в труднодоступной горно-лесистой местности в мае 1877 г. содействовало прекращению мятежа в соседних Аухе и Салатавии¹⁰ [1, с. 60]. Представители ауховского, сала-

⁸ В сражении при селе Зивин 13 июня 1877 г. русским войскам не удалось взять турецкую укрепленную позицию, при этом было выиграно время для безопасного отступления Эриванского отряда Кавказской армии.

⁹ 13 августа 1877 г. 20-тысячный турецкий корпус у Арпачая потеснил 8-тысячный русский отряд.

¹⁰ Аух и Салатавия — историко-географические области Хасав-Юртовского округа Терской области.

тавского, гумбетовского и беноевского обществ изъявили покорность и в знак лояльности приняли участие в разрушении аула Симсир и блокировании прилегающих к нему лесов [6, с. 24].

Эффективным психологическим приемом, позволившим локализовать очаги восстания, стал принципиальный отказ командования от предварительного обсуждения условий помилования аулов, примкнувших к мятежу. Начальник Терской области считал такие переговоры с бунтовщиками недопустимой «торговлей», требовал выдачи зачинщиков в качестве «первого доказательства ...покорности и раскаяния», после чего был готов сообщить горцам «на какую милость начальства они могут рассчитывать» [1, с. 52].

Профилактическая работа администрации со старшинами и духовенством заключалась в разъяснении таких последствий поддержки мятежников, как выселение аулов, уничтожение посевов и репрессии в отношении аманатов-заложников, выданных горскими обществами. После боев с отрядами Алибека при Маюртупе и Шали в горы были направлены «пользующиеся особым уважением лица из местного населения» с задачей склонить повстанцев к разоружению и выдаче зачинщиков [9, с. 6]. Приставы Чеберловского и Шатоевского округов ежедневно собирали стариков и зажиточных горцев, доводили информацию о неизбежности наказания присоединившихся к А.-Х.Алдамову аулов [1, с. 84].

В июне 1877 г. угроза немедленного разорения вынудила жителей Гордали принять участие в блокировании отряда Алибека [1, с. 72]. После уничтожения почтовой станции «Водяная Балка» Сулейманом Центороевским в июле 1877 г. был взыскан штраф с селений, пропустивших повстанцев через свои земли [1, с. 99]. В августе 1877 г. на фоне восстания в Дагестане предупреждение о репрессиях удержало большинство аулов Аргунского округа от поддержки Алибека [1, с. 100]. При планировании экспедиции русских войск в Беной было принято решение требовать от горцев безусловной покорности, избегая каких-либо обещаний и угрожая уничтожением населенных пунктов и полей в случае неповиновения [6, с. 35]. На жителей аулов Дарго, Белгатой, Гордали, Курчалой и Тезень-Кала была возложена обязанность самостоятельно защищать свои земли от мятежников и озвучена

угроза казнить аманатов при уклонении от боя с повстанцами [1, с. 130].

Перелом в настроении горцев в пользу отказа от вооруженной борьбы был в значительной мере обусловлен военными неудачами имама и новыми тактическими приемами русских войск, обеспечившими высокую эффективность действий и неожиданными для противника. Так, поражение Алибека в июне 1877 г. на горе Кожельген-дук [6, с. 228] серьезно подорвало престиж имама, заверявшего соратников в неспособности русских атаковать его на неприступной позиции [1, с. 73]. По выражению генерала А.П. Свистунова, удачный штурм Кожельген-дук остановил «прилив людей в его [Алибека] шайку» [1, с. 75]. После поражения мятежников на высоте Гамар-дук и у аула Дышне-Ведено в августе 1877 г. белгатоевское, даргоевское, центороевское и курчалоевское общества заявили о переходе на сторону правительства [1, с. 123].

Показательными примерами применения новых тактических приемов стали встречный бой колонны казаков, милиции и артиллеристов с мятежниками и уничтожении укрепленной базы Алибека в результате разведывательно-поисковых и засадных действий.

В августе 1877 г. на разведанный маршрут движения партии А.-Х. Алдамова выдвинулась группа пехотинцев, казаков и дагестанской милиции с горным оружием. Казаки и солдаты были замаскированы под дагестанцев, пушка — под повозку, милиционеры распевали дагестанские песни. Всадники имама, избегавшие столкновений с войсками и охотно нападавшие на туземных милиционеров, атаковали колонну мнимых дагестанцев и понесли серьезные потери от картечного и перекрестного ружейного огня [1, с. 120–121].

В октябре 1877 г. мелкие партизанские группы пехотинцев и казаков атаковали и уничтожили базу Алибека на хуторе Ярык-Су в симсирских лесах, которую мятежники считали неприступной и неизвестной русскому командованию. Русские скрытно подобрались к хутору в ночное время по крутому склону, атаковали и уничтожили большинство не успевших организовать оборону повстанцев [10, с. 241]. Сторонники А.-Х. Алдамова, убедившись в умении русских войск использовать чеченскую тактику засад и

нападений малыми группами в горно-лесистой местности, стали в массовом порядке являться с повинной [1, с. 184]. Внезапность нападения на Ярык-су была обеспечена наличием точной информации о численности, вооружении и местоположении отряда Алибека, полученной от перебежчика Бий-Султана, ставшего проводником [1, с. 175–176]. Разочаровавшись в перспективах восстания, этот приближенный имама предложил свои услуги русским властям в надежде заслужить прощение [6, с. 41].

Разгром мятежников на хуторе Ярык-Су привел к окончательной потере Алибеком авторитета и влияния в Чечне, вынудил его с немногими уцелевшими соратниками бежать в Андийский округ Дагестанской области [6, с. 44]. Жители горной Чечни убедились в возможностях русской власти наказывать участников мятежа и защищать лояльных горцев от карательных мер имама.

Грамотное и последовательное применение русским командованием средств и методов психологической войны в сочетании с военными мерами наступательного характера позволило ограничить мятеж территорией горной Чечни, избежать вторжения Алибека на равнину и нападений на города и казачьи станицы. Успешные действия мелких армейских и казачьих подразделений в горно-лесистой местности убедили чеченцев в отсутствии безопасных природных укрытий от русской армии. Военной администрации удалось сохранить лояльность жителей равнинной Чечни, ингушей, кабардинцев и осетинских мусульман, а также оградить от нападений русское население Терской области и казаков. Наиболее значимым результатом стало обеспечение безопасности главных линий снабжения Кавказской армии на Малоазиатском театре — Военно-Грузинской дороги и Владикавказской железной дороги [1, с. 189].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Том VI, часть I. Электронная печать Штаба Кавказского военного округа. СПб. 1910. 497 с.
2. Приложение 1. Переписка командующего войсками Терской области генерал-адъютанта Свистунова с начальником Эрсеновского отряда полковником Нуридом и последнего с начальником штаба полковником Мыловым. За период военных действий в Чечне. С 21-го апреля по 15-е июля 1877 года. // Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Том VI, часть I. СПб. 1910. 32 с.
3. Приложение 5. Письмо одного из жителей урусбиевского общества начальнику Пятигорского округа 28-го июня 1877 года. // Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Том VI, часть I. СПб. 1910. С. 24–25.
4. Приложение 7. Письма Уммы-Хаджи Дуева к дагестанским набиам. // Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Том VI, часть I. СПб. 1910. С. 29–30.
5. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Том VI, часть II. Электронная печать Штаба Кавказского военного округа. СПб. 1910. 277 с.
6. Проф. П.И. Ковалевский. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. / – Санкт-Петербург: Тип. М.И. Акинфиева, 1912. – 95 с.
7. Юдин П. Турецкие эмиссары в России перед войной 1877–1878 гг. // Русская старина, 1903, № 11. С. 471–476.
8. Лацинский А.С. Хронология русской военной истории. Типография департамента уделов. СПб, 1891. 289 с.
9. Градовский Г. Война в Малой Азии в 1877 году: очерки очевидца. – СПб, 1878. С. 4–6.
10. Свистунов А.П. Очерк восстания горцев Терской области в 1877 г. – СПб, типография главного управления уделов. 1896. – 124 с.
11. Керсновский А.А. История русской армии в 4 томах. Т. 2. М.: Голос, 1993. – 336 с.
12. К.И. Дружинин. Военное дело в России при вступлении на престол императора Александра II и перед войной 1877–1878 гг. // История русской армии и флота. Том XI. Типография Русского товарищества. Москва. – 1913. – 207 с.
13. Геничутлинский Х. О восстании в Дагестане и в Чечне в 1877 г. // Историко-биографические и исторические очерки. Махачкала. 1992. – С. 108–114.
14. Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). Т. 21. Изд. 3-е. М., «Советская Энциклопедия», 1975. – С. 95–96.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕНОЦИДА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

THE MAIN CHARACTERISTICS OF THE GENOCIDE IN THE HISTORICAL ASPECT

Статья посвящена проблеме определения геноцида, его сущности, признаков и этапов развития явления на основе историко-генетического метода. Актуальность статьи связана с вопросом использования термина «геноцид» и различиями в его толкованиях. В статье отмечается, что на современном этапе появилась новая разновидность геноцида – русофобия, стремящаяся искоренить Россию не только физически, но и экономически, морально.

The article is devoted to the problem of defining genocide, its essence, signs and stages of development of the phenomenon based on the historical and genetic method. The relevance of the article is related to the issue of the use of the term “genocide” and the differences in its interpretations. The article notes that at the present stage, a new kind of genocide has appeared – Russophobia, which seeks to eradicate Russia not only physically, but also economically and morally.

Ключевые слова: геноцид, русофобия, сложные формы геноцида.

Keywords: genocide, Russophobia, complex forms of genocide.

Геноцид в специальной литературе чаще всего сопоставляют с событиями по отношению к конкретному народу или социальной группе. В бытовом понимании геноцидом обычно называют процесс насилия, унижения, эксплуатации, экономической нестабильности, отсутствия или недостаточной поддержки народа. В современной науке активно входят в употребление атрибутивные конструкции типа «гитлеровский геноцид» [1], «культурный геноцид», «косвенный/прямой геноцид» [2], «классовый геноцид», «политический геноцид». В публицистике используются журналистские клише «экономический геноцид», «геноцид в здравоохранении», «геноцид в образовании», «геноцид несогласных».

Разные мнения исследователей и разночтения законодательных актов делает вопрос о толкованиях, статусе, характеристиках и ключевых показателях геноцида как явления актуальным и необходимым.

Целью данной работы является определение основных характеристик геноцида в историческом аспекте с опорой на факты, научные исследования, судебную практику. Предпринята попытка в сжатой форме осветить основные проблемы в определении геноцида, его сущность, признаки, этапы развития явления на основе историко-генетического метода.

Актуальность исследования связана с вопросом использования термина «геноцид», разли-

чиями в толкованиях, недостаточно определенных разъяснений в дефинициях. До принятия термина «геноцид» в правовых актах использовались синонимы и субституты слова: убийство, уничтожение, ликвидация, резня, искоренение, преступление против человечности. Введенный Р. Лемкиным в научный обиход термин [3] на начальном этапе был описательным, не имел юридической силы. Получив правовое признание в 1948 г., [4] термин приобрел официальный статус к понятию «преступление против человечества». Сложность понимания геноцида заключается в истоках создания термина: греч. γένος – раса, люди и лат. суф. -caedo – акт убийства [5]. Если использование термина закономерно соотносится с уничтожением нации, этноса, расы, то истребление на религиозной почве не связано напрямую с буквальным переводом, точнее, к геноциду в таком случае можно отнести любое уничтожение определенной человеческой общности или группы людей на основе их приверженности, например, конкретной идее или отношения к определенному социальному сообществу. Однако Конвенция о геноциде включает именно только четыре группы людей, подвергшихся полному или частичному истреблению.

Проблема теоретического обоснования геноцида связана с вопросом использования термина «геноцид», основная суть которого заключена в различных трактовках признаков геноцида.

Р. Лемкин выделил его две основные характеристики [6], первая из которых связана с культурологическими и антигуманными действиями, в частности, с уничтожением традиционных культурных ценностей путем переселения и воспитания детей в ином этническом окружении, запрета общения на родном языке либо конфискацией или уничтожением достояний народа — книг, исторических артефактов, памятников. Второй составляющей геноцида Р. Лемкин считал жестокие насильственные действия, направленные на представителей определенного этноса или социальной группы, разрушение их культурно-исторической основы и экономической базы.

В «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» [7] дана более конкретная формулировка признаков, объединенная обобщенной дефиницией «действия, совершаемые с намерением полностью или частично уничтожить какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу», которая включает пять уточняющих характеристик преступного деяния в отношении членов групп: 1) убийство; 2) серьезные телесные повреждения, приведение к умственному расстройству; 3) преднамеренное создание условий жизни, направленных на уничтожение; 4) блокирование воспроизводства потомства; 5) принудительное перемещение детей в другую группу и среду.

В российском законодательстве [8] наряду с международно принятыми признаками геноцида выделены такие критерии, как «полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы, принудительное переселение, способствующее физическому уничтожению».

В белорусском Уголовном кодексе [9] геноцид соотносится с преступлением против мира и безопасности человечества. В качестве признаков деяний выделены положения о планомерности действий по истреблению этноса, социальной группы или иных произвольно избранных общностей.

Уголовный кодекс Германии [10] отвергает возможности различного насилия над личностью, не используя термин «дискриминация», но указывает на неотвратимость наказания за полное или частичное истребление населения или

создание для него условий, приводящих к уничтожению людей. В испанском законодательстве наряду с другими характеристиками геноцида указано сексуальное насилие [11], в Австралии — жестокое или оскорбительное обращение, пытки, сексуальное надругательство [12].

Основными правовыми документами при определении и характеристике геноцида являются:

— Статья 357 Уголовного кодекса Российской Федерации, определяющая геноцид как действия, «направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы... путем убийства..., причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы» и определяющая наказания за эти действия [8];

— Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него под геноцидом понимает «действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично... национальную, этническую, расовую или религиозную группу» и конкретизирует данные действия: убийство, причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства, предумышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное уничтожение группы людей, меры по предотвращению деторождения, насильственная передача детей [7];

— Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) [13] не использует в тексте термин «геноцид», утверждает право на жизнь, свободу и в качестве абсолютного постулата вводит обязательность неприменения рабства, рабского труда, дискриминации, пыток, бесчеловечное или унижающее достоинство обращения, наказание;

— Конвенция о правах ребенка [14] декларирует неотъемлемое право каждого ребенка на жизнь, провозглашает борьбу с всеми формами эксплуатации, незаконным перемещением детей, отвергает расовые, половые, языковые, религиозные, национальные и др. различия;

— Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (12.08.1949 г.) [15] гласит, что во главе угла стоит гуманное обращение со всеми, кто не вовлечен в непосредственные военные действия, должен быть гарантирован запрет на любые виды и формы дискриминации;

— Конвенция о статусе беженцев (принята 28 июля 1951 г.) [16] отвергает дискриминацию по расовому, религиозному критериям, по признаку страны происхождения.

В науке собрана достаточная библиографическая база, посвященная вопросам определения геноцида, его проявлениям, борьбе с ним. Чаще всего в исследованиях анализируются конкретные факты преступных деяний. Несомненный интерес вызывают работы «свидетелей» геноцида [17]. Они представляют интерес с точки зрения как исторической, так и с общечеловеческой, эмоциональной. Исследователи отмечают недостаток работ, посвященных философскому аспекту в понимании геноцида [18], аргументируя это тезисом о невозможности осмысления геноцида с точки зрения его «непознаваемости» и «невыразимости» [19, 20]. Авторы работ указывают на недочеты законодательства в том числе и российского при указании на возможные формы намеренного уничтожения населения или его групп [21]. Следует констатировать, что в социально-политических науках до сих пор не существует единого общепризнанного определения изучаемого понятия.

Геноцид как правовое, социальное, историческое явление отрицают все. Однако общечеловеческое представление упирается в мышления о целесообразности, частичности, абсолютной изоляции, сокращении, несущественном уменьшении, выборочности группы людей, которое не влечет уничтожение по характерному признаку дискриминации. Данной проблеме уделяется достаточное внимание и в правовой теории и практике, и в научной литературе. Соотнося дефиницию геноцида и конкретные действия, подпадающие под его определение, исследователи отмечают, что истребление населения или его группы характеризуются как геноцид, но не содержат одного из его признаков. Это приводит к неоднозначности применения правовой нормы [22].

Исторические научные изыскания в основном посвящены анализу конкретных фактов геноцида. Особое внимание уделяется деяниям во время колонизации Африки, геноциду армян, Холокосту, преступлениям нацизма против человечности, событиям в бывшей Югославии.

Вопросы теоретического философского, исторического, социального обоснования геноцида весьма немногочисленны и часто поверхностны [23], что можно объяснить разрывом между теорией и практической осознанностью ужасов геноцида, его рассмотрением в аспекте национализма и расизма, отхода от социально-философского понимания в направлении историко-социологического, нередко собственно правового рассмотрения вопроса.

Геноцид на протяжении истории человечества имеет различные основания, виды, формы и, на первый взгляд, не соотносятся друг с другом, различаясь по многим параметрам. Но, исходя из историко-генетического подхода, можно с уверенностью констатировать их общую направленность — истребление людей, несмотря на вариативные «целеполагающие» доктрины, обоснования, планы и намерения.

Многие проявления геноцида имеют фундаментальную теоретическую основу. Обоснованием развития нацизма, расизма, шовинизма можно считать книгу Т. Мальтуса, написанную в XVIII в. «Опыт закона о народонаселении» о противоречиях общественного развития и о способах сохранения паритета между ростом населения и средствами его существования — естественной человеческой убыли вследствие природных катаклизмов и социальной регламентации рождаемости. Сторонники мальтузианства и сегодня призывают к содействию природе в увеличении смертности населения для сбалансирования количества людей и материальных благ. Геноцид, его оправдание заложено и в теории Ф. Гальтона — евгенике, предлагавшему селекцию человеческого общества путем воспроизведения людей с положительными, идеальными качествами и уничтожению либо воспрепятствованию появления и развития людей неполноценных — расово, физически, умственно. Ярким примером приверженности евгенике стала нацистская Германия, утвердившая законы и проводящая реальную политику уничтожения нежелательных, враждебных, не-

полноценных групп людей. В их числе решение еврейского вопроса, программа «расовой гигиены», уничтожение психически больных. Следует отметить, что законы о полноценных и неполноценных жителях были приняты и в Северной Европе, Швейцарии, в отдельных штатах Северной Америки: IQ ниже 70 баллов позволял стерилизовать граждан в Северной Каролине, там же существовала премия в 200\$ для соглашающихся на стерилизацию бедных. Объяснение геноцида во время боевых действий связывают с идеей Сунь Цзы о тактике выжженной земли.

Геноцид обычно не является одномоментным, спонтанным явлением. Он всегда тщательно продуман и подготовлен. По мнению Грегори Э. Стэнсона [24], геноцид проходит несколько этапов, включающих классификацию (сортировку, придуманное или специально подготовленное разделение на «своих» и «чужих»), символизацию (наделение визуальными метками групп людей), дегуманизацию (присвоение людям печати бесчеловечности, неодушевленности, отождествление с животными, болезнями, предметами), организацию (формирование официального плана — стратегии и тактики исполнения, привлечение средств для исполнения — контролеров, инспекторов, штрафов, наказаний морального характера), поляризацию (возбуждение ненависти — речи, СМИ, утверждение законов, направленных на разделение людей), подготовку (разделение через списки, предварительные конфискации, создание невыносимых жизненных условий), уничтожение (объясненное «своим» убийство «чужих»), отказ (отрицание совершенного деяния, обвинение убиенных, сокрытие улик и доказательств, угрозы или поощрения соучастникам, свидетелям, максимальная цензура). По такой схеме осуществлялись практически все акты геноцида, который как явление и действие имеет давние корни. При этом геноцид как форма и способ политической деятельности использовался, теоретически обосновывался, практически осуществлялся и оправдывался властью. Общество, как гражданское, так и структурно относящееся к правящим кругам, либо приветствовало действия, либо слабо противилось, но никогда не переходило к открытому вооруженному сопротивлению. Примером может служить порабощение хазарейцев в ре-

зультате восстаний начала 90-х гг. XIX в. Массовое истребление людей в процессе колонизации и отношение к нему «победителей» является основой для противостояний и долговременной ненависти. Так, в 2019 г. губернатор Калифорнии Г. Ньюсом определил политику экспансии коренных народов Америки европейцами как геноцид: «Это называется геноцидом. Вот что это было — геноцид. По-другому это никак не описать, и именно так следует писать об этом в книгах по истории» [25].

Массовое истребление аборигенов Тасмании в 30-х гг. XIX в., названное Черной войной, признается геноцидом, хотя и совершенным не столько из политической целесообразности, сколько из мести и самосохранения, что остается неизгладимым пятном в британской истории, так как исследователи пишут о прямом участии британского правительства в одобрении злодеяний над коренным народом [26]. XX век показал примеры бесчеловечности, уничтожительного и унижающего отношения к целым народам, этносу, социальным и религиозным группам: в конце XIX — начале XX в. истребление конголезцев вследствие жестокого колониального правления Бельгии; массовое уничтожение и репрессивное переселение в Османской империи армян, греков, ассирийцев в 1915—1923 гг.; ликвидация от 8 до 17 тыс. сикхов в 1984 г. после убийства Индиры Ганди; кампания Аль-Анфаль, когда, по разным оценкам, в 1987—1989 гг. были уничтожены 4 тыс. деревень из существовавших 5 тыс., убито до 182 тыс. курдов, 700 тыс. помещены в концлагеря, а 1 млн стали беженцами [27], убийства, этнические и религиозные чистки, совершаемые ИГИЛ и др. Апогеем представлений о геноциде стала политика Третьего рейха по уничтожению евреев — Холокост, цыган, славян, отдельных социальных групп — коммунистов, людей с психическими заболеваниями и др. Известное выражение «человек — животное, но животное разумное» можно подвергнуть сомнению, когда речь идет о последовательном истреблении группой людей себе подобных, при этом доказывающих свою правоту теоретическими изысканиями. А. Гитлер писал: «Природа жестока, следовательно, мы тоже имеем право быть жестокими. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то,

без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы...». Называя массовые убийства использованием «техники обезлюживания», он объясняет ее суть: «Если меня спросят, что я подразумеваю под обезлюдением, я отвечу, что имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Именно это я и собираюсь проводить в жизнь...» [28].

Следует отметить, что в большинстве случаев неформальным показателем официального признания геноцида является признак непротивления: народ или его представители, находящиеся в слабом положении, лишенные возможности сопротивляться, чаще получают правовой статус частично или полностью уничтоженной группы по национальному, этническому, расовому или религиозному признаку.

Мировое сообщество и правительства стран неоднозначно относятся к восприятию актов целенаправленного уничтожения национальных или расовых групп гражданского населения. Но факты свидетельствуют именно о геноциде. Многие проявления — европейские средневековые религиозные войны, уничтожение коренных народов в период колонизации, режим красных кхмеров и др. — до сих пор не получили соответствующей международной оценки. Признание геноцидом преступлений фашистского режима на территории бывшего Советского Союза стали решения на локальном уровне, например, оглашения Верховных судов Адыгеи, Карелии, Кабардино-Балкарии, Крыма, ДНР, ЛНР, областных судов в Москве, Воронеже, Смоленске, Пскове, Ростове, Орле, Брянске и др., городского суда Санкт-Петербурга, Краснодарского, Ставропольского краевых судов о геноциде народов СССР [29].

Жестокость по отношению к «чужим», иным на протяжении веков показывала суть власть имеющей или направляющей силы, порой представляя насилие основой самого существования. Искоренение целых анклавов, эксклавов, групп населения координируется, осуществляется в соответствии с программой и расписанием, включающих наравне с другими: культуры, языка, национального самосознания, религии, экономических основ существования. Итогом должно стать могущество, преобладание силы. Наглядным примером неприятия «чужого» является выступление депутата Львовско-

го облсовета народных депутатов О. Витовича 30.06.1990 г.: «...мы мечтаем о сверхукраинской нации. Мы мечтаем о такой державе, которая сможет сама диктовать свои условия целому миру. ... перед нами враг..., который сейчас носит имя — «Москва». ... для блага украинской нации, для идеи ее мирового величия в борьбе могут быть использованы разные способы... без оглядки на то, будут ли эти способы мирными или вооруженными. ...есть организации, которые могут привести... нацию к могущественности, к мировому господству» [30]. Для современной Украины и большинства западных стран «русскость» представляет собой угрозу, которую необходимо уничтожить. Появляется новая разновидность геноцида — русофобия, стремящаяся искоренить Россию не только физически, но и экономически, морально.

Виды геноцида прописаны в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Они конкретизированы как:

- убийства членов группы;
- причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам группы;
- меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в такой группе;
- насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую;
- преднамеренное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этой группы.

Каждый из видов геноцида может осуществляться различными формами и средствами. Р. Лемкин выделил две группы нарушений права, которые можно назвать обобщающими формами геноцида: первое, это акт варварства, подрывающий экономику и сам факт существования группы людей, второе, акт вандализма, ориентированный на уничтожение культуры и ее ценностей (разрушение семьи, конфискация фрагментов и предметов культуры, уничтожение культурных организаций, памятников, запрет родного языка) [31].

На заре фиксации геноцида основной формой его проявления была односоставная модель — «свои» уничтожают «чужую» группу людей на основе ненависти, религиозной принадлежности и др. Следует отметить, что подобная односоставность нередко фиксируется

и в современной истории человечества. Примером может служить геноцид племени тутси в Руанде в 1994 г. Тем не менее на современном этапе развития человечества все чаще используются сложные формы геноцида, которые сочетают признаки, средства и приемы более простых форм. К числу сложных форм геноцида можно отнести истребление — физическое или уничтожающее экономическое разрушение — через влияние, путем «чужих рук» без внешнего непосредственного участия осуществляющих геноцид игроков.

Исследователи в диахроническом аспекте выделяют три основные демонстрации геноцида: ненаправленный — искоренение людей хаотично, спонтанно, без плана, направленный — предумышленное системное и методичное уничтожение людей, скрытый — спланированный с размытыми граница, предусматривающий наряду с физическим нефизические способы и приемы уничтожения [32].

В XX в. проявились новые способы и приемы геноцида, осуществляемые государственной системой. В их числе репрессии — насильственные акты, наказания, демоцид — массовые убийства против гражданских лиц, политцизм — убийства политических оппонентов, этноцид — постепенное уничтожение нации путем искоренения культуры и языка, биоцид — возможное приведение к генетическому неравенству путем влияния и вмешательства в организм человека, экоцид (экологическая война) — целенаправленное посягательство на экосреду другой страны, ее сознательное уничтожение [33]. Близкое к этноциду проявление косвенного геноцида — направленное изменение культурно-исторической среды, предварительной стадией которого должна быть работа с «виновными», их предупреждение и возложение ответственности. Депортация — карательные меры по переселению людей с постоянного места жительства в другие районы — может сопровождаться этническими чистками, когда население подвергается изнасилованиям, пыткам, избиениям, целенаправленным калечениям, убийствам.

Современными формами геноцида можно считать и ориентированные на радикальные изменения в социальной жизни определенного на-

рода. Примером может служить целенаправленное экономическое вмешательство, называемое геозкономической войной, которое направлено крупными экономическими державами на страны с развивающейся экономикой или с низко развитой экономикой с целью стратегического нанесения ущерба в угоду собственным интересам.

Таким образом, непреложным является факт отнесения геноцида к трагедии исторического и социального характера. Сутью и сущностью явления признан расизм, воинственный национализм, политическая радикальная непримиримость и неприятие иного, непонятного и непонятого, чуждого и враждебного во всех областях жизни. Геноцид системен, имея давние исторические корни, особо проявился в XX в. и отразился в нынешнем столетии, усложняясь, видо- и формоизменяясь. Как историческое явление он проходит определенные стадии развития, принимая вид выверенной, теоретически обоснованной, структурированной модели действий, часто оправдывающийся «столкновением цивилизаций». Геноцид чаще всего является средством уничтожения «чужого» в международных, межэтнических, межрелигиозных рамках, однако нередко примеры внутринационального геноцида, когда целью является искоренение определенной социальной или политической группы. К желанию и потребности искоренения иного, в том числе физического уничтожения, приводят различные причины, наиболее характерные из них ксенофобия, самовозвеличивание на расовом, национальном, религиозном и др. уровнях. Формы, методы, средства геноцида изменяются, совершенствуются и на современном этапе представляют собой одну из наиболее серьезных угроз как отдельной группе людей, так и всему человечеству.

Геноцид как явление, непосредственно соотносящееся с жизнью человека, группы людей, определенного населения, национальности, нации, этноса, расы, в современных цивилизационных условиях требует глубокого и всестороннего научного анализа, что возможно при единстве подходов, понимании сущности этого феномена, объединении усилий научных направлений и идей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Шевяков А.А. Гитлеровский геноцид на территории СССР // Социологические исследования. М. – 1991. – № 12. – С. 3–11.
2. Черновицкая Ю.В. «Косвенный» геноцид в современном обществе (социально-философские аспекты) // Вопросы философии. – 2008. – № 10. – С. 165–171.
3. William Schabas. Genocide in international law: the crimes of crimes. – Cambridge University Press, 2000. – P. 25. (606 с.).
4. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. /Резолюции Генеральной Ассамблеи – Резолюции третьей сессии (1948–1949 годы) – URL: <https://civic-nation.org/upload/iblock/a87/a87804b8d0da350e68f796ff03fc72de.pdf> (дата обращения: 26.12.2024).
5. Стэнтон Грегори Х. Что такое геноцид? – URL: <http://www.genocidewatch.com/ru/what-is-genocide?lightbox=dataltem-invy7fqk> (дата обращения: 26.12.2024).
6. Галстян А.С. Армянское лобби в США: формирование и основные направления деятельности (1915–2014 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Томск, 2015. – С. 97–98. (253 с.) – URL: <http://www.dissercat.com/content/armyanskoe-lobbi-v-ssha-formirovanie-i-osnovnye-napravleniya-deyatelnosti-19152014?ysclid=m555r3ckyp496540235> (дата обращения: 26.12.2024).
7. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 26.12.2024).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 357 // – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=m555tusf1y17265056 (дата обращения: 26.12.2024).
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9.07.1999 г. № 275-3 // – URL: <https://pravo.by/> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 25.11.2024).
10. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия. – URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-Übersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 26.12.2024).
11. Уголовный кодекс Испании: ст. 607, п. 1 ч. 1. – URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fartlibrary2007.narod.ru%2Fkodeks%2Fispanii_uk.doc&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 26.12.2024).
12. Уголовный кодекс Австралии. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18986> (дата обращения: 26.12.2024).
13. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203000250&page=1&rdk=0&link_id=56#l0 (дата обращения: 26.12.2024).
14. Конвенция о правах ребенка. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 26.12.2024).
15. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtm (дата обращения: 26.12.2024).
16. Конвенция о статусе беженцев // – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 26.12.2024).
17. Леви П. Человек ли это? – М.: Текст, 2001. – 205 с.
18. Архипов А. О. К социальной философии геноцидов. Социология власти. – 2023. – Том 35. – № 1. – С. 93–117.
19. Агамбен Д. Номос sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель, М.: Издательство «Европа», 2012. – 192 с.
20. Roth J. Genocide and human rights a philosophical guide, 2005, Palgrave Macmillan, Springer. – 352 с.
21. Бадамшин И.Д., Шахмаев М.М. Признаки объективной стороны геноцида в рамках международного и отечественного законодательства // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 2 (36). – С. 167–173. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-obektivnoy-storony-genotsida-v-ramkah-mezhdunarodnogo-i-otechestvennogo-zakonodatelstva/viewer> (дата обращения: 26.12.2024).
22. Москалев Г.Л. Уголовная ответственность за геноцид (статья 357 УК РФ) : монография / Г.Л. Москалев. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – с. 3. – 188 с.
23. Архипов А.О. К социальной философии геноцидов // Социология власти, 2023. – Т. 35. – № 1. – С. 94–95. (С. 93–117).
24. Морозов В.Н. Геноцид как метод политической борьбы и форма насилия: дефиниция, классификация. – URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/339/Action339-118086.pdf> (дата обращения: 26.12.2024).
25. Власти Калифорнии признали геноцид коренных народов Америки. 19.06.2019. – URL: <https://rg.ru/2019/06/19/vlasti-kalifornii-priznali-genocid-korenyh-narodov-ameriki.html?ysclid=m559y7fajd710542469> (дата обращения: 26.12.2024).
26. Райан Л. «Резня во время Черной войны на Тасмании в 1823–1834 годах: пример из истории региона реки Меландр, июнь 1827 года». Журнал исследований геноцида № 10 (4), (6 ноября 2008): с. 479–499. – URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14623520802447834> (дата обращения: 26.12.2024).

27. Геноцид в Иракском Курдистане. Под редакцией доктора юридических наук, профессора С.М. Кочои. – М., 2003. – 359 с.
28. Раушнинг Г. «Голос разрушения» издания 1940 года // Нюрнбергский процесс, М., «Юридическая литература», 1957–1960, в 7-и томах, т. III, с. 337–338. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163367-iz-knigi-g-raushninga-golos-razrusheniya-izdaniya-1940-goda#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 26.12.2024).
29. Геноцид народов СССР. Судебные решения о признании геноцида народов СССР. – URL: <https://www.poo-journal.ru/genotsid-sovetskogo-naroda/?ysclid=m55c3fcb48637624827> (дата обращения: 26.12.2024).
30. Украинская ССР. 30 июня 1990 года. – URL: <https://nmosknews.ru/politics/2024/11/02/63985.html?ysclid=m55cd4pqso378394509> (дата обращения: 26.12.2024).
31. Требст Ш. Лемкин и Лаутерпахт: два юриста из Львова. Перевод с английского Д. Злодеева. Журнальный клуб Интелрос. «Отечественные записки». – № 6, 2013. – URL: <http://magazines.gorky.media/oz/2013/6/lemkin-i-lauterpaht-dva-yurista-iz-lvova.html?ysclid=m55c88007q351673454> (дата обращения: 26.12.2024).
32. Мацына Р.А. Геноцид как социальное явление в историческом развитии его форм // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» // – URL: scienceforum.ru/2018/article/2018006159 (дата обращения: 26.12.2024).
33. Котек Ж. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. – М., 2003. – 688 с.

КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

ЯНВАРЬ

5 января	День начала контрнаступления против немецко-фашистских войск в битве под Москвой (84 года). День воинской славы России.
7 января	Памятная дата военной истории России. В этот день в 1878 году началось сражение под Шейново, в которой русские войска одержали стратегическую победу над турецкой армией.
12 января	Памятная дата военной истории России. В этот день в 1945 году советские войска начали Висло-Одерскую стратегическую наступательную операцию, в ходе которой были освобождены значительные территории Польши, а части и соединения Красной армии вышли на дальние подступы к Берлину.
14 января	День создания трубопроводных войск России. В этот день в 1952 году Маршал Советского Союза А.М. Василевский подписал директиву, предписывавшую формирование первого отдельного батальона перекачки горячего.
15 января	300 лет со дня рождения Петра Александровича Румянцева-Задунайского (1725–1796), русского полководца и военного теоретика.
17 января	Памятная дата военной истории России. В этот день в 1945 году советские войска освободили Варшаву от немецко-фашистских войск.
21 января	День инженерных войск. Праздник был учрежден Указом президента РФ в сентябре 1996 года. Указ президента Российской Федерации В.В. Путина от 31 мая 2006 года «Об установлении профессиональных праздников и памятных дней в ВС РФ» провозгласил эту дату памятным днем.
27 января	Памятная дата военной истории России. В этот день в результате Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции немецко-фашистские войска под Ленинградом были окончательно разгромлены, и советские войска полностью сняли длившуюся 872 дня блокаду города.

2 февраля	День воинской славы России. В этот день в 1943 году советские войска разгромили немецко-фашистские войска в Сталинградской битве.
2 февраля	140 лет со дня рождения Михаила Васильевича Фрунзе (1885–1925), советского государственного и военного деятеля, революционера, одного из наиболее крупных военачальников Красной армии во время Гражданской войны, военного теоретика.
8 февраля	День военного топографа. Праздник был установлен в феврале 2003 года приказом министра обороны Российской Федерации №395 и отмечается с 2004 года. Дата праздника была выбрана в честь принятия 8 февраля 1812 года Положения для военного топографического дела. В соответствии с этим документом была создана структура, отвечающая за обеспечение Российской Армии картографическими и топографическими материалами.
9 февраля	Памятная дата военной истории России. В этот день в 1904 году российский крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» героически сражались с японской эскадрой в бухте Чемульпо.
13 февраля	Памятная дата военной истории России. В этот день в 1945 году советские войска окончательно освободили столицу Венгрии Будапешт.
15 февраля	Памятная дата России. День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества. Официальная памятная дата в Российской Федерации, призванная почтить память воинов, исполнявших интернациональный долг за пределами границ своей Родины. Именно в этот день, 15 февраля 1989 года, последняя колонна советских войск покинула территорию Афганистана.
16 февраля	Памятная дата военной истории России. В этот день в 1916 году русские войска под командованием генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича взяли турецкую крепость Эрзерум.
23 февраля	День защитника Отечества. День воинской славы России. На основании Федерального закона от 13 марта 1995 года «О Днях воинской славы в России» 23 февраля было официально названо Днем победы Красной армии над немецкими кайзеровскими войсками (1918 год) — Днем защитников Отечества. В 2006 году праздник стал называться Днем защитника Отечества.
27 февраля	День Сил специальных операций – памятный день в числе профессиональных праздников и памятных дней Вооруженных Сил Российской Федерации, установленный Указом Президента РФ № 103 от 26 февраля 2015 года.

ФЕВРАЛЬ

МАРТ

1 марта	День памяти воинов-десантников 6-ой парашютно-десантной роты 104-го гвардейского полка Псковской дивизии воздушно-десантных войск, героически погибших в Аргунском ущелье
5 марта	55 лет со дня вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия (1970) – многостороннего международного документа, разработанного Комитетом по разоружению ООН с целью «не допустить расширения круга стран, обладающих ядерным оружием, и ограничить возможность возникновения вооруженного конфликта с применением такого оружия». Договор обязал ядерные державы не передавать кому бы то ни было ядерное оружие и контроль над ним, не помогать государству, не обладающему ядерным оружием, в его производстве или приобретении.
18 марта	60 лет со дня первого выхода человека в открытый космос. Им стал советский космонавт Алексей Архипович Леонов.
18 марта	День воссоединения Крыма с Россией. В этот день в 2014 году президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Договор между Россией и Республикой Крым о вхождении полуострова в статусе равноправного субъекта в состав РФ.
19 марта	День моряка-подводника в России – профессиональный праздник военнослужащих, ветеранов и гражданского персонала подводных сил Военно-Морского Флота Российской Федерации. Дата праздника связана с событием, произошедшим 19 марта (по старому стилю 6 марта) 1906 года. В этот день по указу императора Российской империи Николая II в классификацию судов военного флота был включён новый класс боевых кораблей – подводные лодки. Праздник был установлен приказом Главкома ВМФ России в 1996 году.
22 марта	Памятная дата военной истории России. В этот день в 1915 году русские войска после многомесячной осады взяли крупнейшую австрийскую крепость Перемышль.
24 марта	День штурманской службы Военно-воздушных сил России. Приказом Главнокомандующего ВВС Российской Федерации от 2 августа 2000 года датой праздника был установлен день 24 марта. В этот день в 1916 году начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Михаил Алексеев подписал приказ о создании Центральной аэронавигационной станции.
27 марта	Памятная дата военной истории России. В этот день в 1111 году объединённое войско русских князей под командованием Владимира Мономаха одержало победу над половцами в битве на реке Салница. Благодаря героизму и решительности русских дружин было разгромлено половецкое войско, а набеги половцев на Русь прекратились.
31 марта	Памятная дата военной истории России. В этот день в 1814 году русские войска во главе с императором Александром I и их союзники вступили в Париж. Европа была освобождена от владычества Наполеона I Бонапарта, который отрекся от престола.

**МАНУКЯНЦ
ИГОРЬ АРСЕНОВИЧ
(18.11.1960 – 4.02.2025)**

С глубоким прискорбием сообщаем, что 4 февраля 2025 года скоропостижно ушел из жизни выдающийся ученый, доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук, главный научный сотрудник 27-го Научного центра Министерства обороны Российской Федерации полковник запаса Манукянц Игорь Арсенович.

Игорь Арсенович родился 18 ноября 1960 года в городе Моздок Северо-Осетинской АССР. В 1978 году поступил в Костромское высшее военное командное училище химической защиты, которое окончил в 1982 году. Прошёл военную службу от командира взвода химической защиты до заместителя начальника войск РХБ защиты 58-й общевойсковой армии Северо-Кавказского Военного округа.

В 1992 году окончил командный факультет Военной академии химической защиты в г. Москве. С 1998 по 2006 годы проходил службу в Военной академии РХБ защиты на должностях: старшего преподавателя — тактического руководителя курса, доцента, профессора, начальника кафедры РХБ защиты в бою и операции.

Вклад Игоря Арсеновича в развитие войск РХБ защиты невозможно переоценить. Он создал и возглавил уникальную военно-научную школу «Развития теории и практики РХБ защиты войск (сил) и населения в мирное и военное время». За время существования школы под руководством Игоря Арсеновича выросло поколение его учеников, которые продолжают работать как в академии, так и в научно-исследовательских организациях войск РХБЗ, но каж-

дый из них несет чувство сопричастности школе И.А. Манукянца.

Под его руководством подготовлены 5 докторов и 30 кандидатов наук, а подразделения, которыми он руководил, стали центрами передовой научной мысли и практики. Автор и соавтор множества монографий, учебников, статей по проблемам развития войск РХБЗ. Являлся членом диссертационных советов 27 НЦ МО РФ, 33 ЦНИИ Минобороны России, ВА РХБЗ.

Участник контртеррористической операции на Северном Кавказе. Кавалер ордена Мужества, награжден государственными и ведомственными наградами. Игорь Арсенович являлся ярким примером настоящего боевого офицера и патриота своего Отечества. Это был доброжелательный, жизнерадостный, пользующийся большим уважением коллег и учеников, высококвалифицированный преподаватель, профессионал своего дела.

Игорь Арсенович Манукянц навсегда останется в памяти коллег, учеников и всех, кто имел честь с ним работать. Его научное наследие будет жить, а его труды продолжат помогать в решении задач по развитию войск РХБЗ.

Коллектив Академии военных наук глубоко скорбит и выражает искренние соболезнования родным, близким, коллегам и ученикам Игоря Арсеновича. Светлая память о нём навсегда сохранится в наших сердцах.

Вечная память верному защитнику Отечества, неутомимому труженику, мудрому наставнику и надежному другу!

Президиум Академии военных наук

Бочарников Игорь Валентинович, доктор политических наук, действительный член АВН, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ имени Н.Э. Баумана, руководитель 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук.

Кулаков Андрей Анатольевич, кандидат философских наук, доцент, член-корреспондент АВН, ученый секретарь Отделения общего учения о войне и армии Академии военных наук.

Воскресенский Владимир Григорьевич, кандидат военных наук, доцент, старший научный сотрудник ЦНИИ МО РФ, профессор АВН.

Кондратьев Александр Евгеньевич, кандидат военных наук, доцент, секретарь редакционной коллегии АВН, член-корреспондент АВН.

Ушакова Наталья Владимировна, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ЦНИИ МО РФ.

Хлопотов Роман Сергеевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник военного института, майор.

Вдовин Александр Владимирович, кандидат военных наук, доцент, профессор АВН, полковник запаса.

Костин Кирилл Константинович, кандидат военных наук, профессор кафедры тактики Рязанского гвардейского высшего воздушно-десантного командного училища, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, член-корреспондент АВН, полковник в отставке.

Модестов Сергей Александрович, доктор философских наук, доктор политических

наук, кандидат военных наук, профессор, вице-президент АВН.

Петруня Сергей Николаевич, кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, член-корреспондент АВН, полковник.

Родин Рубин Владиславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ.

Лазукин Владимир Федорович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член АВН, полковник в отставке.

Малышев Владимир Александрович, доктор технических наук, профессор, профессор кафедры ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», действительный член АВН, полковник запаса.

Лен Владислав Леонидович, кандидат военных наук, доцент, профессор АВН, начальник факультета ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», полковник.

Кардаш Игорь Леонидович, доктор военных наук, профессор, действительный член АВН, главный научный сотрудник Главного центра научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии РФ.

Козичев Вячеслав Николаевич, доктор технических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола, действительный член АВН, полковник в отставке.

Ермаков Александр Александрович, кандидат военных наук, профессор АВН, полковник запаса.

Дульнев Павел Александрович, доктор военных наук, профессор, вице-президент АВН, почетный работник науки и высоких технологий РФ, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник НИЦ ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ».

Ковалев Владимир Георгиевич, кандидат технических наук, доцент, заслуженный изобретатель РФ, член-корреспондент РАЕН.

Скиба Валерий Александрович, доктор технических наук, доцент, начальник кафедры робототехнических комплексов военного (специального) назначения ВА РВСН им. Петра Великого, полковник.

Быков Константин Викторович, кандидат технических наук, докторант кафедры робототехнических комплексов военного (специального) назначения ВА РВСН им. Петра Великого, подполковник.

Орлянский Владимир Иванович, доктор военных наук, профессор, научный сотрудник ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», заслуженный работник высшей школы РФ, полковник в отставке.

Моисеев Владимир Михайлович, кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры оперативного искусства ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», полковник запаса.

Маркитан Ремус Васильевич, доктор военных наук, профессор, научный сотрудник НИЦ ВА РВСН имени Петра Великого, почетный работник высшего профессионального образования РФ, лауреат премии президента РФ в области образования, действительный член АВН, генерал-лейтенант в отставке.

Соколов Дмитрий Иванович, докторант ВА РВСН имени Петра Великого, кандидат военных наук, подполковник.

Герасимов Виталий Петрович, начальник Казанского высшего танкового командного училища, генерал-майор.

Степанов Алексей Петрович, доктор военных наук, доцент, заместитель началь-

ника Казанского высшего танкового командного училища по учебной и научной работе, действительный член АВН, полковник.

Шлык Юрий Францевич, доктор военных наук, профессор, профессор кафедры ВУНЦ СВ «Общевойсковая академия ВС РФ», заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член АВН, полковник в отставке.

Золотов Станислав Анатольевич, адъютант НИИ МО РФ, капитан-лейтенант.

Мошин Андрей Юрьевич, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник НИИ МО РФ.

Шумаев Виталий Андреевич, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ МО РФ.

Филипповых Дмитрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, почетный работник науки и высоких технологий РФ, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, руководитель научного отделения «Военной истории» АВН, действительный член АВН, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, капитан 1 ранга в отставке.

Чернуха Ростислав Михайлович, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник НИЦ (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ, член-корреспондент АВН, полковник запаса.

Паршин Виктор Васильевич, кандидат исторических наук, профессор, старший научный сотрудник НИЦ (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета им. князя Александра Невского МО РФ.

Федулов Сергей Валентинович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военно-космической

академии им. А. Ф. Можайского, член-корреспондент АВН.

Руденко Владислав Эдуардович, курсовой офицер-преподаватель Михайловской военной артиллерийской академии.

Соколов В.В.

Дементьев Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник НИЦ (фундаментальных военно-истори-

ческих проблем) ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского», подполковник запаса ФСБ России.

Денисенко Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, научный сотрудник НИЦ (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета им. князя Александра Невского.

В ИНТЕРЕСАХ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ

Создан фонд разработок и исследований имени М.А. Гареева

В условиях геополитической нестабильности, нарастания экономических противоречий и борьбы за технологическое лидерство роль военной науки, научного предвидения и стратегического прогноза многократно возросла.

Многие фундаментальные теории, находящиеся на стыках отраслей фундаментальных знаний, не только устанавливают новые причинно-следственные связи, но и дают ключ к новым технологиям. Только глубоко проработанные и научно обоснованные выводы могут стать целевыми ориентирами для выбора оптимального варианта будущего России в целом и строительства Вооруженных Сил в частности.

Научное сообщество, инновационные и высокотехнологичные компании слабо ориентируются в потребностях государственных и других заказчиков. При этом история показывает, большинство действительно новаторских изобретений в военной области делается вопреки суждениям кадровых офицеров так называемыми вундеркиндами и интеллигентами-оборонцами.

Сейчас идет борьба умов и идей, что требует формирование среды для конкуренции идей и поддержка истинных талантов.

МИССИЯ ФОНДА

Объединение талантливых людей во имя создания новых знаний и реализации креативных идей.

ЦЕЛИ

- Стимулирование «конкуренции идей» путем вовлечения в научные исследования лучших умов и научных школ России, поддержки креативных проектов и талантливых людей.
- Установление когнитивных взаимосвязей между субъектами военной организации государства, науки и промышленности.
- Повышение роли и значения науки в системе знаний о современной войне и других факторах, обеспечивающих оборону страны.
- Поддержка деятельности Академии военных наук.
- Достижение побед на военно-историческом фронте.

ФУНКЦИИ ФОНДА

- ▶ Проведение исследований в области теории и практики военного дела, сущности и характера войн будущего, форм и способов вооруженной борьбы, гибридных форм противодействия, а также других комплексных проблем обороны государства.
- ▶ Научно-техническое сотрудничество с научными и образовательными организациями, инновационными компаниями и технопарками с целью развития тесной кооперации, поиска креативных идей, перспективных проектов и талантов.
- ▶ Организация проведения проектов по реализации креативных идей и прорывных исследований, а также по внедрению отдельных конструкторских решений и решению «нерешаемых задач».
- ▶ Коммерциализация разработок и организация производства результатов научных и опытно-конструкторских работ.
- ▶ Военно-научное обоснование форм и способов применения новых образцов ВВСТ.
- ▶ Военно-исторические исследования. Актуализация достижений военно-исторической науки в интересах современной военной науки.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФОНДА

- Военно-теоретические исследования в области теории и практики вооруженной борьбы и комплекса оборонных проблем.
- Военно-прикладные исследования и разработки с обоснованием форм и способов применения создаваемых ВВСТ, их места и роли в бою (операции).
- Военно-исторические и общественно-политические исследования.
- Специальный консалтинг в области взаимодействия с заказчиками при ведении научно-технической деятельности, внедрении инновационных решений, консультирование при реализации НИОКР.
- Увековечивание наследия М.А. Гареева. Благотворительная деятельность.

ФОНД РАЗРАБОТОК И ИССЛЕДОВАНИЙ ИМЕНИ М.А.ГАРЕЕВА

Одна из основных целей фонда - стимулирование «конкуренции идей» путем вовлечения в научные исследования лучших умов и научных школ России, поддержки креативных проектов и талантливых людей.

ФОНД РАЗРАБОТОК И ИССЛЕДОВАНИЙ ИМЕНИ М.А. ГАРЕЕВА

ИНН/КПП 7704282210/770401001

ОГРН 1147799009830

Код ОКТМО 45383000000

Р/счет 40703810000010003256

К/счет 30101810945250000488

в ООО «УНИФОНДБАНК»

БИК 044525488